

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 1 (33) 2012
ISSN 1996-0522

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

С. В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю. Г. Ершов – д.ф.н., профессор
В. А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А. В. Павлов – д.ф.н., профессор
В. Д. Попов – д.ф.н., профессор
А. С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология

С. Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А. В. Понедельков – д.полит.н., профессор
О. Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

Социология

Е. В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н. Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция

В. Г. Графский – д.ю.н., профессор
С. В. Кодан – д.ю.н., профессор
А. Б. Сергеев – д.ю.н., профессор

Экономика

О. В. Артемова – д.э.н., профессор
Т. Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология

С. С. Загребин – д.и.н., профессор
Л. Б. Зубанова – д.культурологии, доцент
А. Н. Лукин – к.культурологии, доцент

История

С. В. Нечаева – к.и.н., доцент
В. Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С. С. Смирнов – д.и.н., профессор

Главный редактор

доктор политических наук,
профессор С. Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А. С. Чупров

Редакция

А. Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С. Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е. В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А. В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и права
Т. Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления
С. С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В. Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А. В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук А. А. Куштым

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.

Подписано в печать 22.02.2012 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Печ. л. 8,75.
Тираж 1000 экз. Заказ № 122.
Гарнитура FreeSet. Печать офсет.
Издание подготовлено к печати
и отпечатано
Издательским центром «Академия»,
625017, г. Тюмень,
ул. Авторемонтная, 18, стр. 5,
Тел./факс: (3452) 68-23-92,
E-mail: press@whiteship.ru.

Цена свободная.

СОЦИУМ**С. Г. Зырянов**

Социальная стратификация
и социальная мобильность
населения Челябинской области 5

С. В. Киселев

Аналитико-игровые подходы исследования
систем социального управления 9

В. Г. Попов, В. Н. Климов

Социальная сущность предпринимательства:
проблемы становления в условиях
общественной трансформации 14

Т. В. Филипповская

Отторжение знаний
и регрессивная мобильность интеллигенции:
актуальные практики 19

Е. В. Грунт, А. В. Юрьева

Факторы формирования театральной потребности
населения малого уральского города 24

ВЛАСТЬ**А. В. Зайцев**

Диалог государства и гражданского общества
как социально-политическая категория 30

А. А. Лобжанидзе

Политическая мифология:
проблема иррациональности 34

Е. М. Гурарий

Динамические аспекты развития
политического пространства 39

Р. С. Мухаметов

Актуальные проблемы
российско-европейских отношений
на современном этапе 44

А. А. Хрыкин

Сетевые политические коммуникации:
потенциал влияния 49

И. В. Кирдяшкин

Государственная молодежная политика:
смысловые константы 54

Л. А. Липская

Молодежь и политика:
проблема повышения политической активности 58

С. М. Панарин, Д. К. Булатова

Анализ достоверности результатов выборов
третьего и четвертого электоральных циклов
на примере Тюменской области 63

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**А. В. Лапаева**

Соотношение государства, права и нравственности
в воззрениях С. А. Котляревского 67

Н. И. Красняков

Императив национально-этнического компонента
государственности в реализации государственной власти
в России второй половины XVII – начала XX вв. 72

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал****«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Адрес в Интернет:
<http://rane74.ru>

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

О. В. Дубровин

Некоторые вопросы о муниципальной собственности 77

С. И. Сулова

Формирование и удовлетворение жилищной потребности (цивилистический аспект) 80

А. Б. Сергеев

Порог легализации денежных средств, приобретенных преступным путем, как критерий уголовной ответственности 85

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ**Р. К. Овчаренко**

Особенности управления гражданской службой субъекта Российской Федерации 88

Н. Ю. Коротина, Т. В. Ташкинова

Организационно-экономический механизм управления конкурентоспособностью розничных торговых предприятий 92

КУЛЬТУРА**Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов**

О ментальных основаниях общественной солидарности 98

А. Н. Лукин

Осмысление творческого начала в человеке русскими религиозными философами начала XX века 103

ИСТОРИЯ**Б. Н. Карипов**

Конструктивный потенциал русской консервативной идеологии второй половины XIX – начала XX века 107

М. Г. Агапов

Партийно-советское руководство и российские сионисты: в поисках *modus vivendi* (1917–1920-е гг.) 112

А. А. Попов

Становление региональной политики в Словакии и Словении: два пути в зону евро 117

С. М. Стасюкевич

Власть и дальневосточное крестьянство в условиях хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. 122

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА**С. В. Борисов**

Эссе о «философском векордизме» (мысли, навеянные статьей М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты») 127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Социальные отношения в турбулентные времена 129

**Scientific journal
«SOCIMUM and POWER»**

№ 1 (33) 2012
ISSN 1996–0522

Founded by
«Ural Academy of Public Administration» and
«Institute of urban development»

Published by
Chelyabinsk institute (branch) of
the Ural Academy of Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

S. V. Borisov – Ph. D., professor
Yu. G. Ershov – Ph. D., professor
V. A. Loskutov – Ph. D., Professor
A. V. Pavlov – Ph. D., Professor
V. D. Popov – Ph. D., Professor
A. S. Chuprov – Ph. D., Professor

Political Science

S. G. Zyrianov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
A. V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor

O. F. Rusakova – Dr. Sc. (Political Science),
Professor

Sociology

E. V. Grunt – Ph. D., Professor
N. B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V. G. Grafskiy – LLD, Professor
S. V. Kodan – LLD, Professor
A. B. Sergeev – LLD, Professor

Economics and Administration

O. V. Artyomova – Dr. Sc. (Economics), Professor
T. Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor

Cultural Studies

S. S. Zagrebin – Dr. Sc. (History), Professor
L. B. Zubanova – Dr. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
A. N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor

History

S. V. Nechaeva – Cand. Sc. (History),
Assistant Professor
V. N. Novoselov – Dr. Sc. (History), Professor
S. S. Smirnov – Dr. Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science,
Professor S. G. Zyryanov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy,
Professor A. S. Chuprov

Editorial board

A. N. Lukin – Head of Philosophy Dept
S. G. Zyrianov – Head of Political Science Dept
E. V. Grunt – Head of Sociology Dept
A. V. Ylyinykh – Head of Law and State Dept
T. Yu. Savchenko – Economics and management
S. S. Zagrebin – Head of Cultural Studies Dept
V. N. Novoselov – Head of History Dept
A. V. Pavlov – International Relations

Executive editor

Cand. Sc. (Philosophy)
A. A. Kushtym

Certificate of Registration
PI № 77–48298 of 24.01.2012

Passed for printing on February 22, 2012.
Format: 70x108¹/₁₆. Signatures: 8.75.
Circulation: 1,000 copies. Order # 122.
Font family: 'FreeSet'. Offset printing.
The publication was prepared and printed
by the 'Academia' Publishing Center.
Bldg 5, 18 Avtoremontnaya St,
Tyumen, Russia, 625017.
Phone/Fax: +7 3452 682392

Free price

SOCIETY

S. G. Zyryanov

Social Stratification and Social Mobility
of the Chelyabinsk Region Population 5

S. V. Kiselev

Analytical and Gaming Approaches to Research of Social
Administration Systems 9

V. G. Popov, V. N. Klimov

Social Essence of Entrepreneurship: Issues of Formation
in the Social Transformation Environment 14

T. V. Filippovskaya

Rejection of Knowledge and Regressive Mobility
of the Intellectuals: Current Practice 19

E. V. Grunt, A. V. Yurieva

Factors of Formation of the Need for Theatre
among a Small Ural Town Population 24

POWER

A. V. Zaitsev

Dialogue between the State and
Civil Society as a Socio-Political Category 30

A. A. Lobzhanidze

Political Mythology: the Issue of Irrationality 34

E. M. Gugariy

Dynamic Aspects of the Political Space Development 39

R. S. Mukhametov

Topical Issues of Russian-European Relations at the
Contemporary Stage 44

A. A. Khrykin

Network Political Communication:
the Impact Potential 49

I. V. Kirdyashkin

State Youth Policy: Semantic Constants 57

L. A. Lipskaya

Youth and Politics:
the Issue of Increasing Political Activism 58

S. M. Panarin, D. K. Bulatova

Analysis of Validity of Elections Results of the Third and Fourth
Electoral Cycles Based on the Tyumen Region Example 63

STATE AND LAW

A. V. Lapaeva

Correlation of the State, Law and Morality
in views of S. A. Kotlyarevsky 67

N. I. Krasnyakov

Imperative of the National and Ethnic Component
of the Statehood in Exercising State Power
in Russia in the Second Half
of the 17th – Early 20th Century 72

INFORMATION FOR READERS AND AUTHORS

Scientific journal

«SOCIUM AND POWER»

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included in **the list of leading reviewed scientific journals and publications**, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
 Editor's office phone number:
 (351) 771-42-30
 E-mail: kushtym@rane74.ru

Website:
<http://rane74.ru>

Disclaimer:

Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published six times a year, is distributed by subscription at post offices

**Subscription index in
 Russia
 46536**

O. V. Dubrovin

Some Issues of Municipal Property 77

S. I. Suslova

On the Issue of Formation and Satisfaction of the Housing Need (Civilist Aspect) 80

A. B. Sergeev

The Threshold of the Legalization of Funds Derived from Criminal Activity as a Criterion for Criminal Responsibility 85

ECONOMICS AND ADMINISTRATION

R. K. Ovcharenko

Features of the Civil Service Administration by a Region of the Russian Federation 88

N. Y. Korotina, T. V. Tashkinova

Issues of Formation and Implementation of an Organizational and Economic Mechanism for the Control of Retail Enterprises Competitiveness 92

CULTURE

N. I. Gubanov, N. N. Gubanov

On the Mental Basis of Social Solidarity 98

A. N. Lukin

Understanding the Creative Element in a Human Being by Russian Religious Philosophers of the Early 20th Century 103

HISTORY

B. N. Karipov

Constructive Potential of Russian Conservative Ideology in the Second Half of the 19th – Early 20th Century 107

M. G. Agapov

Soviet Party Leadership and Russian Zionists: in Search for Modus Vivendi (1917-1920's) 112

A. A. Popov

Formation of Regional Policy in Slovakia and Slovenia: the Two Paths to the Eurozone 117

S. M. Stasyukevich

Power and the Far Eastern Peasantry in the Grain Procurement Crisis of 1927-28 122

DISCUSSIONS AND POLEMICS

S. V. Borisov

Essay on 'Philosophical Vecordism' (thoughts, inspired by the article 'Vecordism or World-View as a Defense Method' by M. V. Chekmarev and A. S. Chuprov) 127

SCIENTIFIC LIFE

Social Relations in Turbulent Times 129

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ*

УДК 316.4

С. Г. ЗЫРЯНОВ

Социальная мобильность в Челябинской области

Социальная мобильность – это изменение социального статуса, то есть перемещение индивида или социальной группы между различными позициями в системе социальной стратификации. В связи с большой доступностью данных о профессиональном положении индикатором социальной мобильности в большинстве исследований выступает социально-профессиональный статус [2, с. 948].

Проведённые в течение 20 лет рыночные преобразования, появление новых форм собственности, структурные изменения в экономике являются главными факторами, которые влияют на социальную мобильность

населения. И прежде всего это относится к изменению положения групп в структуре трудовой занятости.

Данные социологического исследования показывают, что за последние 13 лет более половины (51,6%) населения области поменяло свои позиции в структуре занятости.

Следует отметить, что значительная часть перемещений (27,1%) связана с естественными причинами: выходом на рынок труда представителей молодого поколения – бывших учащихся и студентов – и уходом на пенсию части работающего населения. Эти процессы не характеризуют социальную мобильность с точки зрения последствий влияния структурных или индивидуально-мотивационных факторов.

Изменения положения в структуре занятости

Таблица №6

	Численность группы, чел.	Доля перемещений, %
Работники сферы быта и услуг	98	42,0
Работники торговли	127	39,4
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	58	36,6
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	308	35,4
Предприниматели	96	33,5
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	188	28,4
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.	208	20,8

Как показал анализ перемещений занятого населения между различными социальными группами, наибольшую интенсивность мобильность имеет место в группе работников сферы быта и услуг (42% изменивших позицию) и работников торговли (39,4% изменивших позицию). Состав рабочих, ИТР, госслужащих, служащих социальной сферы менее подвижен, здесь мобильность характерна для 25–30% работников.

Основные траектории перемещений между социально-профессиональными группами представлены в рисунке № 2.

Судя по данным опроса, основным фактором, удерживающим человека на рабочем месте, является привычка, то есть сложившийся

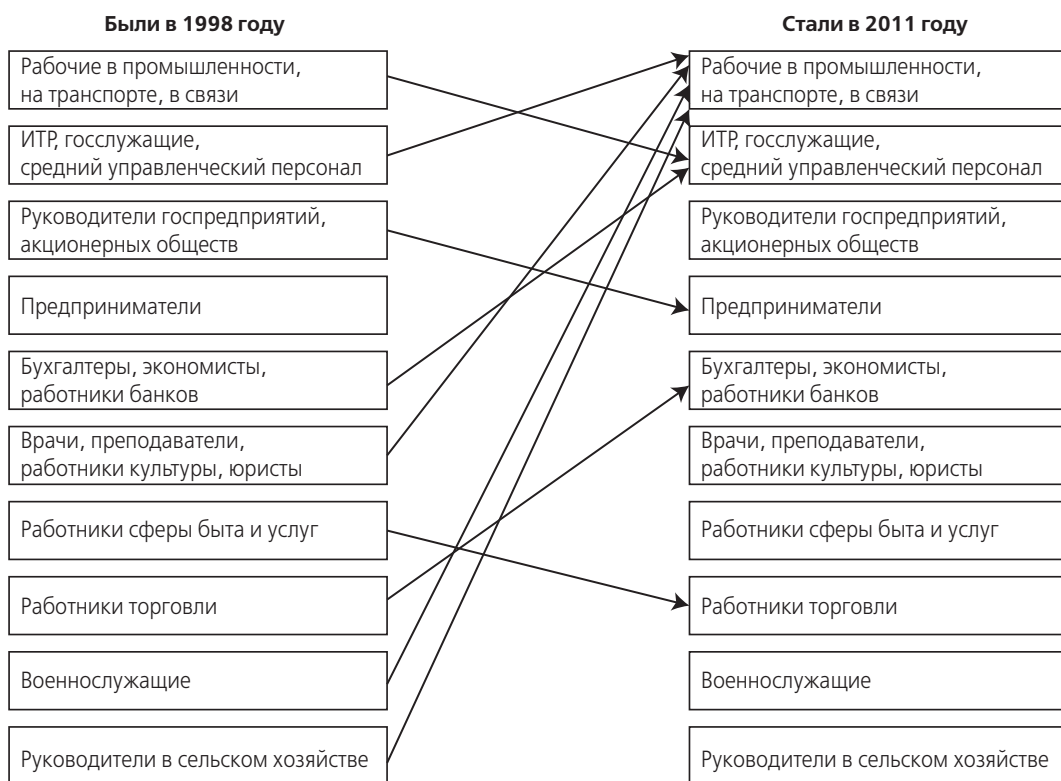
способ поведения, осуществление которого в определённой ситуации приобретает для индивида характер потребности. Привычку к своей работе отмечают 34,1% опрошенных. Вторым мотивом, тормозящим социальную мобильность в регионе, является слабая диверсификация рынка рабочих профессий и не настроенная под современные реалии системы профессиональной переподготовки. Это приводит к тому, что мотив «мне некуда уходить» отмечают 29,8%.

Содержательные статусные и экономические мотивы социальных перемещений имеют значительно меньшую распространённость: интерес – появилась возможность более интересной работы – отмечают 23,3% среди возможных

* Окончание. Начало в № 4, 2011.

Основные траектории мобильности социально-профессиональных групп

Рисунок №2

причин смены работы, престиж рабочего места – 31%, а хорошую оплату труда – 18,1%, самореализацию – на новом рабочем месте я буду иметь больше возможностей проявить себя – только 9,7%.

Доля работников, вынужденно отказавшихся от старого места работы (сокращение, закрытие производства – 21,2%, отсутствие востребованности в профессии – 3,6%), в сумме составляет 24,8% причин изменения места занятости.

Средний класс – это социолого-политологическое понятие для обозначения промежуточных социальных слоёв, располагающихся между элитой, господствующей в обществе, с одной стороны, пролетариатом, вкупе с маргинальными социальными группами, – с другой. Традиционно предполагается, что удельный вес и влияние среднего класса в обществе любого типа обуславливают как присущий последнему диапазон возможных общественных противоречий, так и адаптационный потенциал этого общества [2, с. 1087].

Для того чтобы определить границы среднего класса в Челябинской области, была использована методика, разработанная Центром изучения социокультурных изменений

Института философии Российской академии наук. Отнесение к среднему классу осуществлялось на основе трёх критериев: социальной самоидентификации, субъективной оценке материальной обеспеченности, образовательного статуса.

Ещё одной особенностью исследования стала самоидентификация респондентов в трёх измерениях: в отношении своего поселения, региона, страны в целом.

Следует отметить, что полученные таким образом оценки респондентов относительно собственного социального положения в целом согласуются, но на каждом из трёх уровней границы отнёсших себя к среднему классу не совпадают.

Если в масштабах своего города (села) к среднему классу относят себя 44% опрошенных, в регионе – 31,4% опрошенных, то относительно всей страны – всего 22,4%.

Весьма характерно, что самоидентификация по всем трём измерениям (одновременное отнесение себя к среднему классу в масштабах своего города, региона и страны в целом), то есть полная самоидентификация была выявлена только у 17,8% респондентов.

Полученные нами данные о численности среднего класса повторяют результаты других исследователей. Так, В. Ковнир и Т. Рысина дают следующую картину социальной структуры современного российского общества: «Масштабы различий в социальном положении россиян можно представить более конкретно путём анализа материального состояния крупных социальных групп. Таковыми в нашем анализе являются: бедные, составляющие около 18% населения; малообеспеченные – 60% населения, «средний класс» – 18%; богатые и сверхбогатые (экономическая элита) – 3–4%» [1, с. 29].

Одним из самых важных критериев отношения человека к среднему классу является его материальное положение. По этому показателю претендентами на попадание в средний класс оказалась половина опрошенных: 34,4% можно отнести к категории «обеспеченных», 16,9% – к «зажиточным».

В применяемой методике в качестве одного из критериев выделения среднего класса является использование образовательного статуса, что обусловливается спецификой социальных качеств и функций этой группы. Необходимый

уровень культурно-образовательного капитала, соответствующий социально-профессиональному статусу представителей среднего класса, обеспечивается образованием не ниже среднего специального. Однако данные социологического исследования в Челябинской области не зафиксировали дифференцирующего влияния этого критерия.

Принятая нами перекрёстная классификация данных о самоидентификации с признаками материальной обеспеченности и уровня образования дала возможность установить масштаб группы, представителей которой можно отнести к среднему классу. В масштабе страны к этой страте относятся 22,4% жителей области, в регионе – 31,4%, в своём поселении – 44%. Совпадение идентификации во всех трёх измерениях наблюдается у 17,8%.

Социально-демографический состав среднего класса не имеет заметных отличий от массива всех опрошенных респондентов (см. табл. №7), кроме одной – возраста, в нём преобладают молодые люди – 7,4%, средний возраст представителя среднего класса составляет 38 лет, в то время как в целом по массиву опрошенных он составляет 43 года.

Социально-демографические характеристики среднего класса в 2011 г., Челябинская область (в%)

Таблица № 7

	Средний класс	Весь массив
<i>Пол</i>		
Мужской	41,3	43,2
Женский	58,7	56,8
<i>Возраст</i>		
18–30	34,2	26,8
31–50	41,3	39,3
Старше 50 лет	24,5	33,9
<i>Образование</i>		
Среднее специальное	38,0	38,2
Неоконченное высшее	9,2	8,3
Высшее	31,8	30,8
<i>Тип поселения</i>		
Город	87,4	88,2
Село	12,6	11,8

Вопреки первоначальным ожиданиям, образовательный и поселенческий признаки существенно не дифференцируют представителей регионального сегмента среднего класса и выборку в целом. Тема образования как одного из основных факторов, образующих средний класс, отмечается практически всеми исследователями. В уже упоминавшейся работе В. Ковнира и Т. Рысиной характеристика среднего

класса начинается с образовательного статуса. «Как правило, к представителям среднего класса относят высокообразованных, трудолюбивых профессионалов, активных людей, постоянно находящихся в процессе самосовершенствования, стремящихся обеспечить достойную жизнь себе и своей семье». Уровень доходов таких граждан позволяет им иметь достойное жильё (квартиру, дачный дом или загородный коттедж),

**Социальные настроения среднего класса
(Челябинская область)**

Таблица № 8

Показатели социального настроения	Средний класс	Выборка в целом
<i>Удовлетворённость жизнью</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	58,2	53,9
Не очень удовлетворён, совсем не удовлетворён	28,0	31,3
Затрудняюсь ответить	13,1	13,8
Отказ от ответа	0,7	1,1
Индекс*	0,302	0,23
<i>Уверенность в будущем</i>		
Вполне уверен, скорее уверен, чем нет	42,8	38,0
Не могу сказать точно	35,9	32,7
Скорее не уверен, чем уверен	14,1	19,3
Совершенно не уверен	6,7	8,6
Отказ от ответа	0,5	1,4
Индекс	0,22	0,10
<i>Ожидания от жизни в будущем году</i>		
Будем жить значительно лучше или несколько лучше	38,1	28,4
Ничего не изменится	26,6	30,9
Будем жить несколько хуже или значительно хуже	6,0	9,6
Не знаю, отказ от ответа	29,3	32,8
Индекс	0,32	0,18

автомобили, возможности получения образования, квалифицированной медицинской помощи, повышения уровня квалификации, обеспечения полноценного отдыха и досуга себе и своей семье» [4, с.34].

Одна из важнейших особенностей ментальности среднего класса – это наличие отчётливо выраженного созидательного настроения.

Для наиболее корректного сравнения социальных настроений среднего класса и всего массива опрошенных были использованы обобщающие индексы. Значения индексов свидетельствуют о том, что среднему классу в сравнении с общей выборкой свойственна большая удовлетворённость жизнью (0,302% против 0,23%), уверенность в благоприятных перспективах будущего (0,22% против 0,10%), в том числе в предстоящем году жизни (0,32% против 0,18%).

Представленные в статье материалы исследования свидетельствуют о том, что процессы изменения социальной структуры в Челябинской

области во многом схожи с теми, которые происходят в российском обществе. В сфере материального обеспечения на фоне роста общего благосостояния наблюдается значительная дифференциация населения по уровню доходов и расходов. Процессы социальной дифференциации идут разнонаправленно и неравномерно и обнаруживают значительную специфику в демографических и территориальных группах населения области. На фоне значительной материальной дифференциации, сформировавшихся различий в доступе к социально-политическим и социокультурным ресурсам в регионе идёт процесс формирования и закрепления базовых элементов новой социальной структуры, возникают новые слои и группы. Очевидной специфической чертой региона являются более высокие темпы и глубина материального расслоения регионального сообщества, резкие контрасты в социальном положении отдельных групп населения, которые усугубляются территориальным и отраслевым неравенством.

1. Ковнир В. Н., Рысина Т. В. Политика доходов и социальное неравенство в РФ [Текст]. Вестник Московского университета. Серия 21 Управление (государство и общество). – 2011. № 3. С. 29.

2. Новейший социологический словарь [Текст] / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2010. – С. 958.

* Значения индексов рассчитаны по формуле $I = \frac{(n1-n3)}{n}$ где $n1$ – число положительных ответов, $n3$ – число отрицательных ответов, n – общее число респондентов в группе. Значения индексов изменяются в диапазоне (-1;1), при этом отрицательные значения свидетельствуют о преобладании негативных оценок, положительные – о позитивных. Значения индекса, близкие к 0, указывают на примерно равное соотношение численности групп.

АНАЛИТИКО–ИГРОВЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 301

С.В. КИСЕЛЕВ

Многообразие, разнородность и эклектичность процессов общественной жизни, происходящих в современном мире, рост противоречий и различных конфликтов в социально-экономических, властно-политических, межнациональных, религиозных и иных сферах общественного развития порождают потребность в их объективном рассмотрении, в т.ч. средствами игрового моделирования, позволяющего структурировать и прогнозировать динамичные трансформации различных видов конфронтаций.

В этой связи целью настоящей работы является рассмотрение условий формирования аналитико-игровых подходов к структурированию и моделированию общественных отношений, основанных на соперничестве интересов и коалициях сотрудничества, ориентированных на достижение частных и коллективных выгод в процессе преследования некоторых общих целей реализации составительных практик. Даже у непримиримых противников в самых кровопролитных войнах периодически возникали условия для схождения общих интересов, от обмена пленными или дипломатических сношений до формирования союзов против общего врага.

Вполне естественно, что интерес к игровым подходам анализа соперничества сторон, преследующих некоторые общие цели, достижение которых связано с получением превосходства над оппонентами, стало входить в сферу научного оборота, с одной стороны, под воздействием геополитического анализа ресурсов обеспечения доминирования мировых держав, с другой — выступая следствием развития научных теорий математического и экономического анализа.

Уже в начальных подходах формирования геополитических доктрин, направленных на поддержание гегемонии ряда европейских стран, ракурс аналитических оценок соотносился с игровой структурой рассмотрения проблемных ситуаций. Так, в работах американского адмирала А.Т. Мэхена (1840–1914) «история морского могущества в значительной степени ... [рассматривалась как] повествование о состязаниях между нациями» [8, с. 185]. В концептуальных построениях

немецкого геополитика К. Хаусхофера (1869–1946) руководство страны, словно в шахматной партии, призывалось удерживать «центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии [при котором] она может по всем направлениям, за исключением севера, одновременно наносить и одновременно получать удары» [15, с. 27]. Х. Макиндер (1861–1947) соотносил с искусным розыгрышем наличных возможностей государства использование его «географических, а также экономических и стратегических условий, а с другой — относительной численности, мужества, оснащенности и организации конкурирующих народов», что, по его мнению, и определяло «настоящий баланс политического могущества в каждый конкретный момент» [7, с. 29].

Эти и другие подходы моделирования различных аспектов противостояния субъектов международной политики продолжают развиваться в русле аналитико-игрового рассмотрения исследуемой проблематики. Широкую известность, например, получила концепция геополитической шахматной доски З. Бжезинского, выражающей продолжение «борьбы за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами» [1, с. 12].

Сближение с игровым анализом международного соперничества, по мнению одного из отцов современной американской дипломатии Г. Киссинджера, состоит в нелинейном характере оперируемых событий и факторов влияния, множественности угроз дестабилизации международных отношений и возросших притязаниях различных стран отстаивать и расширять свою роль в мировой политике. Говоря об ограниченных возможностях ее рационального представления, Киссинджер замечает, что ныне «убежденность, требующаяся, чтобы управлять нарождающимся мировым порядком, носит более абстрактный характер» из-за трудностей «представления о будущем, которое не имеет наглядного облика в момент его формирования, и суждения о взаимоотношениях между надеждой и возможностью, которое по сути своей лишь предположительно» [6, с. 763].

Ограниченные возможности рациональных трактовок социальных интеракций связываются с известной свободой поступков людей, как и формируемых ими оценочных позиций, отнюдь не рассматривающих себя простыми исполнителями поведенческих схем, которым им склонны приписывать обществоведы. Лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Саймон резонно отмечает, что «рациональность не определяет поведения. В пределах рациональности поведение абсолютно гибкое приспособляется к возможностям, целям и знаниям. Поведение же напротив, определяется иррациональными элементами, устанавливающими границы рациональности... Теория организационного управления должна заниматься пределами рациональности и тем, как организация воздействует на пределы рациональности действий принимающего решения лица» [12, с. 22].

Уже в самом содержании сферы политики как системы организации власти и общественного управления в силу компонентов саморегулирования процессов взаимодействия и отклика на вызовы иных социальных систем — экономических, культурных, идеологических и др. выделяется сближение с игровыми системами. Так, один из ведущих разработчиков системного анализа Д. Истон рассматривает политику в русле бихевиористской модели «черного ящика» различных процессов, представляемых и моделируемых по реагированию на возмущающие факторы воздействия. С его точки зрения следует рассматривать «политическую жизнь как сложный комплекс процессов, с помощью которых определенные типы «входов» (inputs) преобразуются в «выходы» (outputs) (назовем их властными решениями и действиями)» [5, с. 630]. Сама же политическая сфера, находясь во взаимодействии с различными средами (другими системами), испытывает многообразие влияния «в физическом, биологическом, социальном и психологическом окружениях (environments)» и указывает в итоге на то, что «политическая жизнь является открытой системой» [5, с. 630, 631].

Действительно, успехи политических действий связываются не только с соответствием заявленным рациональным намерениям — партийным программам, концепциям лидеров, идейным призывам общественных деятелей и т. п., — но и с тем полем не вполне упорядоченных действий, которые могут нарушать некоторые формализованные ограничения в виде нормативных предписаний. Нередко

политикам приходится считаться с действиями оппонентов, использующих вольные трактовки законодательных рамок общественной деятельности, не запрещенные способы привлечения их гражданской поддержки и подрыва авторитета противников, в чем убеждает бурное развитие пиар-технологий и информационных кампаний, направленных на создание соответствующего имиджа политических игроков. При этом политическим лидерам и их сторонникам приходится рассматривать не только действия конкурентов, которые должны строго соответствовать требованиям законодательного регулирования, но и возможности их обхождения, манипулирования, игры против формальных правил, чьи нарушения не носят столь явно дискредитирующий закон характер, чтобы они были немедленно пресечены надзорными инстанциями. Не стоит забывать, что приход А. Гитлера и национал-социалистической партии к руководству Германии состоялся вполне легитимно, получив одобрение значительной части избирателей и истеблишмента страны по итогам парламентских выборов 1932 г. Так как же и о тщете рациональных усилий лидеров европейских стран добиться политикой умиротворения нацистской Германии (по Мюнхенским соглашениям 1938 г.) обеспечения собственной безопасности, жертвуя суверенитетом других государств (Австрии и Чехии).

Это показывает необходимость рассмотрения структуры социальных конфликтов не только в формализованно последовательной логике развития, но и в динамике разнонаправленных тенденций, часто бросающих прямой вызов нормативным установлениям (соглашениям) и их интерпретациям вплоть до возможного пересмотра правил игры. Такое видение способов разрешения конфронтаций соответствует содержанию игрового соперничества, где, как и в спорте, его не склонны прекращать, дабы не выхолащивать суть интриги борьбы при мелких нарушениях правил, что было бы невозможным, если бы к ней применялся такой же пунктуальный контроль за полным соответствием регламентациям, как, например, в судебных разбирательствах.

В этом смысле следует выделить особенность структурного содержания сфер властно-политических отношений, связываемой с их принадлежностью к таким системам открытого типа, которым соответствует ряд интеллектуально-игровых состязаний, в том числе и шахматы. Участники политико-игрового поля своими реакциями на вызовы окружения

политической системы формируют общий отклик, направленный на поддержание ее равновесия. При этом ее открытость для коммуникаций с другими системами выражается в непрерывности «обменов, или трансакций, которые могут пересекать границы политической системы» [5, с. 637]. Те же процессы характерны и для игровой модели шахматной партии с ее практически бесконечным (для учета в мыслительных операциях возможных исходов) расчетом фигурных трансакций. Отсюда возникает парадокс выбора лучших вариантов из ограниченных продолжений действий, предполагающая, что осуществленная выборка малых серий не будет противоречить максимальному объему возможных исходов. Это предполагает скорее вероятностное, чем рационально-исчерпывающее формирование целевых игровых действий, на что указывает Г. Саймон при анализе оптимальной стратегии шахматиста. «Для этого достаточно приписать выигрышу значение «+1», ничей – «0», а проигрышу – «-1», рассмотреть все возможные варианты развития партии и, двигаясь методом минимакса в обратном направлении от исхода каждого варианта в предположении, что каждый игрок в любой позиции делает наилучший из возможных ходов, определить, какой ход нужно делать. Единственная трудность состоит в том, что число необходимых для этого вычислений оказывается астрономически большим (порядка 10^{120} в степени), и потому их просто невыполнимо выполнить – ни вручную, ни даже с помощью машин, на которые можно рассчитывать в будущем» [12, с. 79]. Недоступность достижения абсолютных лучших игровых действий (также малодоступного, как утопии идеального общественного развития) к скептическому прогнозу выдающегося французского математика А. Пуанкаре, полагавшего, что «теория шахматной игры никогда не сможет стать наукой» [11, с. 21].

Прослеживая структурную аналогию шахматной игры и общественных процессов, Пуанкаре усматривает в них общность принятия решений в условиях неопределенности и самобытности ситуаций, требующих урегулирования и оперирующих в силу этого общими ориентирами действий. Открытость социальных систем, в которых люди в изменившихся обстоятельствах трансформируют свои мировоззренческие позиции, влияет на ограниченность их типизации и рационального анализа, ведь, замечает Пуанкаре, «всякая наука есть наука об общем» [11, с. 13], создавая ситуацию, когда, «каждая

диссертация в социологии предлагает новый метод, который, впрочем, каждый новый доктор опасается применять, так что социология есть наука, наиболее богатая методами и наиболее бедная результатами», ведь «всякая наука есть наука об общем» [11, с. 291, 13]. Эти ограничения социального анализа сравниваются с трудностями строгой логической обоснованности шахматно-игровой стратегии. «...Шахматный игрок может рассчитывать вперед на четыре, пять ходов, но, каким бы необыкновенным его ни представляли, он всегда предусмотрит только конечное число ходов; если он применит свои способности к арифметике, то он не будет в состоянии подметить в них общих истин путем одной непосредственной интуиции; он не будет в состоянии обойтись без помощи рассуждения путем рекуррентии при доказательстве самой незначительной теоремы, ибо это и есть то орудие, которое позволяет переходить от конечного к бесконечному» [11, с. 17].

Тем не менее, игра, не претендуя на замещение собой самой реальности, показывает, как подвижная имитация репрезентируемых характеристик объекта выделяет его существенные стороны как «модель, основанная на принципе «черного ящика», [которая] возникает тогда, когда о структуре моделируемого объекта известно слишком мало или даже ничего не известно. В этом случае от модели требуется только функциональное подобие: на одинаковые внешние сигналы моделируемый объект и модель должны отвечать одинаково» [3, с. 24]. Причины широкого распространения игрового анализа в разработке геополитических стратегий международной политики как раз следует связывать с рассмотрением в многосторонней динамике проблемных ситуаций, когда не только идентифицируется объект «что это такое?», но и когда «игра дает ответ на вопрос: «что с этим можно сделать?» [3, с. 132].

Широкое распространение математических, экономических и иных сценарных подходов к игровому моделированию социальных процессов связывалось с нарастанием эскалации соперничества в годы холодной войны. В ряде случаев они стимулировались военно-оборонным сотрудничеством государства и научных групп, занимавшихся рассмотрением неординарных проблемных ситуаций. Это касалось импульсов новаторских подходов в концептуальном продвижении теории игр со стороны ученых-выходцев из фирмы «РЭНД Корпорэйшн» как

организационно-интеллектуального центра научных разработок под эгидой ВВС США (г. Санта-Моника, штат Калифорния) [см. 4]. В них участвовали ставшие впоследствии нобелевскими лауреатами за достижения в развитии теории игр Дж. Нэш, Т. Шеллинг, Р. Ауманн, К. Эрроу, Р. Зелтен и Дж. Харшаньи и др. Характерную позицию о вкладе игрового анализа в практической плоскости исследований обозначил Р. Ауманн, отвечая на вопрос: «Чем смогут специалисты по теории игр способствовать исследованию войн?» [см. 13]. Он указал на важнейший аспект рассмотрения конфликтной ситуации в ракурсе взаимного перехода (анализа) на позиции оппонентов для оценки ресурсов, ориентированных на уступки (компромисс) и на стимулирование открытого противостояния (войны). Значимость теории игр Р. Ауманн связывает с преодолением изоляционистской позиции при урегулировании конфликтных ситуаций. По его мнению, «важнейшую причину войн представляет собой незнание того, что требует противная сторона. Конкурирующие страны знают лишь свои собственные переговорные позиции. Каждая из сторон знает лишь ту цену и меру компромисса, на которые она готова пойти до того, как начнет войну. Говоря языком экономики, каждый знает свою собственную цену, которую он считает для себя еще приемлемой. Но никто не знает, в какой мере своими целями дорожит другая сторона. Это является лишь предметом неточной предположительной расценки» [см. 13].

В числе других известных подходов в области аналитико-игровой теории, в том числе в сфере социального анализа, выделяется классический труд видных американских математиков-экономистов Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» [см. 9]. Рассматривая различные аспекты социально-экономического поведения человека в русле игрового соперничества, авторы исходят из того, что «для экономических и социальных проблем игры выполняют — или должны выполнять — ту же роль, которую различные геометрические и математические модели с успехом осуществляют в физических науках» [9, с. 58]. Значимость же таких игровых интерпретаций связывается с тем, что «подобные модели представляют собой теоретические построения с точными, исчерпывающими и не слишком сложными определениями; они должны быть схожи с реальностью в тех сторонах, которые существуют для проводимого исследования» [9, с. 58].

Упрощенное сходство социально-мотивированного и игрового выбора успешных действий состоит по Нейману и Моргенштерну в том, что «в играх в обычном понимании этого слова общие имеющиеся суммы всегда равны нулю: один участник может выиграть то, что теряют другие» [9, с. 59]. В итоге, как и в жизни, игровым соперничеством обусловлена «чистая задача распределения, т.е. дележа, и полностью отсутствует проблема повышения общей полезности, «общественного продукта». Во всех экономических вопросах последняя проблема также возникает, но задача о дележе остается» [9, с. 59].

Преимущества теории игр в социальном анализе связываются с формализованным выражением состояний процедурно-целевой ориентированности конкурирующих сторон и минимаксной оценки их выгод и потерь на основе моделирования широкого спектра ситуационных положений. При этом даже сторонники выделения теории игр в качестве «теории математических моделей принятия оптимальных решений в условиях конфликтов или неопределенности» признают равноправие ее исследования с позиций междисциплинарного анализа, полагая, что «теорию игр можно рассматривать вне каких-либо ее приложений и независимо от них» [2, с. 7]. В этом ключе, например, допускается перекрестное рассмотрение игровой теории с позиций математического анализа и «полной аналогии с шахматами, для которых еще в начале века получено конструктивное доказательство теоремы в существовании ситуации равновесия в чистых стратегиях, вплоть до функциональных уравнений для функции значения игры» [10, с. 3].

Следует отметить, что теоретико-игровая концепция рациональности исходит из предложения обоснованных критериев «устойчивости ситуаций равновесия игры, ... причины выбора совершенных равновесий игры» [14, с. 367]. Важным положением данной теории является разграничение типологии игр на кооперативные («допускающие принудительные соглашения») и бескоалиционные («не допускающие таких соглашений» [14, с. 2]), соотносимых соответственно с принятием или устранением от обязательств участников интеракций в процессе преследования своих интересов. Рассмотрение игровых стратегий в данном подходе моделирует не только стандартные процедуры игрового действия (реальные игры), но и имитационные конфигурации реальности: игра интересов в социальном проектировании, политическом процессе и других практиках.

Ограничения теории игр в интерпретации общественных феноменов связываются с незавершенностью ее положений, не выделяющих наилучшую направленность выбора действий, с чем вынуждены согласиться даже ведущие ее сторонники, признающие, что «она не дает четкого критерия относительно того, какую концепцию решения следует применять при анализе любой социальной ситуации в реальной жизни» [14, с. 9].

Таким образом, в работах математического и экономического игрового анализа применительно к сфере общественных отношений главный упор делается на формализацию приобретаемых выгод и упущений социальных интеракций, которые хотя и не могут отобразить всю палитру оппозиций и коалиций конкурирующих сторон, но, тем не менее, выделяют доминирующие векторы развития конфликтных ситуаций.

Обобщая перспективы теории игр для анализа социальных процессов, следует выделить ее значимость для диагностики и прогнозирования проблемных ситуаций, отличающихся: 1) открытостью для взаимодействия с другими

системами; 2) непрерывной динамикой взаимодействия соперничающих сторон (либо в активной, либо в потенциальной фазах); 3) равнозначным выбором альтернативных разрешений; 4) нарушениями нормативных ограничений состязательных практик, расширяющих ресурс использования иррационально-интуитивных стратегий оппонентов в самостоятельной трактовке обязательств по соблюдению правил игры.

Развитие аналитико-игрового видения проблемных ситуаций выступает частью системы непрерывной обратной связи субъекта и конкурирующей среды его взаимодействия, предупреждающей о потенциальных угрозах защиты и укрепления его суверенитета. В этом смысле подходы аналитико-игрового исследования социальных отношений, властно-политической деятельности и иных сфер соперничества конкурирующих сторон имеют широкие перспективы для рассмотрения и анализа сложнорганизованных и слабоструктурированных систем социального взаимодействия, основанных на конфликте общих интересов.

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы [Текст] / З. Бжезинский. — М. : Международные отношения, 2005. — 256 с.
2. Воробьев Н. Н. Современное состояние теории игр // Теория игр / АН Армянской ССР. Ереванский госуниверситет : Ереванское изд-во АН Армянской ССР, 1973. — 368 с.
3. Гаазе-Рапопорт, М. Г. От амебы до робота: модели поведения [Текст] / М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Поспелов. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 296 с.
4. Диксон П. Фабрики мысли / по переводу издательства «Прогресс», 1976 г. на русский язык с сокращениями книги: Paul Dickson. Think Tanks. New York, Atheneum, 1971. [Электронный ресурс]. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3026/3029> (дата обращения: 10.09.2011.).
5. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1997. — 830 с.
6. Киссинджер Г. Дипломатия. — М. : Ладомир, 1997. — 848 с.
7. Макиндер, Х. Дж. Географическая ось мира [Текст] / Х. Дж. Макиндер // Классика геополитики. XX в. — М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 731 с.
8. Мэхен А. Т. Влияние морской силы на историю [Текст] / А. Т. Мэхен // Классика геополитики, XIX в. — М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 718 с.
9. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. — М. : «Наука», 1970. — 707 с.
10. Петросян Л. А. Новые направления в теории дифференциальных игр // Теория игр и ее приложения / Сб. науч. трудов. — Кемерово : КемГУ, 1983.
11. Пуанкаре А. О науке. — М. : Наука, 1983. — 560 с.
12. Саймон Г. Науки об ответственном [Текст] / Г. Саймон. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 144 с.
13. Теория игр в изучении войн [Интервью с Р. Ауманном]. 31 октября 2005 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://delo.ua/news/economic/interview/info-468.html> (дата обращения: 25.02.2010).
14. Харшаньи Д., Зелтен Р. Общая теория выбора равновесия в играх. — СПб. : Санкт-Петербургский государственный факультет менеджмента, 2001. — 393 с.
15. Хаусхоффер, К. Регионы в их географическом и политическом значении [Текст] / К. Хаусхоффер // Классика геополитики. XX в. — М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 731 с.

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 316.343.624

В. Г. ПОПОВ, В. Н. КЛИМОВ

Процессы общественных преобразований в современной России затрагивают сущностные изменения в современном российском социуме. В результате рыночных преобразований в число приоритетных социальных групп не только по численности, но и по степени социально-экономической значимости выдвигается предпринимательство. Особый интерес в этой связи представляет исследование проблемы становления предпринимательства как субъекта социального развития социума.

Цель настоящей статьи — рассмотреть социальную сущность предпринимательства в условиях трансформации общества. Это представляется теоретически и практически значимым, поскольку в современных условиях предпринимательство в России как субъект социального развития социума находится в противоречивом состоянии. С одной стороны, расширяется значение и потребность в широкомасштабном развитии предпринимательства, позволяющего решить ряд социальных проблем социума. В частности, в условиях социально-экономического кризиса оно существенно снижает напряжение на рынке труда и помогает замедлить снижение уровня занятости населения. С другой стороны, условия и реальные ресурсы предпринимательства не достаточны для реализации стратегии социального развития российского общества.

Отдельные аспекты социологического анализа социальной сущности, ролевых позиций и функций предпринимательства в развитии современного российского социума нашли отражение в научных публикациях. В частности, разработка в 90-е гг. прошлого века и начала 2000-х гг. адаптационных стратегий социально-экономического развития территорий и регионов Урала, северных городов и закрытых административно-территориальных образований (В. В. Алексеев, Е. Г. Анимца, Е. Т. Артемов, В. Г. Баев, А. Э. Бедель, Е. В. Виноградова, В. А. Губарев, В. Н. Кабалина, Н. И. Крысин, И. А. Медведева, А. А. Передерий, А. М. Петросьянц, Т. Ю. Сидорина, В. А. Сухих, И. Д. Тургель,

Р. З. Халиуллин и др.) затронула вопросы определения места в их реализации современного предпринимательства. Большая часть этих работ носит характер социально-экономических, политических или социоисторических исследований.

В то же время следует отметить, что социологические подходы к изучению социальной сущности и роли предпринимательства в социальном развитии современного российского общества пока не вышли еще за пределы стадии разработки. Такого рода подходы слабо рассмотрены применительно к условиям социумов российских территорий в период общественных преобразований. В немалой степени это связано с недостаточно полным и всесторонним анализом социальной природы и сущности предпринимательства в развитии общества.

Этимология термина «предприниматели» достаточно очевидная [15, Р. 705, 707]. «Entrepreneur», «entreprendre» (фр.) — «предпринимать», «затевать», «браться», «приниматься за что-либо». «Enterprise», «entrepreneurship» (англ.) — предприятие, дело, предпринимательство. Предпринимательство отсюда — особый род инновационной экономической деятельности, основанный на использовании рискованного капитала, и особая социальная группа — «предприниматели», профессионально осуществляющих такую деятельность.

В таком же примерно контексте рассматривается сущность предпринимательства как феномена экономической сферы жизни современного общества в хозяйственном праве. Предпринимательство — «инициативная самостоятельная деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность или от имени и под юридическую ответственность юридического лица», причем имущественная ответственность предпринимателя предполагается в пределах, «определяемых организационно-правовой формой предприятия» [11, с. 597].

Очень часто это определение дополняется характеристикой тех видов хозяйственной деятельности, которые относятся к предпринимательству: «Предприниматель ... может осуществлять любые виды хозяйственной деятельности, не запрещенные законом, включая коммерческое посредничество, торгово-закупочную, консультационную и иную деятельность, а также операции с ценными бумагами» [12, с. 138]. Такого рода определения предпринимательства, как правило, являются достаточными для законодательного оформления и регулирования предпринимательской деятельности, но социальная сущность и социальные функции предпринимательства в них выражены далеко не полно. Этим объясняется необходимость в социоисторической реконструкции интерпретации данного феномена.

Впервые термин «предприниматель» был впервые введен в научный оборот в качестве системно осмысленного понятия английским экономистом и демографом Ричардом Кантильоном в его труде «Эссе об общей природе коммерции» (Лондон, 1755 г.). Для Кантильона главный, отличительный признак предпринимателя — это деловой риск, связанный с неопределенностью, нефиксированностью его результирующих доходов. В этом смысле крестьянин, ремесленник, торговец, разбойник и даже нищий могут рассматриваться как предпринимательские элементы, коль скоро они приобретают (или присваивают) чужой товар и продают свой (или перепродают приобретенный) по заранее неизвестной им цене, отражающей текущие, в том числе ситуационные, колебания спроса и предложения. Основная экономическая функция предпринимателя, таким образом, сводится к поддержанию спроса и предложения на товарных рынках. Находясь сам в перманентной ситуации неопределенности, предприниматель своей деятельностью вносит вклад в обеспечение общего «равновесия» в обществе [1, с. 193].

Как устойчивое социальное явление, предпринимательство зарождается и развивается в эпоху Нового времени (XVI–XIX вв.), то есть вместе со становлением капитализма как господствующего способа производства, хотя истоки предпринимательского типа деятельности (по крайней мере, в виде отдельных элементов) можно отнести и к более ранним временам. Однако подобая предпринимательская активность не оказывала заметного влияния на господствующие экономические отношения. Американские социологи А. Шапиро и Л. Сокол отмечают, что «в средние века

предпринимательская активность по умолчанию была оставлена группам, не вписывающимся ни в какие из основных “классов” феодального общества», поскольку была связана не с «положительными», нормативно закрепленными за отдельными сословиями и организационно оформленными видами хозяйственных занятий (земледелие, цеховое ремесло, гильдейская торговля, военное дело, отправление религиозного культа), но, скорее, с несанкционированными традиционной общественной моралью видами или аспектами деятельности — ростовщичеством (абсолютно запретным для христиан), утилизацией отходов, инновациями (использование новой техники, запрещавшееся контролировавшими ремесло цехами), рекламой, конкурентной «игрой» на ценах (запрещавшейся купеческими гильдиями и цехами) [14, P.74].

Это, безусловно, не означает, что в традиционном (добуржуазном) обществе не существовало социальных групп, извлекавших выгоду из своей деятельности. Уже в XIII в. католическая доктрина освящала предпринимательство, признавая его моральность в случае служению «общему благу». В дальнейшем это разрешение на прибыль с производительного капитала (при сохранении ссудного процента) существенно подтолкнуло развитие европейской экономики.

Однако, питаемая интересами поддержания системной упорядоченности общества и строгого, сословно закрепленного распределения в нем социальных ролей, социальная этика феодализма в целом культивировала враждебное отношение к идее предпринимательства как проявления неприкаянно-свободного духа деятельности, отягощенной к тому же неумеренной страстью к наживе и формально осуждаемым церковью сребролюбием [2, с. 9–10].

Английский социолог Карл Поланьи отмечает, что вплоть до заката феодализма в Западной Европе экономические системы строились на комбинации ограниченного числа институциональных принципов: взаимности (модель «симметрии»), перераспределения (модель «центричности») и домашнего хозяйства (модель «автаркии») — которые проявляли себя как регулирующие производство и распределение обычаи и общие нормы поведения, в свою очередь вытекавшие из социальной организации феодального общества. «Мотив же прибыли не играл здесь заметной роли. Совместное действие обычая и закона, магии и религии побуждало индивида

следовать тем правилам поведения, которые в конечном счете позволяли ему занять свое место в экономической системе» [6, с. 67], — отмечает Поланьи.

Предпринимательство в таких условиях становилось делом «несистемных» групп традиционного общества, которые, с одной стороны, подвергались институциональной дискриминации (запрет на определенные виды занятий, на приобретение собственности, юридическое неполноправие), а, с другой, в силу своей «чужеродности» освобождались, по факту, от тех ограничений и табу, которые действовали в отношении «системных» социальных групп общества. Таким путем чужеродные для системы социальные элементы (например, этнические и конфессиональные меньшинства, иммигранты) фактически «вгонялись» в сферу предпринимательской деятельности. Таким, например, было положение евреев в ряде стран Европы (в том числе и в дореволюционной России).

В.В. Радаев распространяет это наблюдение и на феномен современной массовой иммиграции. Объясняя феномен так называемого этнического предпринимательства, он отмечает, что отсутствие у иммигрантов и беженцев — как «несистемных», маргинальных элементов — необходимой квалификации, проблемы языка, трудности адаптации к действующим в обществе-реципиенте социокультурным нормам, формальная и скрытая дискриминация по отношению к ним, как правило, закрывают им «дорогу к престижным занятиям и к высокому положению, скажем, в бюрократической или военной иерархии». Как следствие этого, иммигранты вытесняются либо на вторичный рынок труда с непрестижными видами занятий и низким уровнем оплаты труда, либо в криминальную сферу.

В этих условиях присущее некоторым этническим меньшинствам на новой родине активное предпринимательское поведение может рассматриваться как стремление компенсировать в экономической сфере свои исходно низкие статусные позиции. Предпринимательство в этом контексте представляет собой уникальную «нишу» для малых этнических групп: здесь открывается достаточно много возможностей продвижения по пути улучшения своего материально-экономического положения и в то же время меньше зависимость от факторов институциональной дискриминации, блокирующих достижение высокого социального статуса [8, с. 83–84].

Вышеприведенный исторический экскурс позволяет высказать ряд замечаний теоретического свойства. В структуре традиционного (добуржуазного) общества или общества «социалистического», которое, как и первое, построено на примате внеэкономических институтов и ценностей, предпринимательство не находит своей определенной, системно обусловленной позиции, но функционирует, скорее, на случайной, эпизодической основе, в «разрывах» социальной ткани. При этом «несистемный» характер предпринимательства не исключает того, что оно и в традиционном обществе способно выполнять общественно полезные функции. Но здесь признание этого факта, как правило, проявляется в скрытых, латентных, нелегитимных формах и находится в противоречии с официально установленными нормами поведения и господствующей моралью.

В переходных обществах, как можно ожидать, оценка места предпринимательства в социальной структуре общества и, в особенности, его социальных функций носит амбивалентный характер, отражая временные компромиссы между старыми, традиционными, и новыми, капиталистическими, институтами. Например, очень характерным в этой связи выглядит спектр общественных позиций и оценок, сопровождавших развитие индивидуального (индивидуальная трудовая деятельность) и мелкого группового (кооперативного) предпринимательства в СССР во второй половине 1980-х гг. — «от полного одобрения...» до «абсолютного неприятия» [5, с. 3].

Рудименты подобной амбивалентности в отношении к предпринимательству характерны и для ряда современных западных обществ, испытавших на себе значительное воздействие таких традиционных (по сути, докапиталистических) институтов, как римско-католическая церковь. Исследователями отмечался тот факт, что отставание ряда стран Южной Европы (Италия, Испания, Португалия) по общей динамике экономического развития и индексам деловой активности от протестантских стран Северной Европы коренится в сильном влиянии социальной доктрины католицизма, которая отдает приоритет ценностям общественного блага перед индивидуализмом и считает, что наилучшие условия для успешного функционирования экономики и решения социальных проблем общества обеспечиваются «справедливыми» законами и политическими институтами, а не поощрением личной инициативы, индивидуального стремления к получению прибыли [13, p. 294].

Специалисты справедливо указывают, что социальная сущность предпринимательства как способа извлечения прибыли или дохода не должна пониматься столь отвлеченно — в категориях «экономического человека» классической политэкономии. Предприниматель осуществляет деятельность по производству, оказанию услуг или приобретению и продаже товаров в обмен на другие товары или деньги не только к собственной выгоде, но и к выгоде заинтересованных в этом лиц или предприятий (организаций) [7, с. 17]. В более широком контексте можно характеризовать предпринимательство как деятельность, осуществляемую «в целях получения прибыли на основе сочетания личной выгоды с общественной пользой» [9, с. 48].

Известный российский социолог Ф.Э. Шереги предлагает теоретико-социологическую модель предпринимательства, акцентирующую внимание на том, что его социальная сущность удостоверяется в процессе обмена продуктом труда, который измеряется в стоимостных категориях и совершается, как минимум, между двумя субъектами. По существу, этот обмен представляет собой отчуждение социальности и одновременно ее обретение, поскольку складывающееся на его основе общественное отношение сводится к установлению взаимной идентичности (взаимопонимания, «взаимопроникновения») участвующих в обмене субъектов: отчуждая свою сущность в форме продукта труда, предприниматель-субъект должен с необходимостью исходить из предположения о том, что такова же сущность (потребность) другого индивида, которому предназначается продукт, и что в результате обмена он получит эквивалент сущности потребляющего [10, с. 13]. Это позволяет рассматривать предпринимательство не только как активность субъекта, детерминированную индивидуальным интересом извлечения прибыли, но и как интегративный феномен социальных отношений — как социальный институт.

Такой характер предпринимательства получает свое наиболее полное выражение в условиях капитализма, где вещная идентификация личности доминирует, а универсальные отношения обмена предстают как опредмеченные общественные отношения. Работая на рынок, предприниматель вынужден устанавливать идентичность с максимальным числом производителей и потребителей и тем самым возводит свою индивидуальность до уровня общественной тотальности [10, с. 17]. Тот факт, что предприниматель по роду своих занятий тотально «нагружен» пониманием обществен-

ных потребностей, имеет важное значение, поскольку отсюда, в частности, вытекает вывод о том, что предприниматель — это субъект, не только действующий в узком канале своих индивидуальных интересов, но и могущий иметь собственное видение общественных потребностей и проблем, а, следовательно, объективно вовлекаемый в управление обществом.

Таким образом, социальная сущность предпринимательства раскрывается двояко: со стороны его субъекта и со стороны общества. В первом случае предпринимательство выступает одной из санкционированных обществом форм свободной реализации индивидом своих интересов, которая соотносится с целым рядом фундаментальных конституционных прав граждан («право на свободное использование своих способностей и имущества»; право на имущественную собственность, единоличное и коллективное владение и распоряжение ею, включая землю и природные ресурсы; «право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию») [3, ст. 34, 35, 36, 37]. Общественный же характер предпринимательства выражается в выполнении им социальной функции как можно более полного, гибкого и адресного удовлетворения потребностей общества в товарах и услугах, без чего предпринимательство, собственно, и не может существовать. Потребляя, общество дает стимулы развитию предпринимательства. По существу, налагаемые обществом ограничения свободы предпринимательства касаются, прежде всего, случаев, когда интересы извлечения личной выгоды вступают в непримиримое противоречие с общественными интересами (незаконные и общественно опасные виды «предпринимательства», например, торговля наркотиками, проституция и т.п.; недобросовестная конкуренция и установление монопольных цен на товары и услуги и т.п.).

«Взаимопроникновение» частно-индивидуальных и общественных интересов находит также материализованное выражение в таком институте как налогообложение: санкционируя свободу предпринимательской деятельности и обеспечивая ему все возможные формы институциональной защиты и поддержки, государство в обмен претендует на фиксированную часть прибыли предпринимателя для формирования своего бюджета. Тем самым, общественная функция предпринимательства многократно усиливается: рост предпринимательской прибыли, в идеале, влечет за собой и рост общественных доходов.

Предпринимательство в этом смысле является одной из форм конструктивного сочетания индивидуально-личных и общественных интересов — причем в их предельных функциональных проявлениях и — самое главное — не за счет «растворения» одних интересов в других или подавления одних другими. Важно отметить при этом, что гармонизация индивидуальных и общественных интересов в контексте функционирования и развития предпринимательства предполагает поддержание известного «равновесия» между ними, нарушение которого чревато ущемлением либо одних, либо других интересов.

В чем выражается особая заинтересованность общества (в лице государства) именно в предпринимательской форме удовлетворения общественных потребностей? С. А. Кузьмин справедливо считает, что ответ на этот вопрос может быть получен только при рассмотрении предпринимательства в системе современного общественного производства, которое, в идеале, должно иметь гетерогенный характер. Централизованная плановая система и даже в значительной степени крупный корпоративный бизнес, действуя на принципах «выделения главного звена», могут обладать преимуществом долгосрочного, стратегического видения развития экономики, однако издержки такого типа деятельности заключаются в том, что он оставляет за бортом, втуне все остальные, «неглавные» ресурсы, которые потенциально могут служить обществу. Для вовлечения таких ресурсов

в экономической оборот нужна совершенно иная, более прямая и короткая, связь между частным интересом и деловой инициативой, более гибкое приспособление к особым условиям и масштабам производственного цикла, т.е. преимущественно микроэкономический, предпринимательский подход, который реализуется в условиях свободного рынка. В этом отношении предпринимательство обеспечивает не только большую разносторонность экономической активности и более рациональный и эффективный подход к освоению ресурсов, но и более полную мобилизацию человеческого фактора производства — энергии, способностей, таланта, инициативности населения [4, с. 180–181]. К этому можно добавить и то, что предпринимательство, расширяя свою активность на всю цепочку производства и сбыта продукции, способно более оперативно доходить до каждого потребителя, гибко реагировать на спрос и на необходимость изменения в соответствии с ним производственной схемы и номенклатуры продукции. По существу, на каждом шагу предпринимательство более оперативно своей деятельностью удостоверяет общественный характер производства. Этим объясняется, почему государство заинтересовано в развитии предпринимательства: оно выступает в качестве инструмента эффективного управления экономикой и обществом именно в тех сферах, где неприменимы или нежелательны другие институциональные формы реализации общественных интересов.

1. Автономов В. С. Поиск новых решений (модель человека в западной экономической теории 1900-х – 1920-х годов) // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 2. — М., 1990.
2. Верхан П. Х. Предприниматель. Его экономическая функция и общественно-политическая ответственность. Минск, 1992.
3. Конституция Российской Федерации. М., 2006.
4. Кузьмин С. А. Социальные системы: развитие и метаморфозы. К вопросу о перспективах переходной экономики России [Текст] / С. А. Кузьмин. — М. : Изд-во «Academia», 2005.
5. Осипенко О. Свое дело. М., 1991.
6. Поланьи, Карл. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. СПб., 2002.
7. Предпринимательский тип хозяйствования. — М. : «Путь России»; «Экономическая литература», 2002.
8. Радаев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования (Полис). — 1993. — № 5.
9. Рыночное предпринимательство: теоретические основы и практика регулирования: учеб. пособие. — М. : Институт международного права и экономики, 1994.
10. Шереги Ф. Э. Социология предпринимательства: прикладные исследования. — М. : Центр социального прогнозирования, 2002.
11. Экономическая энциклопедия / под ред. Л. И. Абалкина. — М. : «Экономика», 1997.
12. Энциклопедический словарь предпринимателя / сост. С. М. Синельников, Т. Г. Соломоник, Р. В. Янборисова. — СПб. : Алга-Фовд; АЯКС, 1992.
13. Rivoseechi, Mario. Économie et équité // Civilization latine. Ed. by G. Duby. — Paris, 1986.
14. Shapero A., Sokol L. The Social Dimensions of Entrepreneurship // Encyclopedia of Entrepreneurship. New Jersey, 1982.
15. The World Book Dictionary. Volume one: A–K. Ed. by Robert K. Barnhart. — Chicago; L.; Sydney; — Toronto: World Book, Inc. A Scott Fetzer Company, 1996.

ОТТОРЖЕНИЕ ЗНАНИЙ И РЕГРЕССИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 316.444.3+316.752.4

Т. В. ФИЛИППОВСКАЯ

Александру Ивановичу Герцену приписывается удивительное рассуждение об условиях «расставания» с индивидуальными и общенными правами и свободами, которые не могут быть реализованы в силу сложившихся обстоятельств. Публицист и аналитик прошлого говорил о том, что он, как и многие другие, имеет право есть золотой ложкой. Однако ни у него, ни у этих «многих» золотой ложки нет, и в ближайшем будущем ее не будет. «Поэтому, — констатирует А. И. Герцен, — я готов продать это свое право кому угодно и за какую угодно цену». Это рассуждение невольно вспоминается при попытке анализа причин отказа лиц, принимающих решения в институтах и учреждениях власти, услышать интеллигенцию.

С одной стороны, интеллигенции ставится в вину активное участие в «информационной войне». Так, Р. Х. Симонян и С. В. Ткаченко констатируют, что «российская правящая элита и поддерживающая ее интеллигенция активно участвуют в мифотворчестве», которое «можно отнести к инструментам информационной войны». Это проявилось в относительной безнаказанности того, что «в действиях молодых российских трансформаторов была даже какая-то ненависть к народу, который привел их к власти» [10, с. 205; 11]. С другой стороны, интеллигенция сегодня оказывается не способной к идеологическому обеспечению объединения сил, стремящихся (пока в легитимной форме) предложить властным институтам действенный диалог. Такой вывод можно сделать при анализе событий на Болотной площади и проспекте Сахарова и их «отзвуков» в других городах России в конце 2011 г.

Думается, что в связи с этим, к части интеллигенции, связанной с профессиональной деятельностью, требующей честного анализа происходящего в социуме, предъявляются серьезные претензии. Мы обнаруживаем констатацию факта: при девальвации научного понимания происходящего в социальной практике избираются ложные ориентиры оценок его состояния, сопровождаемые одновременным усилением информационного давления. Так, П. Престон подчеркивает: «Эти дискурсы составляют частное проявление информационной перегрузки: количественный взрыв

данных, но уменьшение уровня понимания того, что на самом деле происходит» [15, р. 234]. В результате, по Ж. Бодрийяру, «мы теряемся в пустоте информации», так как имеем ее большой объем, но НЕ-знающее общество. Дело в том, что преобладающая ортодоксия, которая декларирует знание вопросов социального развития и внешне учитывает последствия технологических и связанных с информацией тенденций, по сути своей на самом деле является «провалом политического воображения, смешением целей и средств социального развития и консервативной политики» [15, р. 236–237].

Этому способствует, прежде всего, «нигилистический язык» постмодернистской теории, с помощью которого оправдываются дистанцирование социальной политики от реальной жизни и общие «нереальные ценности», которые лежат в основе происходящих событий.

Непрекращающиеся попытки осмыслить актуальные практики опираются либо на «наивный оптимизм», либо на «апокалиптический пессимизм». Но эти парадигмы не становятся интеллектуальным ресурсом для «вызова ортодоксии или осуществления радикального сдвига в направлении надежного стратегического видения «хорошего общества»» [15, р. 238]. Как видим, на уровне теоретического дискурса представленные доминирующие тенденции «наивного оптимизма» и «апокалиптического пессимизма» связаны с завышенными оценками значения технологий и информации в актуальном и перспективном состоянии социума, их противостоянию знанию востребованному, знанию, применяемому в практиках повседневности. Одновременно констатируется, что только позитивное знание и связанные с ним интеллектуальные ресурсы могут обеспечить необходимую для выживания социума социальную сплоченность. Препятствием этому являются незнание на уровне тандема социальной политики и науки реальных индикаторов и оценки, и прогноза социетальных зависимостей. В преодолении этого негатива может оказать помощь обращение к недостаточно исследованному направлению интеллигентоведения, названному К. Манхеймом регрессивной мобильностью интеллигенции [5, с. 120].

Социокультурный или интегральный подход к определению понятия «интеллигенция», заложенный школами Л. Н. Когана, В. С. Меметова [2, 6], позволяет рассматривать интеллигенцию как особую общность, сущностным признаком которой является реализация функции субъекта духовного воспроизводства социокультурных практик. Значимость подобной субъектности в реальной жизнедеятельности достаточно подробно осмыслялась в работах К. Г. Барбаковой, Г. А. Будник, В. В. Возилова, М. Е. Главацкого, В. А. Мансурова, Е. И. Самарцева, Г. С. Смирнова, Ф. Х. Соколовой, В. Л. Соскина и др. Перманентно актуальными остаются исследования исторических аспектов генезиса интеллигенции, ее места в современном мире, роли в региональном и национальном развитии, функций в системе образования, взаимодействия с властью и религией, что подтверждает даже беглый обзор публикаций в научных журналах. Однако вне сферы внимания специалистов в интеллигентоведении остается то, что определялось К. Манхеймом как регрессивная мобильность интеллигенции [5, с. 120], то есть инновационный для нас социологический ракурс исследования общности, кардинальным признаком которой должна являться ее духовная сущность. Здесь следует подчеркнуть, что речь идет об общности не самопорождающейся, не самовоспроизводящейся, всецело зависящей от остального социума и отражающей в той или иной форме все присущие социуму культурные травмы, потери и обретения.

Если, согласно известному утверждению С. Я. Елпатьевского [4, с. 9], интеллигенция – это общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, а развитие интеллигенции, по К. Манхейму, соответствует завершающей фазе становления социального самосознания [5, с. 102], то какие коммуникативные стратегии могут сегодня позиционировать те, кто оказался «втянутым» в поток регрессивной мобильности этой уникальной группы?

Предпринимая попытку ответа на поставленный вопрос, учтем, что К. Манхейм причисляет к «отброшенным» на рутинные позиции всех, кто оторвался от своих корней, то есть оказался в ситуации расхождения между изменившейся ситуацией и былым положением, утратив прежние функции. К этой же общности можно отнести и тех, кто был резко остановлен в «процессе возвышения на полпути». Их ностальгия «по старым добрым временам» сопровождается отрицанием изменившейся

ситуации, «доведенным до крайних пределов» [5, с. 139].

Одновременно интеллигенция, вступившая в регрессирующую страту, «резко отброшенную назад, на свои первоначальные позиции, не стремится соперничать с высшими классами» [5, с. 137]. Это порождает демонстративный критицизм, подпитываемый самовосхвалением и тенденциями к изоляции, подмеченными Е. Ледерером. Также в ее поведенческих стратегиях проявляется особая, специфическая неспособность поддерживать сложившийся стиль жизни, что становится источником и реального, и демонстрируемого разочарования.

Представляется, что связь между этими практиками и, к примеру, реалиями современности в форме дауншифтинга (downshifting) проявляется в одном: отрицании любого властного давления институций.

Считается, что впервые термин «дауншифтинг» был обозначен в 1994 г. в статье нью-йоркского Trends Research Institute в Gerald Celente. Сегодня он применяется не только на уровне «околонаучного сленга», но и как равноправный синоним понятиям эскапизм, simple living (отказ от самого себя). В современном английском языке слово «downshifting» часто выступает в качестве синонима «простой жизни» (simple living), «добровольной простоты» (voluntary simplicity) – стиля жизни, основанного на гармоничном сочетании материальных и духовных потребностей, а также для обозначения достаточно распространенного явления отказа акторов от активной деятельности трудовой в пользу менее престижной, но обеспечивающей большую свободу личности в досуговой деятельности. Имеются, хотя и немногочисленные, отечественные исследования этого феномена [3, 7].

Ф. Руфф отмечает, что симптомы смещения акцентов в сторону поиска подобных альтернатив включают переориентацию все большего числа людей с высокооплачиваемой, но связанной с чрезмерным стрессом, нагрузками и отнимающей все свободное время работы на более спокойную, хотя и менее оплачиваемую по сравнению с прежней. «Особенно это заметно в кругах, ориентированных на успех и самореализацию» [9].

Исходя из этого, если дауншифтеры добровольно выбирают инновационную стратегию самоидентификации вне рутинной символики престижа, власти, то регрессирующая интеллигенция, наоборот, активно ищет «виновников» своей «отброшенности» во внешней

среде и пополняет ряды реакции. К такому выводу нас подводит К. Манхейм, говоривший о неспособности «отброшенных» воспринимать социальные инновации, формируя соответствующую идеологию, в рамках которой их неспособность воспринимать новые факты перерастает в открытое нежелание это делать, становясь источником главных сил реакции.

Более того, если дауншифтеры добровольно отказываются от вовлечения в процесс освоения новых знаний, например, по своей профессиональной деятельности, в пользу более насыщенного досугового пространства, то регрессирующая интеллигенция не только отказывается от инновационных знаний, но и реализует себя в процессе отчуждения от них других субъектов коммуникаций. Это может проявляться в разных формах и, с нашей точки зрения, наиболее ярко представлено в научных кругах, например, — по известным стратегиям «академических банд», описанных Р. Мертоном и Т. Дж. Шеффом [14, 16].

Учитывая это, обратим внимание на вывод К. Манхейма о том, что образ действия интеллигенции и характер ее мышления зависят от условий, в которых она осознает и выражает себя. «Относится ли интеллигенция к вытесненной или восходящей группе, или к страте, продвижение которой заблокировано, она стремится выработать нормы и условности, предназначенные господствовать в том обществе, где она живет» [5, с. 129]. В актуальных практиках повседневности указанный процесс неизбежно корректируется феноменом, обозначенным нами как отторжение знаний.

Отношение к знанию, актуализированное в обществе, является и социальным, и культурным фактом. Оно становится результатом опыта коммуникаций индивида с социумом и одновременно механизмом индивидуальных стратегий практик, предопределяя мотивацию образования, социальной мобильности и изменения статусных ролей, карьерных амбиций, труда и отдыха, социокультурного воспроизводства и потребления. Прежде всего это касается тех детерминант, которые предписывает обществу интеллигенция в роли субъекта духовного контекста социальной жизни.

В связи с этим актуальность осмысления различных аспектов отношения к знанию на уровне индивида, общностей и в целом на социетальном уровне, перманентна. Поэтому закономерны и вопросы, предопределенные социокультурными практиками: что считается знанием в современном социуме, но, в большей степени, что представляют собой

негативные стратегии интериоризации знания, объединенные феноменом его отторжения, и, в связи с этим, каков коммуникативный базис интеллигенции, сформированной и формирующей субъектность в этих условиях, то есть ее новое качество.

Структурно отторжение знаний описывается нами через две составляющие подсистемы: отказ от знаний и отчуждение знаний.

Отказ от знаний — поведенческая стратегия социального действия. Она связана с неприятием индивидом рутинных, традиционных, проверенных научной практикой, декларируемых институциональными структурами или «чужими», а также новых знаний. Это — конструкт социальной реальности, в котором скоррелированы «субъективные смыслы» и «объективная фактичность».

Отчуждение знаний — действия, направленные на исключение индивида, общности из числа пользователей ресурсами знания. Так могут воздействовать властные или корпоративные институты, не желая допускать «прозрачности» информации о каком-то направлении собственной деятельности и развития у индивидов навыков ее критической оценки и интериоризации, вхождения в профессиональные корпорации «чужаков», демонстрируя *esprit de corps* (цеховую солидарность). Это может быть моббинг «чужаков», барьеры, дистанцирующие закрытость профессионального пространства. Например, сопротивление науки новому знанию, описанное Б. Барбером [13], а позже развитое Р. Мертоном [14], Т. Дж. Шеффом [16], сегодня уже перешло с уровня чисто академических проблем на уровень быденного сознания.

Отторжение знаний обладает феноменальностью в контексте жизненного мира и реализации особой формы быденного коллективного знания, названного С. Московичи социальным представлением, связанным с иррациональным и алогичным действием в традиционных научных оценках знания. Но, подчеркнем, действием, сопровождающим значительное количество коммуникаций.

Таким образом, отторжение знаний рассматривается нами как «сквозной» процесс динамики общества по реализации механизма социального переустройства, опирающийся на отказ и отчуждение знаний.

Представляется, что допустимо рассматривать отторжение знаний как анти-деривацию — ответное действие акторов и общностей на социокультурные последствия провалов государства, подкрепленных ложной

идеологией. Антидериваты так же, как и дериваты, являются производными от чувств, коренящихся, по В. Парето, в пластах человеческой психики, предопределяя социальное поведение человека. Однако здесь речь идет не об иррациональных пластах, а о жестко детерминированной мотивации на отторжение знаний, связанной с опытом индивида, общностей, извлеченным из взаимодействия с социумом.

В этом же ракурсе не случайна констатация З. Бауманом того, что о нашем времени, которое пытаются обозначить множеством терминов типа поздней модернити, рефлексивной модернити или постмодернити, можно сказать, что оно поднимает до уровня нормы определенное состояние диссонанса с унаследованными и внутренне присущими людям качествами, состояние, представляющееся патологическим с точки зрения природы человека [1].

Функциями отторжения знаний как процесса являются:

1. Интерпретация реальности, направленная на исключение:

- «чужих» из контекста социального взаимодействия;
- знаний, ассоциируемых с социальными страхами;
- действий, способствующих адаптации к новой информации и реализации индивидуальных статусных стратегий, не совпадающих с реальными властными диспозициями.

2. Снижение уровня рисков от неопределенности в социокультурном взаимодействии индивидов, групп, общностей и институций.

3. Сохранение стабильности и устойчивости индивидуальной и групповой структуры сознания.

4. Адаптация общностей к внешней среде через антидеривации.

Функциональными результирующими этого процесса в России и мире являются:

1. Рост функциональной неграмотности, фрагментаризация процесса мыслительной деятельности, стимулирующие смену социокультурных технологий взаимодействия общностей как по «горизонтали», так и «по вертикали», почти беспрепятственное торжество менеджериализма, «глобальный тоталитаризм» [8], «глобальный терроризм».

2. «Потребительское сопротивление», когда поиск все более совершенных продуктов и услуг сопровождается растущим стремлением акторов к качественной, с их точки зрения, жизни, обогащению индивидуального опыта

и «проектированию личных эмоциональных миров» [17] за счет дауншифтинга и анскулинга в практиках взаимодействия с институциями труда (для когорты родителей) и образования (для когорты детей).

3. Усиление противоречий между общностями в связи с сосуществованием в одной стране и в одном государстве растущих анклавов отсталого общества, власть в котором основана на насилие («Rule of Force»), и уменьшающейся части общества, управляемого властью, основанной на законе («Rule of Law») [12]. Выходцы из стран традиции «Rule of Force», которые не сталкиваются с необходимостью ассимиляции, сохраняют «мягкую инфраструктуру» (моральные нормы, традиции) «базисного», «материнского» общества.

Они не просто с трудом адаптируются к условиям власти закона и социокультурных ценностей принявшего их социума, но и зачастую не желают этого делать, выражая свой протест даже в нелегитимных формах. В то время как общности «Rule of Law» оказываются неспособными к легитимным и эффективным формам сопротивления этому.

Конкретизируя эти результирующие, мы добавляем к известным по К. Манхейму [5, с. 154] качествам интеллигенции (эстетический взгляд на жизнь как основы «виртуозного сопереживания», способности жить ролями и мыслями других, экспертов «в области утонченных наслаждений и гуманистов»; способность к превращению «импульсов трансценденции и сомнений в надежные источники рутинной практики, позволяющие обходить крайности основополагающих истин»; экстерииоризация ролей «носителя иронии, сарказма, акробата esprit (остроумия – фр.)») новое качество: подверженность и участие в процессе отторжения знаний.

Но доминирование этого качества — перспективный тупик общества. Подсказку об условиях выхода из этого тупика можно найти у К. Манхейма. Ученый утверждал, что распад приверженности интеллигенции реакции может начаться в следующем поколении, а в предыдущем — то есть актуальном — только «с лиц, не утративших свободу выбора». Поэтому именно следующее поколение, отходя от страты «отброшенных», сможет позиционировать «типичные симптомы диссоциации: независимой, продиктованной внутренними убеждениями критикой и скептицизмом по отношению к старшим представителям группы»

[5, с. 139]. То есть механизм выхода из духовного тупика может «заработать» через поколение интеллигенции, когда на смену «питательной среды» реакции придет новая страта, способная к продуцированию востребованных обществом ценностно-смысловых инноваций.

Хотелось бы надеяться на то, что обществом будут востребована способность интеллигенции к ролям «профессионального критика ограниченности и филистерства», к сохранению рационального зерна в скептицизме, непреклонному поиску истины «в процессе разоблачения лицемерия и самообмана». Только тогда мы сможем говорить о позитивных перспективах участия этой значимой общности в минимизации последствий, оптимизации социокультурных рисков в социуме в связи

с представленным нами в качестве социального факта феноменом.

Феномен отторжения знаний не просто присутствует в практиках повседневности, но и уже активно приносит свои плоды. Поэтому его дальнейшее осмысление может стать новым поворотом теоретико-прикладных концептов. Это позволит не только более детально описать феномен отторжения знаний, методологию его исследования, но и разработать механизм минимизации отрицательных эффектов проявления, снова и снова принимая за основу еще один тезис К. Манхейма о том, что радикальный отказ интеллигенции от иллюзий подобен дрожжам в хлебе, хотя теста они и не создают. Тем более, что в актуальных практиках роль проводников знаний, не включенных в процесс регрессивной мобильности, оказывается исключительно значимой.

1. Бауман З. Цена университета? Узнайте на рынке! / З. Бауман // Первое сентября. — № 70 (1146). — 12.10.2002.
2. Коган Л. Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? / Л. Н. Коган // Университетский вестник. Екатеринбург, 1992. № 6. С. 7–10.
3. Лисова Е. В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты / Е. В. Лисова // Экономическая социология: электрон. журн. — 2008. — Т. 9. — № 2. — С. 56–65.
4. Мансуров В. А, Барбакова К. Г. Интеллигенция в структуре власти — миф или реальность / В. А. Мансуров, К. Г. Барбакова // Интеллигенция и мир. — 2008. — № 1. — С. 7–46.
5. Манхейм К. Избранное: Социология культуры / К. Манхейм. — М. : СПб. : Университетская книга, 2000. — 501 с.
6. Меметов В. С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии / В. С. Меметов // Интеллигенция и мир. 2008. № 2.
7. Приходько А. И. Дауншифтинг как социально-психологический феномен / А. И. Приходько // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 1 (1).
8. Ракитская Г. Я. Два «капитализма» в России: по материалам научной конференции / Г. Я. Ракитская, А. В. Очкина // Мир России. — 2009. — № 1. — С. 169–170.
9. Руфф Ф. Кризис роста и «погоня за улучшениями: вызовы для инноваций и маркетинга / Ф. Руфф // Форсайт. — 2007–2 (2). — С. 25–27.
10. Симонян Р. Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов их последствия для России / Р. Х. Симонян // Ин-т социологии РАН, Ин-т экон. РАН. — М. : Экономика. — 2010. — 255 с.
11. Ткаченко С. В. Рецепция Западного права в России: проблемы взаимодействия субъектов / С. В. Ткаченко. — Самара : СамГУПС. — 2009. — 206 с.
12. Яновский К. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления / Яновский К. Э., Е. Русакова, К. Тараповская, С. Жаворонков / (Научные труды/Ин-т экономики переход. периода. — № 112). — М., ИЭПП, 2008. — 243 с.
13. Barber B. Resistance by Scientists to Scientific Discovery / Bernard Barber // Science, vol. 134. — 1 september. — 1961. P. 596–602.
14. Merton R. K. Behavior patterns of scientists/Robert K. Merton // American Scientist, 58. — 1969. P. 1–23.
15. Preston P. Knowledge or «Know-less» Societies? / Paschal Preston // Networking Knowledge for Information Societies: Institutions & Intervention. Edited by Robin Mansell, Rohan Samarajiva, and Amy Mahan. — The Netherlands: Delft University Press. — 2002. — 405 p.
16. Scheff T. J. Academic Gangs / Thomas J. Scheff // Crime, Law, and Social Change. 1995. — № 23.
17. Schulze G. Die beste aller Welten. Wohin bewegt sich die Gesellschaft im 21 Jahrhundert? / Günther G. Schulze. — Frankfurt, Hensen, 2004.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛОГО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА

УДК 317.6

Е. В. ГРУНТ, А. В. ЮРЬЕВА

Серьёзные преобразования, произошедшие в политической и экономической сферах российского общества, не могли не сказаться на сфере культуры. Важной особенностью существования её институтов в настоящий момент является функционирование в условиях развития рыночных отношений. Произведения культуры становятся предметом купли-продажи, а существование её творцов связано со спросом на их продукцию на рынке.

В новых условиях изменились и театр, и публика. Сегодня культурные потребности отошли на второй план, большинство населения озабочено проблемой выживания, преобладают домашние или пассивные формы проведения свободного времени. Преодоление существующих ныне острых противоречий в духовной жизни страны требует мобилизации всех внутренних сил общества, максимального использования самых разных факторов, влияющих на развитие личности, формирование ее потребностей, в том числе и потребности в театре. Одним из сильнейших в этом ряду является искусство. Но сегодня общение с театральным искусством становится более поверхностным, чем в советскую эпоху, ослабевают его развивающая и усиливается развлекательно-релаксационная роль. Если раньше театр был лидером общественной мысли, то сегодня для публики первостепенное значение имеет театр как место отдыха.

В современных условиях переходной культурной ситуации весьма значительная часть населения оказалась вытесненной из культурной среды и обусловленных ею норм. При разрыве прежних социальных связей и потере ориентации в новых житейских ситуациях прогрессируют психологические стрессы и, как следствие, тяготение к социально негативным формам поведения. Театр же может решать эту проблему, противопоставляя этим конфликтам свою систему установок и образов. Он может создавать в сознании зрителей позитивные нормы поведения и представления об идеале.

Общине публики и театра в современных условиях определяется такой духовно-практической деятельностью, в которой реализуется целый комплекс духовных потребностей человека, и прежде всего потребность в искусстве.

Эта потребность требует философско-социологического истолкования и раскрытия, в ходе которых театр может быть понят как специфический вид искусства, и, вместе с тем, как особый социальный институт, выступающий средством удовлетворения разнообразных запросов и устремлений личности. В силу того, что в общении публики с театром реализуется целый набор потребностей современного человека, удовлетворяются разнообразные запросы и устремления личности, личностный характер общения театра со зрителем во многом определяется художественной потребностью общества в целом; эта потребность тесно связана с социальными функциями искусства. Театр моделирует общество и, приглашая зрителя к сопереживанию, формирует в его сознании определённые идеи, интересы, потребности, художественные критерии, вкус, жизненные ориентации. В театре следует видеть своего рода образную модель жизнедеятельности, которая обогащает личностный опыт человека, расширяет его границы, формируя определённые ценностно-нормативные ориентации. Важное свойство театра состоит в том, что, отвечая на потребность эстетического постижения мира, он воссоздаёт окружающую человека реальную действительность как объективно существующие, расположенные в пространстве картины жизни, поэтому характер самого воздействия, производимого театральным спектаклем, предполагает и даже способствует распространению этих представлений на окружающие человека явления и отношение к ним.

В последние годы интерес к театру стал повышаться, соответственно повышается и значимость театра как социально-культурного института. Но осуществление присущих ему функций, их реализация существенным образом координируется каждым отдельно взятым театром, его идейно-художественной направленностью и его возможностями. Мы полагаем, что в идеале театр должен стараться выполнять, как минимум, две задачи: поднимать публику на следующую ступень художественного развития и приобщать новую аудиторию к театру, формировать потребности публики в театре.

Подготовленная публика во многом определяет общее оценочное отношение массовой аудитории к конкретной постановке и театру

в целом. Если же ее число уменьшается, то, соответственно, уменьшается и общественный интерес к театру. Это сказывается на процессе и масштабах воспроизводства публики театра.

Для того чтобы мог реализоваться весь потенциал театрального искусства, необходимо обеспечить соответствующие условия для распространения и освоения театральной продукции, для формирования театральной потребности личности. Все это требует проведения социологических исследований.

Весной 2011 года нами было проведено социологическое исследование, посвященное данной проблеме, в малом закрытом уральском городе. В исследовании принимало участие 600 жителей города Новоуральска, использовалась целевая выборка. Экспертную группу составили 30 человек — деятели культуры и представители администрации города.

Результаты проведенного нами социологического исследования позволили сделать выводы относительно театральной потребности населения малого уральского города и факторах ее формирования.

Театр оперетты Урала представляет собой своеобразную заповедную зону, находясь в определённой удалённости от столицы, он существует по иным законам. У него иное ощущение времени, иное восприятие пространства, иное отношение к творчеству.

Театр оперетты Урала очень разнообразен по сочетанию различных видов искусства.

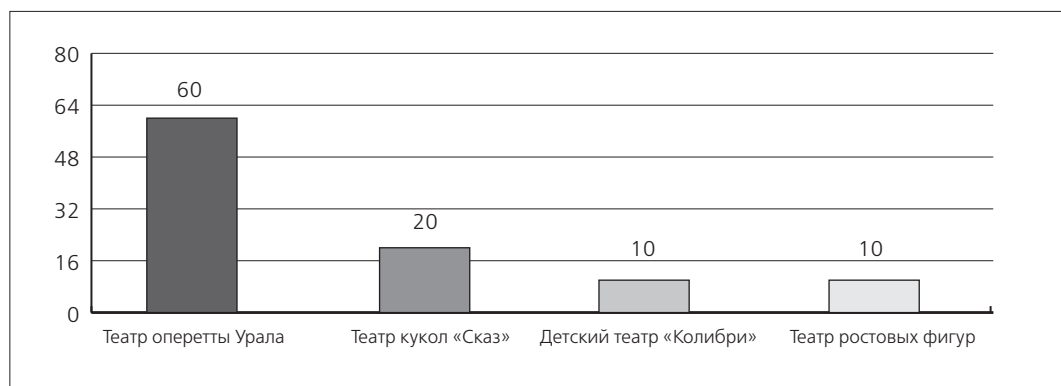
В нём актёры и разговаривают, и поют, и танцуют. Театр для населения города является не просто иллюстратором событий, он активно вторгается в культурную жизнь города, способствует её преобразованию, активной мобилизации публики.

Исследование показало, что жители города относятся к театру как к части своей жизни. Театр играет большое значение в их личной жизни, удовлетворяя потребность в духовном общении и восприятии мира через произведения искусства. На это указало 35% респондентов; надо заметить, что данного мнения придерживается и большая группа экспертов (20,5%). Мы видим, что для этих респондентов театр выполняет свою коммуникативную и эстетическую функции. 25% опрошенных театр нужен всегда, они назвали его «отдушиной для чувств», для них это место отдыха от бытовых проблем. В этом мы видим досуговую и релаксационную функции театра. Таким образом, исследование показало, что население города нуждается в театре и именно он играет важную роль в социокультурной жизни города.

Театр оперетты Урала является самым популярным и самым посещаемым социальным институтом культуры города. Именно ему отдали предпочтение 60% опрошенных жителей. Также население города знает и посещает театр кукол «Сказ» (20%), а также детский театр «Колибри» (10%) и театр «Ростовых кукол» (10%) (рис. 1).

Наиболее часто посещаемые социальные институты культуры г. Новоуральска

Рисунок №1

Таким образом, исследование показало, что жители города Новоуральска имеют выбор и предпочтение в посещении институтов культуры, а также имеют возможность выбора своего любимого места проведения театрального досуга.

Самым любимым и посещаемым жанром театрального искусства для жителей данного города является оперетта. Её знают и чаще всего посещают 32% респондентов. На втором месте — мюзикл. На это указало 25% опрошенных. Балет выбрали 17,2% респондентов,

концерты артистов и драма набрали по 11,8% и 7,6% соответственно. Как мы видим, исследование показало, что театр играет ведущую роль в культурной жизни города. Однако сразу же отметим, что город Новоуральск не является типичным малым уральским городом. Население города имеет достаточно высокий уровень образования и профессиональной квалификации. К тому же в городе имеется ряд филиалов высших учебных заведений, что также оказывает влияние на формирование театральной публики и потребности населения в театре.

Рассматривая потребность населения в театре, мы можем увидеть, что на нее оказывают влияние множество различных факторов: социальные, культурные, экономические, а также условия жизни человека

Мы не вполне согласны с мнением Л. Гинзбурга о том, что театральную потребность личности может сформировать и удовлетворить лишь сам театр, так как только театральному искусству свойственен живой контакт между публикой и актерами, на основе чего возникает их непосредственное социальное взаимодействие. Именно в этом и заключается феномен театральной деятельности. [3, с. 28]. Это можно объяснить тем, что деятельность театра тесно связана с деятельностью других социальных институтов общества: экономических, политических, социальных, образовательных. В этом плане, на наш взгляд, можно выделить три группы факторов, влияющих на формирование театральной потребности личности: межинституциональные, внутриинституциональные и внеинституциональные. Среди межинституциональных факторов, определяющих потребность в театре публики, наибольшее влияние, как показывает исследование, имеют экономические и социально-политические институты, обуславливающие культурную среду, в которой взаимодействуют социальные общности.

Среди внутриинституциональных факторов наибольшее влияние на формирование театральной потребности населения оказывают цели и мотивы деятельности работников театра, кадровый состав, рекламная деятельность театра и пр. К внеинституциональным — степень сформированности интересов, личный опыт посещения театра и пр.

Система институтов общества создает социальную и культурную среду, в которой функционирует театр, определяет, какие проблемы ему необходимо решать. Так, например, состояние экономических институтов общества определяет платежеспособность публики, а также возможность финансирования театра

из федерального, областного и муниципального бюджетов, что влияет на размер заработной платы работников театра, качество костюмов и декораций, состояние здания театра, возможность приглашать профессионалов и многое другое.

Социально-политические институты общества определяют социальное самочувствие населения. Серьезные социальные и политические проблемы сказываются на потребности посещения театра, а также на потребностях в искусстве в целом. С одной стороны, в современных сложных условиях людям требуется некая отдушина, в театре они могут отвлечься от социальной реальности, отдохнуть и получить удовольствие. С другой стороны, экономические и социально-политические проблемы отодвигают удовлетворение культурных потребностей на второй план.

Институт государства определяет законодательную базу, регулирующую деятельность театра, определяет его функции, форму собственности, права работников театра и т.д. В настоящее время, когда закон о театре все еще не принят, это вызывает много сложностей и вносит неопределенность в работу актеров, режиссеров и директоров. Это отметило большинство наших экспертов.

Деятельность каждого конкретного театра зависит также от источников финансирования (федеральный, областной или муниципальный бюджет, самофинансирование, спонсоры), которые определяют размеры и регулярность выплаты заработной платы, возможность обновления декораций и костюмов, цены на билеты и т. д.

Образовательные институты обеспечивают определенный профессиональный уровень выпускников театральных, музыкальных и других учебных заведений (актеров, режиссеров, художников, театральных менеджеров и др.), который определяет эффективность управления театром, успех театральной труппы в целом. Особенно важна подготовка актеров, так как именно их деятельность больше всего заметна публике, и успех театра, и потребность в нём в целом во многом зависит от профессионального уровня труппы. В современных условиях повышается значимость такой специальности, как театральный менеджер, который способен привлечь публику в театр.

Рамки статьи, к сожалению, не позволяют рассмотреть все факторы, влияющие на формирование театральной потребности населения малого уральского города. Остановимся лишь на анализе некоторых из них.

Исследование показало, что одним из важных внутриинституциональных факторов, влияющих на формирование потребности в театре,

импульсом зрительской активности является эффективная, грамотная реклама, которая воспринимается публикой как внешний фактор, определяющий успех взаимодействия. Рассмотрим его подробнее. Мы согласны с г. Дадамяном в том, что реклама не только актуализирует потребности человека, но и мотивирует его активность, дает ему смыслообразующий мотив поведения, объясняет, почему он поступил именно так, а не иначе [4,89].

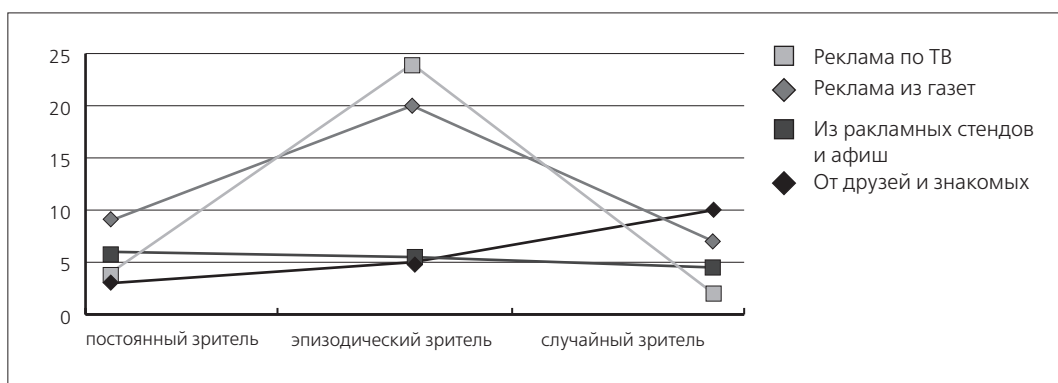
Из данных исследования видно, что театры города осуществляют рекламную деятельность, которая способствует популярности театра и формированию публики. Основную информацию о каком-либо культурном мероприятии, проходящем в театре, жители города получают в основном из: газет (33,5% респондентов), телевидения (27,5%) и от друзей и знакомых (18,5%).

Респонденты отмечали, что эта информация полная, содержательная и интересная. Такого мнения придерживались 54% опрошенных. Однако 6,5% респондентов указали на отсутствия информации вообще, а 19,5% затруднились ответить на данный вопрос.

Интересно, на наш взгляд, то, что существуют определенные различия в интенсивности использования того или иного канала рекламы в зависимости от категории публики. Так, если постоянные зрители получают в основном информацию о событиях в театре из газет (9,2%) и уличных афиш и стендов (7,5%); эпизодические зрители получают данную информацию из телевидения (23,5%) и из газет (20%), а случайные зрители, в целом, получают информацию от знакомых и друзей – 10,5% (рис. 2).

Получение информации о событиях в театре различными категориями публики

Рисунок №2

Хочется обратить внимание на значимость стендовой рекламы для всех групп посетителей театров. Можно предположить, что размещение сводных рекламных афиш театральных мероприятий в самых людных местах с хорошим пространственным обзором могло бы во многом способствовать повышению интереса к ним со стороны горожан. Однако было бы неверно полагать, что интенсивность использования указанных информационных каналов отражает только специфику рекламных установок разных социальных, демографических, культурных групп населения. Исследование показало, что прежде всего это является следствием приоритетности и деятельностной активности театра по привлечению зрителя и формированию своей публики. Так, выгодное расположение на «бойком» месте стендовой рекламы данного театра и пропаганда своей работы через газеты во многом способствуют заполняемости

зала (неслучайно именно эти способы получения информации выбрала постоянная публика) и являются едва ли не единственными, с точки зрения экспертов, достаточными средствами его рекламной политики.

Данные исследования позволяют сделать вывод о том, что реклама как внутриинституциональный фактор формирования публики театра в городе существует, но она требует усовершенствования, профессионализма и более тесного сотрудничества со СМИ. Все это говорит о том, что театру необходимо обратить особое внимание на изготовление и внедрение более профессиональной рекламы и привлечение специалистов в области разработки рекламы для работы в театре.

Следующим внутринституциональным фактором, влияющим на формирование театральной потребности населения, является кадровая политика театра. Из приведённых

выше данных мы видим, что потребность в театре напрямую зависит от кадрового состава, так как довольно большой процент респондентов утверждает, что успех спектакля или концерта зависит от мастерства актёров (82,5%) и режиссёра (75,0%). Мнения зрителей и экспертов полностью согласуются в оценке важности кадровой политики, ее прямого влияния на успех театра и потребности в нём у населения города. Говоря о кадровой политике, и зрители, и эксперты подчеркивают, что гарантом успеха работы театра являются, прежде всего, талантливые исполнители (37,5% опрошенных), (данный факт тоже важен в успехе спектакля или концерта). Чуть менее заметна для публики по сравнению с актером роль художественного руководителя творческого коллектива. Значимость этой фигуры признается 21% респондентов. Наименее заметными с позиции зрителя являются административные работники театра (лишь 15,5% опрошенных понимают их значимость в успехе театра). Интересно то, что на такой факт успеха в творческом коллективе, как наличие умной и преданной публики указало 1,5% респондентов. Отсюда возникает проблема формирования умного и преданного зрителя для театра и формирование потребности населения в театре.

Анализируя кадровую ситуацию в театре, театральные эксперты перечисляют группы специальностей, относящиеся непосредственно к творчеству, подчеркивая при этом проблему недостаточно высокой степени готовности выпускников театральных, музыкальных и других художественных учебных заведений к работе на сцене (не умеют двигаться, плохо поют). Это требует большой ответственности от учебных заведений, подготавливающих творческие кадры, и от учреждений, в которые приходит молодой специалист.

Отмечая свою удовлетворенность профессиональным уровнем творческого коллектива в целом, эксперты вместе с тем считают кадровую проблему достаточно значимой для театров г. Новоуральска. Нельзя не подчеркнуть, что данная проблема в большей степени ощущается лишь людьми посвященными, профессионально занимающимися искусством или тяготеющими к нему и остается вне сферы внимания публики.

Ситуация, сложившаяся сегодня на рынке труда творческих работников в сфере исполнительских искусств, позволяет отнести их к социально уязвимым профессиям, своего рода «группам риска». Низкий уровень заработной платы творческих работников (являющийся отражением оценки их труда обществом), ограниченные возможности профессиональной

мобильности (в силу узких специализаций, а также дифференциации амплуа), отсутствие четких критериев и механизмов профессионального продвижения, низкие возможности перехода в другие профессиональные группы – все это реалии творческого труда. Сказанное свидетельствует о том, что рынок неизбежно требует жесткого и мобильного регулирования взаимоотношений работника и работодателя и в этой сфере. Одним из возможных его способов (при условии обеспечения социальной защищенности работников), на наш взгляд, могла бы стать контрактная система их найма, введение практики антрепризы. Антреприза – более подвижная система творческих и человеческих отношений. Но нельзя забывать, что такого рода театр не работает на будущее, не выращивает артиста, он им пользуется как готовым материалом. Мы полагаем, что в современных условиях стационарный театр и контрактная система должны сосуществовать. Мы согласны с мнением А. Смелянского о том, что при системе, когда актер не имеет своего театра – дома – он социально не защищен, зависит от бесконечных показов спектаклей. В данной ситуации нечего и говорить о какой-либо серьезной театральной идее, об истинном актерском искусстве, о его будущем, о духовном влиянии на общество, о формировании преданной ему публики и формировании потребности в театре населения [5, 4].

Одним из важных факторов, влияющих на потребность в театре, как показало наше исследование, является работа театрального буфета, так как именно он является одним из главных компонентов в театре. Именно здесь люди могут встретить своих знакомых, обменяться мнением о спектакле или концерте. На работу буфета необходимо обращать особое внимание. Это следует из данных исследования. 21,5% от числа опрошенных предпочли бы посещать буфет, в котором нет очередей; 7,5% – в котором были бы доступные цены; 7% – который бы отличался культурой обслуживания; 5,5% – в котором широкий выбор товара; 2,5% – в котором комфорт и уют.

Анализ потребности в театре был бы неполным, если бы мы рассмотрели его только в содержательно-организационном аспекте: как соответствие предлагаемого набора услуг и их качества потребительскому спросу, культурным потребностям и ориентациям различных социальных групп населения малого города. Оценивая отдельные стороны деятельности коллектива театра оперетты Урала, эксперты отметили, что они в целом удовлетворены профессиональным уровнем творческого коллектива, культурой обслуживания посетителей, но полностью

не удовлетворены финансово-экономическим положением коллектива.

По мнению экспертов, приоритетным направлением финансирования должно быть финансирование в первую очередь из бюджета таких статей расходов как зарплата, коммунальные платежи, новые постановки. В настоящее время бюджетного финансирования не хватает даже на регулярную выплату заработной платы.

Для театра данного города помощь спонсоров — это единичные случаи, т.к. у главного спонсора — Уральского электрохимического комбината — идёт серьёзная реорганизация предприятия. В такой ситуации театр вынужден сам заниматься предпринимательской деятельностью, повышать цены на билеты, сокращать льготные программы, что, несомненно, может негативно сказаться на формировании потребности населения в театре, а отсюда может упасть престиж театра, измениться его образ. Публика, приходя на спектакль и видя в фойе распродажу товаров, выставку мебели и т.д., перестаёт относиться к театру как к «храму искусства». На это указало 46,05 респондентов. Около 30,0% из опрошенных отметило, что все это мешает созданию определенного настроения, необходимого для серьезного и глубокого восприятия спектакля. Доходы от аренды помещений и предпринимательской деятельности театра составляют мизерную часть от его общего дохода, основная доля которого приходится на бюджетное финансирование, которое при этом очень незначительно и нерегулярно. Все эти факторы, конечно, играют негативную роль в формировании потребности населения в театральном искусстве.

Мы рассмотрели лишь некоторые внутринституциональные факторы формирования театральной потребности населения малого уральского города.

Результаты исследования позволили выделить внеинституциональные факторы формирования потребности в театре населения малого города.

Среди важнейших факторов, определяющих потребность в театре, почти все респонденты отметили низкий уровень материального благосостояния. Основным препятствием для более частого посещения театра является недостаток денег. На это указало 22,7% респондентов. 16,8% отметили домашнюю загруженность.

Обращает на себя внимание тот факт, что люди выдвигают такой аргумент, как неумение организовать свой досуг. Это отметило 12,8% респондентов. На отсутствие интереса к театральному искусству и отсутствие личного опыта посещения театра указало 22,% и 18,0% респондентов соответственно. Вместе с тем исследование зафиксировало единодушное мнение о том, что в современном обществе необходимо формировать театральную потребность личности. Это говорит о том, что жители города нуждаются в помощи организации выбора досуга, умения воспринимать произведения театрального и музыкального искусства. Подавляющее большинство опрошенных говорят о том, что за это должна отвечать семья, институт образования, институты культуры.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Театр как социальный институт культуры в современных условиях должен опираться на научное осмысление и объективную оценку реально существующего перераспределения функций искусства в системе современной художественной культуры в целом. Это перераспределение вызывает кризис и отмирание одних традиционных форм бытования институтов культуры и театра и рождение — или возрождение — других. Оно предполагает и очевидную необходимость реорганизации особенно театра на всех уровнях его социального функционирования в целях определения и нахождения своего места в системе художественных зрелищ, установления новых взаимоотношений с публикой, формирования потребности населения в театре. Населению малого уральского города нужен театр (несмотря на все проблемы его функционирования в городе), так как он оказывает влияние на социализацию и жизненный путь личности. Театр способствует процессу усвоения индивидом образцов поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для его успешного развития в данном обществе. Именно социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, обучения и воспитания, с помощью театра человек приобретает социальную природу и способность участвовать в социальной жизни. Потребность жителей города в театре заключается ещё и в том, что он для них активно вторгается в культурную систему города, способствует её преобразованию.

1. Рогов Е. И. Психология человека. М., 2001. С. 64.
2. Гинзбург Л. Критические статьи о театре. Театр и зритель // Театральное обозрение. № 4. 2009.
3. См.: Аудитория искусства в России: вчера и сегодня. СПб., 2009.
4. Дадамян Г. Г. Социально-экономические проблемы искусства. М., 2002. С. 89.
5. Смелянский А. Театр для выживания и выживание театра / Театральная жизнь. —1996. — № 6. — С. 4.

ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

УДК 32.001

А. В. ЗАЙЦЕВ

Понятие «диалог государства и гражданского общества» имеет достаточно широкое распространение как в социально-политической практике, так и политологической теории. Однако вплоть до настоящего времени этот термин, несмотря на его весьма интенсивное использование, так и не получил сколько-нибудь обоснованного адекватного теоретического осмысления. Это обстоятельство нередко создает двусмысленное, неверное, искаженное использование данного концепта, который уже давно нуждается в специальном категориальном истолковании с точки зрения социально-гуманитарного знания в целом и, в данном случае, с позиции политической науки. Тем более что сегодня крайне необходима «специальная теория политического диалога, которая могла бы критически проанализировать и синтезировать уже имеющиеся концепты и теории, отражающие диалогические взаимодействия в политической практике современного общества, считает С. П. Поцелуев, автор по сути дела единственной и в своем роде уникальной докторской диссертации по проблемам политического диалога и парадIALOGA. Однако такой теории пока что нет даже в первом приближении» [9, с. 5]. Данная статья является попыткой определения понятия «диалог государства и гражданского общества» как социально-политической категории современной российской и европейской политической теории и практики.

Диалог как двустороннюю и/или многостороннюю субъект-субъектную коммуникацию обычно противопоставляют монологу как одностороннюю субъект-объектную коммуникацию. Юрген Хабермас пришел к пониманию гражданского общества как особой сферы, отделенной как от государства, так и от рынка, названной им публичной сферой, где и происходит диалог государства, бизнеса и гражданского общества. Этот диалог носит не межперсональный, а интерсубъективный характер. Это не общение между различными личностями, а взаимодействие институтов, общественных организаций, коммерческих структур и органов государственной власти. Такое понимание диалога носит опосредованный, метафорический, переносный

характер. Это коммуникация, которая осуществляется иными способами и средствами, нежели межличностная языковая диалоговая коммуникация в традиционном понимании слова «диалог». Данное обстоятельство позволяет нам говорить об особых разновидностях интерсубъективного диалога, например о междисциплинарном диалоге, о диалоге исторических эпох, о межрелигиозном диалоге, о диалоге культур, о международном диалоге, о межгосударственном диалоге, об энергетическом диалоге, о диалоге в области прав человека и так далее. Особой разновидностью интерсубъективного диалога является диалог государства и гражданского общества.

В западноевропейской литературе выделяют такие разновидности диалога, как социальный (в узком смысле) диалог и гражданский диалог. Понятие «социальный диалог» имеет более длительную историю существования и понимается как социальное партнерство и переговорный процесс в области социально-трудовых отношений. Наряду с государством и бизнесом неотъемлемым участником такого диалога являются организации, институты и структуры «третьего сектора», то есть гражданского общества: профсоюзы, трудовые коллективы, НПО (неправительственные организации), НКО (некоммерческие организации). Еще в 1999 году Еврокомиссия пришла к выводу, что гражданское общество включает в себя следующее: профсоюзы и работодателей («социальных партнеров»), неправительственные организации, профессиональные ассоциации, благотворительные организации, низовые организации, которые вовлекают граждан в местную и муниципальную жизнь. Благодаря этому для политической системы ЕС «характерны последовательный диалог и переговоры между всеми участниками политического процесса в рамках многочисленных, подверженных постоянным изменениям единых сетей политического, экономического и социального характера. Командование и подчиненность уступают здесь место координации и согласованию» [6, с. 109].

Такой подход позволяет включить социальный диалог (в узком смысле) в более широкое

понятие диалога государства с гражданским обществом. В то же время, если рассматривать работодателей наряду государством и гражданским обществом в качестве «второго сектора» механизма трехсекторного социального партнерства, то такой социальный диалог лишь отчасти совпадает диалогом государства и гражданского общества.

В настоящее время в практике Евросоюза и входящих в него стран сложились три основных формы гражданского диалога:

1. Это так называемый «вертикальный диалог» или «секторальный гражданский диалог» между организациями гражданского общества и их партнерами по диалогу в законодательной и исполнительной власти национальных государств, входящих в ЕС.

2. Вторая форма гражданского диалога — это «трансверсальный диалог». Он понимается как структурированный и регулярный диалог между институтами ЕС и всеми компонентами гражданского общества.

3. Третья форма гражданского диалога — это «горизонтальный диалог» между самими организациями гражданского общества по проблемам развития ЕС и его политики [11, с. 3]. «В отличие от национальных государств официальные структуры Евросоюза проявляют больше готовности к диалогу с организациями гражданского общества» [6, с. 112].

Такое понимание гражданского диалога не позволяет полностью отождествить его с диалогом государства и гражданского общества. Во-первых, сам Евросоюз хотя и имеет признаки государства, но государством в полном смысле этого слова не является. Во-вторых, диалог внутри гражданского общества хотя и является важнейшей формой социальной коммуникации, но к интеракции власти и социума отношения не имеет. Поэтому из трех вышеуказанных форм гражданского диалога в полной мере диалогом государства и гражданского общества соответствует лишь пункт № 1 и отчасти пункт № 2. Все эти три формы диалога в настоящее время равно существуют в ЕС, а развитием гражданского диалога занимаются различные его институты: Европарламент, Еврокомиссия и Европейский экономический и социальный комитет.

Самое же главное условие развития продуктивного диалога между национальными и наднациональными и институтами ЕС и европейским гражданским обществом заложено в Лиссабонском договоре, выполняющем функции так и не принятой конституции ЕС, где в пункте 2 статьи 11 сказано, что «институты поддерживают открытый, прозрачный,

регулярный диалог с представительными ассоциациями и гражданским обществом» [3]. В этой же статье, в пункте 5, сформулирована норма, теоретически вводящая в действие механизм прямой законодательной инициативы со стороны социума. «Граждане Союза в количестве не менее одного миллиона человек, принадлежащие к гражданству значительного числа государств-членов, — говорится в документе, — могут выступить с инициативой пригласить Европейскую комиссию в рамках ее полномочий внести соответствующее предложение по вопросам, в отношении которых, по мнению этих граждан, необходимо издание правового акта Союза в целях применения Договоров» [3]. Дело в том, что Евросоюз строит свою политическую систему не только на власти и рынке, как это делает большинство демократических государств, но еще и в целях собственной легитимации включает в нее третий сектор, то есть гражданское общество, публичную сферу и диалог в самом широком смысле этого слова. Данное обстоятельство вполне корреспондируется с хабермасовской теорией делиберативной (коммуникативной) модели демократии, который писал, что «для политики в смысле практики гражданского самоопределения парадигмой является не рынок, а диалог» [10, с. 388].

Делиберативная (то есть совещательная, дискурсивная) модель демократии — это нормативная модель демократического устройства, где важнейшую роль в принятии политических решений играют те или иные разновидности диалоговой коммуникации: дебаты, дискуссии, обсуждения, общественные слушания, опросы общественного мнения и так далее. Джозеф М. Бессет, создатель термина «делиберативная демократия», полагает, что делиберативный процесс способен принимать самые различные формы. «Это может быть согласованный процесс сотрудничества единомышленников...», — пишет этот современный американский мыслитель, — это может быть процесс, содержащий глубоко укоренившиеся конфликты по поводу основных вопросов или принципов. Он может завершиться единогласным мнением...; он может выявить острейшие разногласия, которые нельзя урегулировать... Он может варьироваться от спокойного обсуждения... до эмоционального обмена мнениями... Это может быть открытая публичная дискуссия... Это могут быть прямые диспуты... Участие может быть ограничено... или привлекать идеи и мнения заинтересованных групп...» [1, с. 75–76].

Еще один видный теоретик делиберативной демократии, Юрген Хабермас, в своей

политической философии использовал термин дискурс, который, по мнению целого ряда отечественных и зарубежных мыслителей, фактически синонимичен термину диалог. «По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог,— пишут О. Ф. Русакова и В. М. Русаков, — в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [7, с. 64]. Представители теории делиберативной демократии, начиная с Дж. Дьюи, являвшегося ее непосредственным предшественником, большое внимание уделяли не столько выборам, в процессе которых демократически избранное большинство легитимизирует свою власть, сколько демократическим процедурам: дискуссиям, дебатам, обмену мнениями, консультациям, консенсусу, компромиссу, толерантности, достигаемым в ходе общественного диалога. «Самый сильный довод в пользу даже тех рудиментарных политических форм, которые уже освоены демократией — всеобщего голосования, правления большинства и т.д.— пишет Дж. Дьюи, — это то, что все они предполагают консультации и дискуссии, в ходе которых выясняются социальные потребности и социальные проблемы». Самой же «насушной потребностью общества» этот английский мыслитель считал «совершенствование методов и условий проведения дебатов» [4, с. 150–151]. «Монолог представляет собой внутреннее, незаконченное мышление», в то время как по-настоящему демократическое общество возможно только «в рамках отношений «лицом к лицу», в ходе прямых транзакций», что «выражается в исконном значении слова «диалог» [4, с. 158].

По мнению автора, «диалог государства и гражданского общества» как таковой существует лишь номинально и является универсально-родовым понятием по отношению к конкретным его проявлениям и разновидностям или, точнее, видам диалога. Конкретными же разновидностями диалога могут выступать общественные консультации, экспертизы, обсуждения, согласования действий, переговоры, прения сторон, споры, дискуссии, дебаты, диспуты, полемика и прочее. Все они в той или иной степени субстанционально связаны с онтологизированной сущностью диалоговой коммуникации в ее амбивалентности к монологической интеракции.

Друг от друга разновидности социального (в широком смысле) диалога отличаются различной степенью напряженности в сфере взаимодействия государства и гражданского общества. Чем выше степень отчуждения, непонимания, аномичности, тем острее тон

диалогической коммуникации. И наоборот, чем более налажены когнитивные процедуры в сфере интеракции государства и гражданского общества, тем спокойнее и конструктивнее их коммуникация, протекающая в виде той или иной разновидности диалога. Даже самый острый диалог является не столько конфликтным фактором, сколько примирительной процедурой, позволяющей его актерам лучше понять друг друга, уточнить позиции, вникнуть в суть проблем. Такой диалог требует развитой политической культуры, владения основами публичной ораторики, логики и аргументистики. Успех во многом будет зависеть от правильно избранной тактики и стратегии коммуникации, где навешивание ярлыков, оскорбление оппонентов или уход от актуальных и злободневных тем, нежелание вступать в интеракцию, молчание, обидчивость конкретных акторов публичного диалогического дискурса могут лишь обострить и без того непростую социально-политическую ситуацию в сфере взаимоотношений государства и структур гражданского общества. И наоборот, коммуникативная компетентность субъектов диалога, владение методами социальной интеракции, правильно избранная стратегия и тактика, аргументированный дискурс, открытость, уважительность к чужому мнению, умение достойно оппонировать, подмечая не только слабости, но и рациональное зерно в позиции других коммуникантов, — способны изменить ситуацию в более благоприятном направлении.

Можно ли диалог государства и гражданского общества рассматривать как политический диалог или, по крайней мере, как его одну из разновидностей? В принципе возможно долго дискутировать по поводу того, существует ли в современной России гражданское общество или же нет. По мнению И. М. Дзялошинского, главный отличительный признак гражданского общества заключается не в наличии большого количества некоммерческих организаций, а в существовании так называемых горизонтальных связей, которые не контролируются властью. Эти «гражданские коммуникации» позволяют людям в рамках гражданского общества осуществлять свободный диалог друг с другом, в том числе и по политическим вопросам [2, с. 32–33]. А «вступая в диалог с властью, отстаивая права и интересы, гражданские организации неизбежно вступают на политическое поприще, — полагает Л. И. Никовская. — Каждая отдельная организация может быть вполне аполитичной, но гражданское общество не существует вне

политики. Более того, оно привносит с собой в политику новые начала, самим своим появлением изменяет принятые традиционными политическими силами правила и представления» [8, с. 55]. Такой стихийно развивающийся диалог должен по мере его развития и углубления приобретать институциональный облик, выражающийся не только в законодательном оформлении коммуникативных процедур, но наличии особого структурно-функционального компонента [5]. Исходя из всего вышесказанного, можно сформулировать следующее определение диалога государства и гражданского общества.

Диалог между государством и гражданским обществом можно определить как делиберативное intersubjective взаимодействие на основе двухсторонней (многосторонней) коммуникации с целью нахождения взаимопонимания между властью и социумом, поиска и выявления общих интересов, транспарентного определения социальных позиций, согласования намерений, разрешения конфликтных ситуаций, координации обоюдных действий, корректировки сложившейся

ситуации и выработки путем институционализированного публичного дискурса взаимоприемлемых правовых, политических и управленческих решений и мер на ближайшую и/или среднесрочную либо долгосрочную историческую перспективу. Такой диалог можно определить как гражданский диалог, имеющий, одновременно с этим, политическую и социальную (в широком смысле) направленность.

К наиболее распространенным в современной России формам диалога государства и гражданского общества можно отнести деятельность общественно-консультативных советов при органах и институтах государственной власти, общественные слушания, экспертизы, механизмы гражданского контроля, конкретные практики участия, партнерства, переговорные процессы, обращения граждан в органы власти, опросы общественного мнения, интерактивные выступления руководителей власти всех уровней, парламентские и внепарламентские дебаты, агрегацию и артикуляцию интересов социума в СМИ политическими партиями, профсоюзами, органами местного самоуправления и другими организациями и институтами гражданского общества.

1. Джозеф, М. Бессет. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти [Текст] / пер. с англ. Ю. Шпакова. — М.: РОССПЭН, 2011. — 336 с.
2. Дзялошинский И. М. Гражданские коммуникации и гражданское общество [Текст] / И. М. Дзялошинский // Эмпирические исследования гражданского общества. Сборник материалов общественных слушаний. — М.: Общественная палата, 2009 — С. 32–34.
3. Договор о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора) [Электронный ресурс]. — URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 19.07.2011).
4. Дьюи Дж. Общество и его проблемы / пер. с английского И. И. Мюрберг, А. Б. Толстикова, Е. Н. Косиловой. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 160 с.
5. Зайцев А. В. Структурность и полифункциональность институционального диалога в социально-политическом дискурсе власти и общества [Текст] / А. В. Зайцев // Власть. — 2011. — № 6. — С. 38–40.
6. Зайцев А. В. Проблемы институционализации политического диалога государства и гражданского общества [Текст] / А. В. Зайцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2011. — № 2 (18). С. 27–36.
7. Зайцев А. В. Государство и гражданское общество: институционализация диалогового взаимодействия // Аспирантский вестник Поволжья. Научно-информационный межвузовский журнал. — 2011. № 3–4, — с. 215–217.
8. Зайцев А. В. К вопросу об институционализации диалога государства и гражданского общества в социально-политическом дискурсе современной России [Текст] / А. В. Зайцев // Общество: политика, экономика, право. — 2011. — № 3. С. 13–22 и др.
9. Комлева. Н. А. Специфика политической системы Евросоюза [Текст] / Н. А. Комлева, Д. А. Миронов, Е. М. Петров // Известия Уральского государственного университета. — 2006. — № 42. — С. 106–112.
10. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR диалог: теоретико-методологический анализ. / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. — Екатеринбург: УрО РАН Институт международных связей. — 2008. — 365 с.
11. Никовская Л. И. Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние и проблемы [Текст] / Л. И. Никовская // Проблемы становления гражданского общества в России. Выпуск 4. — М., 2003. — С. 33–58.
12. Поцелуев С. П. Диалог и парадIALOG как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества [Текст] / С. П. Поцелуев / Автореферат диссертации... доктора политических наук. Ростов-на-Дону, 2010. 45 с.
13. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб.: Наука, 2001. — 417 с.
14. Towards a structured framework for European Civil Dialogue. Brussels, 15 February 2010 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.civicforum.fr/documents_towards_a_structured_framework_for_european_civil_dialogue.pdf (дата обращения: 19.07.2011).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ

УДК 304.444

А. А. ЛОБЖАНИДЗЕ

В современной политологии имеется тенденция отождествления мифического и иррационального, в рамках которой подчёркивается иррациональная сущность «политической мифологии». Например, А. Цуладзе в монографии «Политическая мифология» подчёркивает, что миф имеет иррациональные корни» [7, с. 163].

Несмотря на то, что в работе А. Цуладзе содержится немало интереснейших и актуальных положений в области исследований политической мифологии, с его интерпретацией мифа как «иррационального» нам трудно согласиться. Отчасти такая интерпретация связана с тем, что А. Цуладзе не занимается специальной разработкой проблемы иррационального, а опирается на некоторые тенденции политологии и социальной философии в интерпретации иррационального. Вывод об «иррациональных корнях мифа» А. Цуладзе делает на основе выявления составляющих, которые зачастую в специальной литературе причисляются к иррациональному. А. Цуладзе показывает, что средой обитания мифа являются человеческие эмоции и чувства, управление эмоциями осуществляется на основе стереотипов, в мифологии зашифрованы переживания и опыт народа, её создавшего и т.д. [7, с. 163]. А эти характерные составляющие мифа (эмоции, стереотипы, опыт как традиция) другими авторами нередко отождествляются именно с иррациональным. Аргументы сторонников и противников такого подхода в различных отраслях социального знания уже не раз сталкивались в научной литературе (см. подробнее об этом [1]).

Поскольку подобный подход является распространённым, следует особо остановиться на его эвристических возможностях применительно к политологии, к исследованию политической мифологии.

Объяснения современной психологии исключают кардинальное противопоставление эмоций сознательной деятельности, подчёркивают, что эмоции сопровождают практически любые проявления жизни и деятельности, а также служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение потребностей (мотивации). «Положительные эмоции,

вызываемые полезными воздействиями, побуждают субъекта к их достижению и сохранению. Отрицательные эмоции стимулируют активность, направленную на избежание вредных воздействий» [3, с. 552]. В политике особенно проявляется, что эмоционально окрашена не только адаптивная деятельность, но и аналитическая, и прогностическая. То есть виды деятельности, традиционно относящиеся к «рациональным», основанным на «расчёте», нельзя считать свободными от эмоциональной составляющей. Можно согласиться с авторами, утверждающими, что роль эмоций в политике огромна, но движущими силами политики всё-таки являются не сами эмоции, а те потребности, возможность или невозможность удовлетворения которых сопровождаются такими эмоциями. Страх и радость возникают не сами по себе, ни с того ни с сего, а лишь в связи с оценкой субъектами политики различных политических явлений и их значимости для субъектов.

Если рассматривать «иррациональное» как «находящееся за пределами разума», то никоим образом нельзя отнести к иррациональному стереотипы, установки, предубеждения и т.д., рассматриваемые в когнитивном (познавательном) аспекте, так как познание (как в шаблонных, так и нестандартных проявлениях) не является «находящимся за пределами разума». То же самое с полным основанием можно утверждать об интуиции и воображении, феноменам, тоже часто относимым к области «иррационального». Если «воображение политическое» состоит прежде всего «в создании представлений и мысленных ситуаций», а «интуиция в политике» — «способность постижения истины путём прямого её усмотрения без обоснования с помощью доказательств» [3, с. 184], то становится ясно, что «постижение истины» или «создание мысленных ситуаций» не находятся «за пределами разума», а, наоборот, представляют интерес именно в познавательном аспекте.

Внимательно анализируя попытки определения «иррационального» в социально-политической сфере, а также попытки выявления «иррациональной составляющей» различных объектов политологического исследования, мы увидим в политологии ситуацию, которая

ранее была зафиксирована В.В. Мироновым в философии [2].

Особенность ситуации состоит в распрстранении подхода, согласно которому рациональное сводится к научному, а понимание научного резко сужается вплоть до сведения к формально-логическому, или же научность понимается в стиле Нового времени, включая эмпирическую проверяемость, основанную на методах математических наук. Соответственно, к иррациональному относят то, что не вписывается в рамки подобного понимания «научно-рационального».

В.В. Миронов рассматривает проблему иррационального и рационального в рамках противостояния сциентизма и антисциентизма, а также показывает, что понятие рациональности отличается в зависимости от типа культуры. Данные современной психологии полностью согласуются с теоретическими положениями В.В. Миронова, свидетельствуя, что мышление — продукт культурного и исторического развития, что когнитивное развитие зависит от структуры социального окружения и что связи (понимаемые в рамках теории когнитивных схем), которые выстраивают люди, являются продуктом схем, моделей, существующих в общем и в целом в культуре, и в этом плане культура воспринимается как хранилище схем.

Как становится ясно на основе выводов В.В. Миронова, сциентистское понимание иррационального применяется также и в политологии, и в социальной психологии. Например, нередко отмечается, что иррациональное в политике (как нечто недоступное рациональному познанию и невыразимое в логических понятиях) обычно противопоставляется понятию рационального. Однако любые формально-логические требования к чистоте теории так и остаются идеальными конструкциями. Таким образом, сциентистские попытки сведения рациональности к формально-логическому, основанному на методах математических наук, оказываются несостоятельными. Становится понятным, что именно в рамках подхода, отождествляющего рациональность с узко понимаемой научностью, к иррациональному в политике причисляется ценностное, эмоционально окрашенное, связанное с интуицией, воображением, а следовательно, и с мифом.

Однако к мифологии, в том числе и политической, в отличие от подхода, представленного А. Цуладзе и др., существует и другой подход, который представляется нам намного

более обоснованным. Так, С.В. Разворотнева даёт следующее определение политического мифа: «Политический миф — эмпирический, но обычно непроверяемый объяснительный тезис, который предопределяет простейшую причинную теорию политических событий и широко поддерживается публикой» [4, с. 224].

В политике следует особенно учитывать не только объяснительную роль мифа, но и наложенную в мифологии систему приспособления и регуляции. Политический миф влияет на поведение людей, поддерживая, предостерегая или запугивая, или консервируя апатию, или направляя агрессию в русло, указанное мифом, а также и многими другими способами.

В последнее время в отечественной политологии получил широкое распространение психоаналитический подход. В рамках этого подхода представляется возможность проследить связь современных концепций, рассматривающих глобальные проблемы в ракурсе «рационального-иррационального» с мифологическими архетипами. Так, критики господства рационалистических установок в современном обществе оперируют образами мифов «о наказанной гордыне», «героях-богоборцах», и т.д., часто в негативном контексте встречается образ Прометея.

В концепциях, подчёркивающих нарастающее противостояние между культурами и цивилизациями, прослеживается влияние образов вавилонского столпотворения. В умопостроениях, критикующих иррациональность современного общества, присущую ему хаотичность, бессмысленную жестокость непостижимых, противостоящих человеку сил, просматриваются аналогии с классическими сюжетами древних народных мифологий, современное общество предстаёт как «чудище стоголаво», требующее жертв, обманывающее, искушающее и пожирающее людей. Как правило, подобные сюжеты либо предполагают возможность победы над чудищем, либо перерастают в эсхатологическую линию, где «чудище» приобретает черты персонализированного зла и извечного «Врага человечества».

Характерно, что в отечественной мысли глобальное прогнозирование приобретает черты национальных архетипных образов. Например, Ю.И. Семёнов в контексте современных глобальных процессов оптимальным вариантом для России считает её выступление в роли инициатора создания союза

периферийных стран, противостоящих «ортокапиталистическому» центру союза, который имеет целью оградить периферийные страны от угроз и агрессии Запада. [5, с. 622–656]. В таком подходе можно усмотреть проявление национальных архетипных образов при подчёркивании мессианской роли России в решении сложнейших проблем современного мира, хотя, конечно же, сведение рассматриваемого варианта Ю. И. Семёнова лишь к проявлению архетипов национального сознания было бы большим упрощением. Теория может содержать в себе след национального мифического сознания и при этом иметь большую научную ценность.

Безусловно, разнообразные психоаналитические подходы имеют право на существование и представляют интерес как для социальной мысли в целом, так и для аналитиков политической мифологии, культуры, общественного сознания. Но, по нашему мнению, не следует абсолютизировать их эвристическое значение, превращая в «универсального интерпретатора» всех социально-политических явлений.

Психоаналитический подход, получивший распространение в отечественной политологии, безусловно проливает свет на связь мифологии и архетипов с современными глобалистскими теориями, но не даёт возможности адекватного анализа и классификации концепций, связанных с ними подходов и определений в аспекте «рационального» и «иррационального», так как в рамках внутренних установок относит любую связь с мифологией и с коллективным бессознательным к области иррационального.

По нашему мнению, возможность более глубокого анализа дают методологические основания разработанного нами понимания феномена иррациональности [1]. В рамках нашего подхода иррациональное — это непознанное в объекте познания, представляющееся субъекту непознаваемым. Именно на этой методологической основе мифы (в том числе и политические или связанные с политикой) понимаются не как «тождественное иррациональному» или имеющее «целиком иррациональные корни, а как «попытка рационализации». Явное или скрытое обращение к образу вавилонского столпотворения рационализирует объективные трудности как индивидуального, так и общественного сознания при попытках «объять необъятное», то есть всё многообразие культур, языков, верований, ценностей и интересов мультиэтничного

человечества. С одной стороны, образ указывает на изначальное единство, оптимистически намекая на то, что отказавшееся от греховных помыслов человечество вновь если не заговорит на одном языке, то хотя бы достигнет взаимопонимания, но с другой стороны, те же образы могут легитимизировать и консервировать разобщённость, отчуждённость и даже конфронтацию.

Миф о Прометее является попыткой рационализации объективных трудностей и противоречий любой преобразовательной деятельности и также содержит в себе возможности противоположных интерпретаций, как героически-поощрительной, так и пессимистически-разоблачительной, предостерегая человечество от любых попыток «поиграть с огнём». Огнём, понимаемым то как «энергия термоядерных реакций» то как «жар мартевских печей», ухудшающий экологическую обстановку, то как «свет божественных знаний».

На основе нашего подхода становится ясно, отчего при столкновении с неожиданными, непрогнозируемыми социальными явлениями люди склонны относить их к иррациональному, особенно при признании их негативных последствий.

В данном контексте раскрывается тенденция «левых», «социалистических» и «марксистских» авторов называть капиталистическое общество «иррациональным». Если для марксиста природа капиталистических кризисов и их пагубных последствий теоретически должна быть понятна (на основе «руководства к познанию», изложенному в «Капитале» и др.), то для рядового пострадавшего от капиталистических катаклизмов «невидимая рука рынка» Адама Смита превращается в «Чёрную Руку» из детского фольклора, которая неумолимо приближается по его душу.

Причём так же, как в детском фольклоре, никто не знает, зачем эта «Чёрная Рука» поднимается по лестнице и стучит в твою дверь, чем объясняется её бессмысленная жестокость и чего ей надо от своих жертв, так и жертва «социальной мясорубки», выступая как микросубъект социальных процессов, не приемлет жестокого факта столкновения своих вполне разумных действий и интересов с обезличенностью и враждебностью макропроцессов. Классический пример: рачительный предприниматель, совершенно верно просчитавший свои действия и их последствия на микроэкономическом уровне своего предприятия, тем не менее,

становится банкротом в результате действия макропроцессов.

Если речь идёт о герое детского фольклора «Чёрной руке», то для нашего исследования небезынтересны выводы, которые делают детские писатели Э. Успенский и А. Усачёв [6, с. 183–184] в результате изучения именно этой фольклорной линии. Вывод о том, что этот жуткий персонаж (как и другие сюрреалистические персонажи) распространился в фольклоре нашей страны в первой половине XX века, как они считают, именно в результате определённых социально-политических процессов. Среди причин называется массовая урбанизация, разрыв с традиционной деревенской фольклорной базой и, прежде всего, «исчезновение людей» в результате массовых репрессий.

Возможно, что появление этого персонажа и связано с указанными социально-политическими процессами, но возникает вопрос о том, что же обеспечивало массовое хождение этого и других новых персонажей в 70-е и 80-е годы XX века, когда производился сбор фольклорных материалов. Мы бы сказали, что речь скорее идёт о попытке рационализации процессов, представляющимися непостижимыми детскому сознанию. Зло, и как самое наглядное его воплощение — страдание, страх и смерть, всегда с большим трудом «переваривается» сознанием, и не только детским, и всегда несёт черты непостижимости.

В условиях атеизации массового сознания и отсутствия доступа к традиционной мифологии извечного «Врага человечества с армией бесов» заменяет «Чёрная рука», схожая с извечным «Врагом» своей бессмысленной жестокостью и необъяснимым накалом ненависти к людям. Вероятно, что потеря «Чёрной рукой» антропоморфических черт, типичных для традиционных персонажей, может объясняться всё большим обезличиванием «зла» в индустриализационных и модернизационных процессах. В традиционном обществе люди воспринимают зло как «идущее от людей» или персонажей, похожих на людей, даже страх перед стихией персонифицируется (водяной, леший и др.).

В обществе модерна гибель людей в техногенной катастрофе из-за непредсказуемости внезапного сбоя техники так же бессмысленна, жестока и не объяснима чьим-то умыслом, как и внезапная атака «Чёрной руки». Не случайно среди новых сюрреалистических персонажей появляются зловещие техногенные персонажи «Зелёные пластинки», «Кукла-

биоробот», «Автобус с чёрными шторками» и др. Безусловно, что одним из видов трансляции панического отношения к технике являются родительские предостережения «Не включай приёмник!», «Не подходи к стиральной машине!» и т.д. Но непредсказуемость техногенных катастроф и несчастных случаев, являющихся источником тревог современной цивилизации, оставила глубокий отпечаток и в детском сознании. Детский фольклор зафиксировал тот трагический факт, что детская экскурсия может не вернуться домой — «фактор опасности», многократно подтверждённый встревоженными и расстроенными лицами родителей, провожающими детей. Слишком сложные для детского сознания объяснения техногенных катастроф («несоблюдение техники безопасности», «инженерный просчёт», «ошибка диспетчера», «износ техники», «человеческий фактор», «преступная халатность» и пресловутый «стрелочник») заменяются загадочными «чёрными шторками», которые душат всех пассажиров. Так мы видим, что недоверие к технике, свойственное современному антисциентизму, присутствует и в новом фольклоре.

Так же, как и сознание взрослых, детское сознание отражает «сциентистскую линию». Традиционная мифология «модернизируется», и чтобы уничтожить оборотня, вызывают ракетные части, а вурдалаков травят химическими газами. Также следует отметить появившийся в детском фольклоре такой «социальный рецепт» как вызов милиции для борьбы с нечистой силой. Что интересно, такие способы в новом детском фольклоре нередко показывают свою эффективность.

Вера во всемогущество техники несёт такой же фактор тревожности, как и неприятие техники, отражая в детском сознании все перипетии и споры мира взрослых. Существенно, что в детском фольклоре отражаются политические и идеологические реалии и политическая мифология взрослых. Так, в жутких историях появилась «кукла-биоробот», «перекачивающая кровь из людей в других биороботов», «на некоторых из этих кукол были надписи «Смерть советским детям», «Сделано в США» или «Сделано в Японии».

Но так ли далеко отрывается детская фантазия от действительности? Ведь использование взрывных устройств в детских игрушках и продуктах питания — это горький факт новейшей истории.

Характерно, что в новом детском фольклоре большую роль играют СМИ, что говорит

о времени происхождения данной разновидности фольклора, предшествующего эпохе Интернета. Временами радио или телевизор предупреждает об опасности и передает инструкции по борьбе с «нечистой силой», но чаще постфактум сообщает о неотвратимости трагедии: «Чёрная Рука идёт по улице... Чёрная Рука уже у тебя дома...»

И так же как мальчишка, который крикнул «А король-то голый!», детский фольклор многократно и во всеуслышание утверждает: «Взрослые живут в мире зла и слишком часто не в состоянии защитить от этого зла своих детей!»

Следует отметить, что восприятие зла как «иррационального» свойственно не только мифологическим, фольклорным, религиозным, эсхатологическим и консервативным течениям, но и современным марксистским, левым и альтерглобалистским концепциям. В «левой литературе» широко распространено отождествление «иррациональности» капитализма (империализма, глобализма) с его «безнравственностью». Здесь прослеживается влияние «этического рационализма» на современную социальную мысль. В глобальном контексте из этой позиции выводится опасность нравственной деградации человечества.

Так называемая «иррациональность общественной системы» состоит не в иррациональности сознания властных элит или широких масс, а в неосознаваемых ни элитами, ни широкими массами объективных кризисогенных факторах, следствия которых проявляются в повседневной жизни как непостижимый абсурд, «стоголовая гидра хаоса». Немаловажное значение имеет и тот факт, что правящие элиты зачастую не заинтересованы в выявлении объективной картины кризисогенных факторов.

Беспомощность субъектов политики в этой ситуации проявляется в истерическом поиске

«врагов», подкармливающих «гидру хаоса», а беспомощность и отчаяние населения — в творении мифов о поголовном злодействе и злой воле политической власти, которая специально мучает народ, руководствуясь тайными целями. Отсюда распространённость в тяжёлые времена массовых мифов о том, что политические элиты составляют люди, являющиеся замаскированными выходцами из других стран и народов, или подкупленные иностранными державами, или психически больные, нравственно и интеллектуально ущербные, мстящие за что-то руководимому им народу и государству, и потому они стремятся к его ослаблению, уничтожению и порабощению. На деле же «мистическое злодейство заговорщиков от власти» — это преобладание обычных корыстных узкогрупповых интересов и/или проявление неумения анализа социальных процессов и влияния на них.

При использовании нашего подхода, на основе анализа политических мифов появляется возможность рассмотреть каждый политический миф с точки зрения выявления морально-психологического климата в обществе и отношения широких масс к политическим и экономическим процессам. Следует при этом учитывать, что на основе анализа политических мифов, в которых заложены сценарии приспособления к мифически интерпретированной действительности, можно делать выводы не только о наиболее болезненных общественных проблемах, но и о возможной реакции на них населения в случае, если ему не будут предложены никакие другие возможности выхода из проблемной ситуации, кроме тех, которые вытекают из мифа. И в этом контексте необходимо самое пристальное изучение политической мифологии, что возможно лишь при отказе от «мифа о полной иррациональности политической мифологии».

1. Лобжанидзе А. А. Иррациональное в социально-политической сфере общества [Текст] / А. А. Лобжанидзе. — М.: Макс-Пресс, 2008.

2. Миронов В. В. Образы науки в современной культуре и философии. М.: Гуманитарий, 1997.

3. Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. Москва, Екатеринбург: Академический проект, Деловая книга, 2002.

4. Разворотнева С. В. Язык власти, власть языка // Психология и психоанализ власти / редактор-составитель Д. Я. Райгородский. — Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 1999. — Т. 1.

5. Семёнов Ю. И. Философия истории [Текст] / Ю. И. Семёнов. — М.: Современные тетради, 2003.

6. Усачёв А., Успенский Э. Нетрадиционные, иррациональные, сюрреалистические жуткие истории // Красная рука, Чёрная простыня, Зелёные пальцы. Жуткий детский фольклор / предисл., сост.: Э. Успенский, А. Усачёв. — М.: Экономика, 1992.

7. Цуладзе А. Политическая мифология [Текст] / А. Цуладзе. — М.: ЭСМО, 2003.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 329

Е. М. ГУРАРИЙ

Проблема политического пространства связана с пониманием его роли и предназначения в пространстве как таковом. Одним из ключевых вопросов данной работы, в частности, является, с одной стороны, определение источника формирования политического пространства, с другой — понимание результатов процессов в политическом пространстве. Чтобы ответить на эти вопросы, представляется возможным попытаться «кристаллизовать» политическое пространство путем выделения из феномена пространства его основных видов с целью последующего анализа их специфических черт и характеристик, а также понимания границ переходов между ними.

Сравнивая различные подходы к определению понятия пространства, можно выделить два основных направления:

1. «Ньютоновское», признающее независимое пространство, состоящее из точек, в которых могли в различные моменты времени появляться тела. Его основной характеристикой является то, что пространству предписывается самостоятельность и самодостаточность, полная независимость от тел, вещей и процессов, размещенных внутри него. В рамках такого представления вряд ли можно продолжать исследование пространства, его специфических черт и основ, поскольку само пространство понимается как пустота, а пустота как таковая не включает в себя подпространства, не может быть первоосновой зарождения новых процессов и взаимодействий. Пространство такого рода «равнодушно» к любому содержанию, наполняющему его, и представляет некую универсалию.

2. «Эйнштейновское», представляющее пространство как форму, выражающую определенные способы координации материальных объектов и их состояний. Содержанием этой формы является движущая материя, материальные процессы, и именно особенности и характер последних определяют их основные свойства [1, с. 175]. По сути, пространство образуется взаимоотношением расположенных в нем материальных объектов. Подобное понимание пространства мы можем увидеть еще в трудах Аристотеля, который уделял особое внимание категории неба, которую он понимал как «крайнюю границу всего существующего, последнюю периферию всей цельности и единства, из которых состоит мир» [2]. Под небом понимается

само пространство и все содержание этого пространства, которое находится между верхним небом и нижним, в котором совершаются все небесные явления. Категория пространства так или иначе связана, в первую очередь, с взаиморасположением индивидов по отношению друг к другу, их позициями, статусами, взаимовлиянием. Рассуждая о пространстве, мы понимаем его как сложноорганизованный целостный объект, то есть не просто совокупность взаимодействующих элементов и структур, а системно организованное целое.

Эйнштейн в своих исследованиях делает акцент на шкале измерения пространства, говоря о том, что для описания событий в природе нужно применить не два, а четыре числа. Трехмерное пространство фиксирует статическую картину и положение объекта в ней; что касается четырехмерного континуума, при помощи которого Эйнштейн описывает пространственно-временную составляющую, то «каждой точке в пространственно-временном континууме соответствует пара чисел, одно из которых отмечает временную, а другое — пространственную координату. И наоборот: определенная точка в нашем пространственно-временном континууме соответствует некоторой паре чисел, характеризующей событие» [3]. Данными выводами ученый однозначно отделяет пространство физическое, характеризующееся статикой, от пространственно-временной плоскости, основной особенностью которой является динамика существования и развития.

Физическое пространство — базовый, первичный вид пространства, в определенной степени его первооснова. В данном понимании признается телесность пространства — оно рассматривается с точки зрения субстантивизма. Основным фактором, признающим реальность пространства, является наличие в нем людей, выступающих материальной субстанцией пространства [4]. При этом отношения между людьми внутри пространства не имеют значения для его существования. Пространство играет роль вместительности для материальных объектов, которое в свою очередь упорядочивает их существование. Можно предположить, что с точки зрения социально-политической науки физическое пространство ограничивается институтом государства, который обладает определенными границами, статусом, правилами поведения на его территории.

Физическое пространство характеризуется однородностью и основывается на доминировании устойчивости, порядка и равновесия. Пространство представляет собой замкнутую систему, в которой преобладают линейные соотношения, где малый сигнал на входе вызывает равномерно во всей области определения малый отклик на выходе [5, с. 13]. Физическое пространство предполагает замкнутость развития этой среды, возможность управлять взаимодействиями индивидов и с точностью прогнозировать результаты таких взаимодействий, универсализацию и неизменность законов развития. Индивид здесь полностью поглощен государством, является лишь его внутренним наполнением. Такое видение обозначает господство порядка и стабильности основой для анализа любых научных проблем.

Физическое пространство — поле деятельности государства. Данному типу пространства свойственны внутренние дифференциации и противоречия. Политические отношения внутри такой модели пространства строятся сверху вниз и фактически определяются моделью государственного управления. Недифференцированность физического пространства обусловлена тем, что такая модель пространства полностью упорядочивает и иерархизирует отношения и связи между людьми, лишая их смысла и возможности изменяться. Физическая модель пространства оказывается адекватной в теоретических ситуациях с отсутствием социальных взаимодействий. Субстантивизм, в отличие от реляционного видения пространства, не предполагает наличия социальных практик, реализуемых индивидами.

В данной работе мы не можем сводить проблему пространства к его физической модели, только как к производной государства. В XX веке проблема пространства в силу роста «негосударственного» поля политики приобретает более глубокий и широкий смысл: не только как границы для применения властного воздействия, но и как регулятора множественных отношений и взаимоотношений, складывающихся на данной ограниченной территории. Во многом по этой причине мы говорим о переходе к другому виду пространства — пространству социальному. Переход пространства из одного вида в другой — отдельный вопрос. По сути этот процесс связан с усложнением пространства и степенью его дифференциации. Современные ученые осознанно разводят категории социального и политического пространств с пространством физическим и географическим. Например, П. Сорокин

говорит в большей степени не о пространстве, а о многомерном пространственно-временном континууме, который упорядочивается через «социальные дистанции»: все участники этого континуума рассматриваются через отношение друг к другу по определенным основаниям. Некий субъект или явление принимается за «точку отсчета» [4], через которую определяется положение другого субъекта или явления. Соответственно, в данном случае ученый предлагает рассматривать пространство как некую иерархию участников пространства, упорядоченную присвоенными статусами и вертикальными и горизонтальными отношениями. Такое понимание пространства обосновывает отход от чисто физического восприятия этого феномена к более сложному видению. Справедливо обозначить этот вид категории пространства как социальное пространство. Будем считать социальное пространство вторым видом пространства, рассматриваемым нами. В этом разрезе нужно в первую очередь отметить организующую роль пространства применительно к наполняющим его субъектам. Пространство выступает определенным регулятором множества социальных групп и индивидов, вступающих во взаимодействие. Соответственно социальное пространство с точки зрения своего представления выступает уже не в роли государства (как пространство физическое), а образуется совокупностью позиций, которые занимают субъекты, наполняющие его. Понимание категории позиции является ключевым аспектом в объяснении социального пространства. Данное понятие подробно рассматривается в концепции социального пространства французского ученого П. Бурдьё. Это т.н. «полевая» концепция, в которой пространство рассматривается в нелинейной системе координат. Социальное пространство в общем ученый представляет как «поле сил ... совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем, кто входит в это поле, и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к непосредственным взаимодействиям между ними» [6]. Пространство представляет собой непрерывное взаимодействие акторов, осуществляемое через те позиции, которые эти акторы занимают в пространстве.

Основным носителем социального пространства является социальная группа, объединяющая в себе акторов, занимающих определенные позиции. Социальные группы в пространстве реализуют стратегии — своеобразные системы практик, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью. Соответственно важным

элементом, который еще отсутствует в пространстве физическом, но появляется в социальном пространстве, является взаимодействие между социальными группами и внутри них, которое может осуществляться в разных направлениях: выстраивание сотрудничества, борьба, подчинение, создание коалиций и т.д. Однако главная идея любого такого взаимодействия – накопление капитала, который позволяет социальной группе улучшить свою позицию в пространстве, что является основным бонусом за победу и дает возможность принимать участие во взаимодействиях нового уровня. Понимание проблемы взаимодействия в пространстве приводит к пониманию характеристик того или иного вида пространства и, что немаловажно, предназначения и роли этого пространства. В социальном пространстве мы видим появление категории взаимодействия между субъектами пространства, в результате которого в нем образуются определенные позиции, складываются каналы коммуникации, агенты накапливают капитал и т.д. Социальные взаимодействия и политика используются здесь как средство накопления капитала, улучшения своей позиции в пространстве и, соответственно, достижения господства. Иными словами, взаимодействие в социальном пространстве носит односторонний характер – мы видим в пространстве агентов, а не субъектов. Агент склонен к монополизации отношений, он позиционирует и воспринимает себя самого как субъект, для которого все остальные агенты пространства являются объектами. Социальное пространство в таком случае производно от отношений господства и подчинения, оно, как и физическое пространство, организовано иерархически, сверху вниз и основано на капитале, накапливаемом агентами. П. Бурдьё видит капитал как средство борьбы за изменение положения его обладателя в пространстве: как правило, побеждает «тяжеловес», тот, кто обладает большим капиталом, различными видами капиталов, к которым автор относит экономический, социальный, культурный, символический типы. Капитал не только увеличивает авторитет и власть агента, эффективность политики, которую он реализует, но также создает ресурсы для манипулирования другими агентами, навязывания собственных представлений. В сущности, символический капитал есть капитал политический. Бурдьё напрямую увязывает политику и власть с символической деятельностью и ее результатами в виде накопленного символического капитала.

Основное отличие социального пространства от пространства физического заключается

в образе общества, которое выступает носителем пространства. Если в физическом пространстве общество по сути представляет собой государство – освоенную индивидами географическую территорию – с наличествующей обособленной территорией, на которую распространяется государственная власть и которая полностью определяет структуру и динамику пространства, то, изучая пространство социальное, мы приходим к другому выводу. Прежде чем сделать его, обратимся к концепции американского ученого Т. Парсонса, представляющей, пожалуй, некий синтез обозначенных выше идей в отношении формирования и обеспечения развития социальных и политических систем. В своей концепции «социального действия» он утверждает, что любая социальная (политическая) система строится на взаимодействиях индивидов. Причем сам индивид является не только объектом воздействия со стороны внешнего окружения, но и действующим лицом, обладающим определенными интересами, целями, установками, осуществляющим рациональную деятельность в отношении других индивидов [7, с. 102]. Образ общества в социальном пространстве опосредуется социумом. Если физическое пространство мы можем определить исходя из границ, которые его образуют, социальное пространство кристаллизуется позициями, занимаемыми субъектами в нем.

Усложнение социального пространства должно происходить до какого-то определенного предела, достигнув которого, мы можем увидеть нечто новое. И. Пригожин, обосновавший синергетическую теорию, утверждает, что все системы содержат подсистемы, которые непрерывно флуктуируют. Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций может стать настолько сильной, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент – т.н. точку бифуркации – невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, сложно дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности (превратится в т.н. диссипативную структуру) [5, с. 16]. Таким образом, мы подходим к рассмотрению следующего вида пространства. На этом этапе пространство характеризуется новым импульсом развития, которое в то же время может быть разрушением ранее образованных взаимодействий и структур. Это место разрыва и сборки новых связей, что в результате становится базой для

зарождения новых явлений, категорий, взаимодействий и процессов. Принимая во внимание положения синергетической теории, мы можем интерпретировать этот новый вид пространства через призму неустойчивости, изменчивости и нелинейности. Это новое образование, в котором подвергается изменению сложившаяся иерархическая структура социальных взаимодействий, изменяются статусы социальных групп, закрепленные в пространстве, теряется идентификация акторов с определенными социальными группами, к которым они принадлежат и интересы которых отстаивают. Проведя аналогию с уже существующими научными концепциями, можно увидеть сходство такого представления с позицией английского ученого Т. Гоббса, изложенной в его работах, посвященных устройству общества и государства. Ученый говорит о естественном состоянии человека, в котором все люди равны, так как «природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей» [8, с. 93]. Иными словами, на начальном этапе все люди имеют равные способности и, как следствие, равные права претендовать на те или иные блага вокруг них. В рассматриваемом нами типе пространства его носителем выступает уже не социальная группа, а отдельный индивид, отстаивающий свои личные интересы и руководствующийся собственными мотивами. В данной работе предлагается понимать такой вид пространства как пространство политическое, именно оно будет интересовать нас в большей степени.

Специфика окружающего мира сегодня характеризуется быстро изменяющимися условиями деятельности, высокой социальной мобильностью, нестабильностью социально-экономических и политических факторов. Полностью контролировать окружающий мир, социальные и политические процессы невозможно. Уникальные события и флуктуации, способствующие этим событиям, могут иметь место только в неравновесной системе [9, с. 50]. Иными словами, политическое пространство открыто и многослойно, и даже «очень слабые возмущения, или флуктуации, могут усиливаться до гигантских волн, разрушающих сложившуюся структуру, а это проливает свет на всевозможные процессы качественного или резкого (не постепенного, не эволюционного) изменения» [5, с. 17]. Рассматривая категорию социального пространства, мы отмечали, что образ общества в нем опосредуется социумом как таковым. В отношении пространства политического под его родовой сущностью мы будем понимать категорию культуры. Культура является внешней

средой по отношению к пространству, которое, если руководствоваться синергетической методологией, оказывается в некоем «переходном» состоянии: с нарастанием нестабильности усиливается дифференциация социального пространства, происходит определенный разрыв детерминированных до этого момента целей. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда в развитии, заданном сверху вниз, наступает определенный пробел. Этот пробел должна заполнить качественно новая система, определяемая другим типом взаимодействий.

Культура как целое, являющееся внешней средой по отношению к вновь создаваемому пространству, наполняет его определенным содержанием, которое в итоге играет немаловажную роль в развитии самого целого. Важным элементом для целей данной работы является понимание того, как конструируется и развивается система, за счет чего поддерживаются ее связи с культурой. В раскрытии этих вопросов полезно обратиться к концепции В. Н. Южакова, анализирующего становление системы через развитие целого. Системный подход предполагает понимание самой системы с точки зрения целостности, специфическим образом расчлененной [10, с. 82–90]. Понять предназначение политического пространства в культуре возможно, когда мы анализируем целостную связанность всех этих составляющих. В. Южаков говорит о том, что «система возникает всегда не из множества взаимодействующих элементов, а из целого» [11], соответственно именно целое является первоисточником некоего системообразующего фактора, который и задает вектор создания и дальнейшего развития конкретной системы. Система конструируется целым путем частичного расчленения целого для определенной «миссии». Для этого из целого выделяются специальные элементы, формируются особые отношения, конструируется структура, обеспечивающая реализацию этой миссии. Таким образом, политическое пространство отлично как от самой культуры, так и от ее частей. Оно функционально специализировано и определено, а также наделено теми элементами, отношениями, взаимодействиями, структурой, которые необходимы для реализации определенных «проявлений» культуры. «Неаддитивные» свойства системы, о которых говорит В. Южаков, не присущи частям целого, они выделяются целым для реализации системой отдельных его функций. Важнейшее преимущество системного подхода заключается в том, что на его основе осуществляется подбор условий осуществления функции или свой-

ства целого системой и, как следствие, подбор необходимых для этого составляющих. Важно отметить, что появление системы происходит в результате взаимодействия целого с окружающей средой, причем это взаимодействие должно привести не просто к изменению частей целого, а к изменению целостных свойств и функций (неаддитивных), которые в дальнейшем и станут основой новой системы. Принимая во внимание уже отмеченный ранее тезис о том, что исходным пунктом развития системы является зарождение системообразующего фактора, можно утверждать, что данный системообразующий фактор в исходном состоянии – «изменение взаимодействия целого со средой» [11, с. 33]. Другими словами, системообразующий фактор обеспечивает взаимодействие элементов целого и зарождающейся системы, точнее, решающие изменения в этом взаимодействии.

Отношения, формирующие политическое пространство, связаны с взаимобратной деятельностью и носят интерактивный характер. Соответственно в политическом пространстве происходят не просто взаимодействия, а интеракции, при которых субъект, совершающий некое действие, предчувствует ответную реакцию и с учетом этого ожидания корректирует свою деятельность. Интерактивные процессы подробно исследовал Д. Г. Мид, рассматривавший социальное взаимодействие не только как процесс, происходящий между индивидами, но и как процесс внутрличностный. По мысли ученого, индивид находится во взаимных отношениях не только с окружающей средой, но и постоянно взаимодействует с самим собой. В результате того, что «индивид может слышать то, что он говорит и, слыша это, стремится

откликнуться так же, как откликается другой» [12, с. 218], он начинает относиться к себе так, как относятся к нему другие, т.е. становится объектом воздействия для самого себя.

Системообразующий фактор позволяет новым элементам, возникающим в ходе процесса развития, интегрироваться в систему, сохранять целостность политического пространства как такового. Как было отмечено ранее, системообразующий фактор включает в себя бытие будущих вещей в настоящем. Такая проекция будущего дает возможность форматировать новые элементы, появляющиеся в процессе эволюции системы. Причем необходимо говорить не только о взаимодействии элементов внутри самой системы, но и об отношениях элементов системы и целого. Логично предположить, что и внутренние, и внешние взаимодействия приводят к определенным изменениям системы политического пространства. Политическое пространство несет в себе возможности для развития, а культура выступает одновременно фильтром и наполнителем этих возможностей, поскольку содержит в себе условия развития системы. Взаимодействие целого и системы предстает как внешнее оформление системы при помощи специального инструмента – системообразующего фактора. Системная целостность политического пространства обеспечивает его саморегулируемость и устойчивость, сохранение целостности вне зависимости от внутренних и внешних воздействий. В итоге в постоянный динамический процесс развития и формирования политического пространства вовлекаются все новые изменения развивающегося объекта, обеспечивается преемственность форм целостности на всех этапах развития [11].

1. Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1980. – 675 с.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Том III. – М.: Искусство, 1974. – 383 с.
3. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Поле и относительность. [Электронный ресурс]. – URL: <http://alexandr4784.narod.ru/historyei.htm> (дата обращения: 31.01.2011).
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992 // Библиотека российского гуманитарного интернет-университета [Электронный ресурс]. – URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/sorokin_chelovek/default.aspx (дата обращения: 31.01.2011).
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986. – 432 с.
6. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов». Социология политики / пер. с фр. Е. Д. Вознесенская. Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1998 // Социологическое пространство Пьера Бурдьё [Электронный ресурс]. – URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-genezis-klassov> (дата обращения: 31.01.2011).
7. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 94–121.
8. Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. / под общ. ред. В. В. Соколова / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989–1991. – 735 с.
9. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57.
10. Садовский В. Н. Основания общей теории системы. М., 1974. – 279 с.
11. Южаков В. Н. Система, целое, развитие. Саратов: Изд-во СГУ, 1981. – 412 с.
12. Мид Д. Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 215–223.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 327

Р. С. МУХАМЕТОВ

Отношения с Евросоюзом занимают в системе внешних связей Российской Федерации особое место. Европейский союз является крупнейшим внешнеэкономическим партнером России, на государства объединенной Европы приходится значительная часть всех гуманитарных и человеческих контактов граждан РФ за рубежом. Однако на фоне обширной программы сотрудничества углубляются принципиальные расхождения сторон в политической сфере. Отношения России и ЕС, несмотря на ритуальные фразы о стратегическом партнерстве, систематически повторяемые в Москве и Брюсселе, до сих пор не удалось вывести на уровень бесконфликтного сотрудничества. На практике за красивыми лозунгами подчас скрывается жесткая конкуренция по конкретным политическим вопросам.

Одной из наиболее конфликтных тем в политическом и гуманитарном плане в отношениях по линии Москва–Брюссель является неурегулированность вопросов, связанных с положением русскоязычного населения в государствах-членах ЕС. Основная проблема, с которой сталкиваются российские соотечественники, сводится к отсутствию у них гражданства. Так, на сегодняшний день статус «негражданина» имеют около 360 тысяч жителей Латвии (16% населения), из них 67% – этнические русские [11]. По мнению Евросоюза, Россия часто использует проблемы русскоязычных граждан ЕС, чтобы пресечь критику в области прав человека в свой адрес. Критика Европейского союза российскими властями является лишь инструментом переключения внимания с ситуации с правами человека в самой России [7].

Москва неоднократно высказывала возмущение проведением в государствах-членах Евросоюза шествий бывших членов фашистской организации «Ваффен СС», чьи преступления осуждены Нюрнбергским трибуналом. Так, в Риге шествие бывших эсэсовцев ежегодно проходят 16 марта, в день создания латвийского легиона. Мероприятия ветеранов «Ваффен СС» проходят и в Эстонии.

Одним из главных источников проблем и противоречий в развитии отношений

Россия–ЕС в настоящее время и на ближайшую перспективу можно считать соперничеством России и Евросоюза на постсоветском пространстве. Россия традиционно считает его сферой своих жизненных интересов и потому очень ревниво относится к действиям других глобальных игроков, в первую очередь ЕС, развивать сотрудничество с государствами региона, вовлекать их в собственную зону влияния.

Различия между Россией и ЕС в области политики по отношению к ННГ обозначились в 2003 году в связи с приднестровским конфликтом. Москва подготовила и предложила собственный план урегулирования замороженного с 1992 г. конфликта в Приднестровье («Меморандум Козака»). Согласно российскому плану, Молдавия должна была стать федеративным государством, а ПМР и Гагаузия получить статус субъектов федерации с правом сепарации в случае присоединения Молдовы к Румынии. Молдавия обязывалась соблюдать нейтралитет и демобилизовать армию, предоставить России право на размещение российских войск на территории Приднестровья до 2020 года [8]. Буквально в последний момент, под давлением ОБСЕ, ЕС и США, президент Молдавии В. Воронин отказался от подписания соглашения.

В России сложилась уверенность в том, что «революция роз» в Грузии и украинская «оранжевая революция» явились следствием западного заговора против России, целью которого была попытка вырвать эти страны из-под российского влияния и вытеснить ее с постсоветского пространства. Как пишет Ю. М. Шарков, «государства, в которых одержали верх “цветные революции”, проводят откровенно проамериканский курс, стремятся вступить в НАТО и европейские структуры и связать свое будущее с западным миром» [13, с. 137].

Еще одним яблоком раздора послужила напористо продвигаемая отдельными государствами-членами ЕС (Польша, Швеция и страны Балтии) программа «Восточное партнерство», старт которой дан 7 мая 2009 года в Праге. «Восточное партнерство» трактуется Москвой как стремление Евросоюза навязать

государствам, традиционно входящим в российский сферу влияния, путь развития, отвечающий интересам Брюсселя, отождествляется с попыткой создать новый или восстановить старый «санитарный кордон» вокруг России непосредственно по периметру её границ.

Задачи, которые ставит перед собой Запад на постсоветском пространстве, сводятся к следующим:

- максимальный политический, экономический и военный отрыв бывших советских республик от России и создание вокруг нее «санитарного кордона» из ориентированных на Запад государств;

- установление прозападного курса в политике государств СНГ (например, В. Ющенко на Украине, М. Саакашвили в Грузии) и их настойчивое стремление вступить в НАТО (в начале января 2008 года президент Украины Виктор Ющенко, премьер-министр Юлия Тимошенко и спикер Верховной Рады Арсений Яценюк направили генсеку Североатлантического альянса Яапу де Хоопу Схефферу письмо с просьбой о включении страны в План действий по членству в НАТО);

- установление контроля над углеводородами государств ближнего зарубежья и их транспортировкой;

- ослабление международных организаций, в которых ключевую роль играет Россия (ОДКБ, ЕврАзЭС) и повышение значения региональных структур без участия России (ГУАМ).

ЕС и США принимают активные усилия по формированию параллельной СНГ организации, способной конкурировать с ней в политической и экономической областях. Речь идет об Организации за демократию и экономическое развитие — ГУАМ. В качестве одной из приоритетных задач является активизация «усилий, направленных на реализацию совместных программ... по транспортировке энергоресурсов Каспийского региона на европейский энергетический рынок с использованием территорий государств-участников Объединения» [6]. В рамках объединения подготовлен энергетический проект, направленный на обеспечение независимости участников от российских поставок энергоносителей. Это газопровод «Белый поток». «White Stream» — это идея украинской стороны по диверсификации поставок природного газа в Европу и Украину и снижению зависимости от России. Согласно концепции разработчиков, данный газопровод должен пройти параллельно Евразийскому нефтетранспортному коридору, т.е. из

Азербайджана в грузинский порт Супса, затем по дну Черного моря на Украину и оттуда в ЕС, минуя Россию [2].

В рамках ГУАМ также сформирована задача лишить Россию доминирующей роли в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве путем привлечения новых игроков в лице США и ЕС, а также замены российских миротворцев. В частности, в Декларации глав государств ГУАМ по вопросу урегулирования конфликтов подчеркивается «важность демилитаризации конфликтных зон и обеспечения безопасности... с помощью размещаемых там многонациональных миротворческих сил под эгидой ООН или ОБСЕ» [12]. В свою очередь, Кишиневская Декларация глав государств ГУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» призывает «все государства ОБСЕ приложить максимум усилий для исполнения Россией принятых обязательств о полном выводе российских войск и вооружений из Республики Молдова и Грузии» [6].

Евросоюз развивает планы по диверсификации поставок энергоносителей, строительству транспортной и трубопроводной структуры в обход России. В частности, Брюссель поддерживает реализацию «Южного газового коридора», который состоит из трех звеньев: Транскаспийский газопровод (данный проект предусматривает доставку природного газа из Казахстана и Туркменистана в Азербайджан), Баку–Тбилиси–Эрзерум (из Азербайджана через Грузию в Турцию) и Nabucco (с турецкой территории через Болгарию, Румынию, Венгрию в Австрию). Вторым проектом ЕС является «Евразийский нефтетранспортный коридор», который предусматривает транспортировку «черного золота» из Азербайджана через Грузию по трубопроводу Баку–Супса, затем танкерами в Одессу и далее в Польшу по нефтепроводу Одесса–Броды.

С геополитической точки зрения создание транспортного коридора в направлении с востока на запад, минуя Россию, по замыслу Брюсселя, позволит:

- диверсифицировать маршруты поставок энергоносителей в целях ослабления зависимости стран ЕС от России и обеспечить таким образом энергетическую безопасность;

- демонтировать транспортную систему бывшего СССР, во многом проходящую по территории России и обеспечивающую стратегический контроль над экспортом центральноазиатских энергоресурсов;

- открыть ЕС путь к сотрудничеству со странами, стремящимися к созданию независимых от России маршрутов транспортировки энергоносителей;

- установить контроль над углеводородными запасами региона и не допустить, чтобы эти ресурсы попали в распоряжение России;

- за счет контроля над энергоресурсами обеспечить установление политического контроля Евросоюза над странами региона;

- установить и закрепить геополитический плюрализм, независимость (от России) новых независимых государств.

Осуществление Брюсселем двух выше-названных проектов является комплексным вызовом для национальных интересов РФ на европейском направлении и в состоянии ощутимым образом сказаться на российской внешнеполитической и внешнеэкономической активности.

Во-первых, реализация проектов ставит под угрозу текущий уровень экспорта энергоресурсов из России в страны-члены ЕС, что может негативно повлиять на доходные статьи российского бюджета. Создание условий для диверсификации европейского импорта неминимум приведет к уменьшению спроса на газ из России, что ограничит экспортные поступления «Газпрома» и соответствующим образом отразится на стабильности национальной экономики.

Во-вторых, уменьшение содержательной составляющей энергетического диалога между Москвой и Брюсселем ограничит возможности Кремля по воздействию на политическую позицию Евросоюза, который и без того часто действует вопреки российским национальным интересам.

Таким образом, территория общего соседства во многом является предметом стратегического и политического соперничества между Россией и ЕС.

Россия скептически относится к расширению ЕС на восток, хотя и не возражает против него официально, как это она делает в отношении расширения НАТО за счет бывших советских республик. Представительство в европейских институтах стран Балтии и некоторых стран ЦВЕ отрицательным образом сказывается на политике ЕС в отношении России. Москва обеспокоена тем, что антироссийские настроения в Евросоюзе оказывают тормоз инициативам по развитию сотрудничества с Россией. В качестве примера можно привести ситуацию вокруг переговоров по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (СПС)

между Россией и ЕС. Первоначальный десятилетний срок действия СПС истек 1 декабря 2007 года. Переговоры по заключению нового соглашения должны были начаться в ноябре 2006 года на очередном саммите ЕС–Россия, однако Польша наложила вето на мандат Европейской комиссии на ведение переговоров, требуя от России снять эмбарго на поставки польского мяса. Когда Москва и Варшава урегулировали проблемы с экспортом в Россию польской сельхозпродукции в декабре 2007 года, мандат на переговоры по документу отказалась дать Литва. Вильнюс потребовал от Евросоюза учесть, в частности, вопросы о возобновлении поставок по нефтепроводу «Дружба», об оплате ущерба депортированным из стран Балтии, об урегулировании «замороженных» конфликтов в Молдавии и Грузии. Только 26 мая 2008 года Совет министров иностранных дел ЕС без обсуждения утвердил мандат на переговоры о новом базовом соглашении между Москвой и Брюсселем. 27 июня 2008 года на саммите РФ – ЕС в Ханты-Мансийске Россия и Евросоюз официально объявили о начале переговоров по новому соглашению [1].

В России усиливается чувство разочарования или даже раздражения относительно диалога по линии Москва–Брюссель, т.к. сужается содержательная часть принимаемых на двусторонних саммитах документов. Российская сторона заинтересована в прогрессе по трем наиболее «чувствительным» для себя темам – подписание нового договора о европейской безопасности, нового СПС и облегчение (отмена) визового режима между РФ и ЕС. Главной причиной сохранения такой бессодержательности контактов по линии Москва–Брюссель является хроническая незаинтересованность Евросоюза в развитии сотрудничества с Россией в сфере политики. В Брюсселе доминирует подход, при котором Москва рассматривается как рынок сбыта и источник энергоресурсов. В этом контексте Россия обладает для единой Европы необходимым статусом и весом. Однако за пределами этого направления сотрудничества степень заинтересованности в партнерстве с Кремлем незначительна. В политическом измерении Москва рассматривается Брюсселем как крупный, но в то же время бесполезный или даже опасный контрагент. Единая Европа видит в России если не угрозу, то на 100% неправого союзника. ЕС готов пока лишь к декларативному партнерству с Россией. Речь идет о такой форме взаимодействия, в которой

достаточно беспредметной политической риторике отводится роль наиболее знаковой составляющей двусторонних контактов. При этом практические компоненты отношений развиваются в достаточно сдержанном режиме. Политика «затягивания» выгодна Европейскому союзу. Проблема виз и тема СПС – инструменты давления на РФ, т.е. пока будут продолжаться «неторопливые» переговоры, Брюссель сможет воздействовать на политическую позицию Москвы. Для европейских чиновников принятие конкретных решений станет возможным только тогда, когда Россия откажется от жесткой линии в проведении своей энергетической дипломатии и признает возможным планы по диверсификации поставок энергоносителей, строительству трубопроводной инфраструктуры в обход ее территории. Речь идет о прокладке газопровода Nabucco. Это проектируемый магистральный трубопровод проектной мощностью 30 млрд. кубических метров газа в год. Ориентировочная стоимость проекта составляет 7,9 млрд. евро. Строительство газопровода планируется начать в 2011 году и завершить в 2014 году. Магистраль станет продолжением уже построенного газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум [10].

Таким образом, игнорирование Брюсселем вышеназванных тем свидетельствует в пользу того, что Евросоюз намерен исходить в диалоге с Кремлем с позиции исключительно собственных интересов.

Ещё одной значительной проблемой, которая отравляет российско-европейские отношения, является тема нарушения прав человека и гражданских свобод, а также движение России по пути свертывания демократии, которые занимают не последнее место в диалоге и сотрудничестве ЕС и РФ. В ходе официальных и неофициальных встреч Евросоюз заявляет о своей озабоченности в связи с систематическими нарушениями прав человека в России. В качестве примеров приводят обычно преследование иностранцев, убийства чернокожих студентов скинхедами. Особое беспокойство в ЕС вызывает сложная ситуация с правами человека в республиках Северного Кавказа.

Такое внимание к правовой тематике со стороны Брюсселя вполне объяснимо: так как права человека являются важнейшей ценностью Европейского союза, он постоянно включает условия, связанные с этой темой, во все соглашения, заключаемые с не входящими в Евросоюз странами. Что касается России, то это нашло отражение в концепции

четырёх Общих пространств и Общего пространства свободы, безопасности и правосудия в частности. Поэтому соблюдение прав и свобод человека, по мнению Брюсселя, не является внутренним делом какого-либо государства, и ссылки на национальный суверенитет в вопросах соблюдения международно-правовых обязательств ни для кого не могут считаться обоснованными. Следовательно, у ЕС есть все основания включать данную тему в круг вопросов двусторонних отношений, наряду с вопросами экономики и безопасности.

С ноября 2004 года ЕС и Россия проводят регулярные консультации по вопросам прав человека один раз в шесть месяцев. Евросоюз также участвует в многочисленных проектах, связанных с правами человека в России. К примеру, он направляет наблюдателей на определенные судебные процессы, организует конференции и семинары. Он контролирует соблюдение прав человека и проводит мониторинг условий работы правозащитных организаций. Российские организации по защите прав человека получают поддержку в рамках Европейского инструмента содействия демократии и правам человека [4].

Во многих европейских странах усиливается беспокойство, что Россия использует свои углеводороды как политическое оружие и относится к своим независимым соседям как к прежней сфере влияния. В Евросоюзе считают, что авторитарная Россия может использовать свой контроль над значительной долей европейского импорта энергоносителей в качестве рычага давления и шантажа, угрожая «перекрыть вентиль». В подтверждение того, что подобные опасения небезосновательны, обычно приводят пример взаимоотношений России со странами СНГ, поскольку считается, что Россия не раз прибегала к сокращению поставок энергоносителей, чтобы подавить и ограничить политическую и экономическую самостоятельность своих соседей, а также, чтобы изменить их прозападную ориентацию [9, с. 19–20]. Подобная точка зрения опирается и на действия России в отношении запретов грузинского вина и минеральной воды.

Сохранение российского воинского контингента в Приднестровье является сложным аспектом переговоров между Брюсселем и Москвой. Россия взяла на себя обязательства в 1999 году на Стамбульском саммите ОБСЕ до окончания 2001 года вывести всю боевую технику бывшей 14-й армии с территории Молдовы.

Москва выполнила это обязательство полностью. В Приднестровье остался весьма ограниченный контингент (оперативная группа российских войск), основными задачами которого являются участие в миротворческой операции и охрана складов с боеприпасами. Все остальное, в том числе и военная техника, было либо вывезено на территорию Российской Федерации, либо уничтожено на месте. Однако это не мешает Брюсселю постоянно требовать от России выполнения взятых на себя в Стамбуле обязательств.

Вмешательства России во внутригрузинские конфликты (Абхазия и Южная Осетия) также вызывают напряженность во взаимоотношениях России и ЕС. Брюссель дал резко отрицательную оценку роли России в событиях августа 2008 года на Кавказе. Во-первых, ЕС считает непропорциональными ответные действия России на вторжение Грузии в Южную Осетию. Во-вторых, Брюссель призывает к немедленному выводу российских вооруженных сил из Грузии на позиции, которые они занимали до начала конфликта [3].

В-третьих, Евросоюз заявил не только о своем жестком осуждении одностороннего решения России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, но и более того, призвал другие государства не признавать эту провозглашенную независимость. Позицию против признания независимости Абхазии и Южной Осетии Брюссель обосновал своей приверженностью «принципам независимости, суверенитета и территориальной целостности, которые признаны международным правом, Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и резолюциями СБ ООН» [5].

Разумеется, как и у любых партнеров, у России и Евросоюза возникают разногласия и противоречия по разным политическим вопросам. Это объективная реальность. Было бы наивно рассчитывать на то, что российско-европейские отношения будут беспроблемными. Главное, чтобы стороны были заинтересованы в их преодолении и стремились, чтобы они не служили препятствием для сотрудничества там, где их интересы совпадают.

1. Базовое соглашение между Россией и Европейским союзом. Справка от 03.04.2009 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 27.09.2010).
2. Белый поток. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 22.02.2010).
3. Европарламент призвал РФ к немедленному выводу войск из Грузии [Электронный ресурс]. – URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 27.09.2010).
4. Европейский Союз и права человека в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://ec.europa.eu> (дата обращения: 27.09.2010).
5. Заявление Североатлантического совета по поводу официального признания Россией Южной Осетии и Абхазии, регионов Грузии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nato.int> (дата обращения: 27.09.2010).
6. Кишиневская Декларация глав государств ГУУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» от 22 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://guam-organization.org> (дата обращения: 27.09.2010).
7. Контти М. ЕС: страхи и ожидания от России // Европа и Россия: искренние друзья или запуганные соседи? Обзор Центра ЕС-Россия. Вып. 13. 2009 [Электронный ресурс]. – URL: <http://eu-russiacentre.ru> (дата обращения: 27.09.2010).
8. «Меморандум Козака»: Российский план объединения Молдовы и Приднестровья [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.regnum.ru> (дата обращения: 27.09.2010).
9. Монаган, Э. Дилемма энергетической безопасности [Текст] / Э. Монаган // Pro et Contra. – 2006. – № 2–3.
10. Проект газопровода «Набукко». Справка от 13.07.2009 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 27.09.2010).
11. Российские соотечественники в странах СНГ и Балтии. Справка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 03.08.2010).
12. Совместная Декларация глав государств Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ по вопросу урегулирования конфликтов от 23 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://guamorganization.org> (дата обращения: 27.09.2010).
13. Шарков, Ю. М. Разные одинаковые «цветные революции» [Текст] / Ю. М. Шарков // Международная жизнь. – 2008. – № 5.

СЕТЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПОТЕНЦИАЛ ВЛИЯНИЯ

УДК 316.28

А. А. ХРЫКИН

Предметом данной статьи являются сетевые политические коммуникации. На данный момент это понятие не имеет четких и устоявшихся определений и является областью интересов политологии и социологии. Нами проанализированы новые сетевые формы политических коммуникаций, их принципиальные отличия от сложившихся форм политического общения, сделаны выводы относительно трансформационного потенциала сетевых коммуникаций для политической сферы.

Под политическими коммуникациями подразумеваются любые массовые коммуникации, где массовый коммуникативный акт или взаимная обратная связь обладают политическим потенциалом как на индивидуальном, так и на групповом уровне. И сетевые политические коммуникации во многом являются ключом к пониманию будущего политических коммуникации и политической реальности. В общем виде политическую коммуникацию можно определить как «смысловой аспект взаимодействия политических акторов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса ... политическая коммуникация как особый, частный случай коммуникации, представляющий собой информационное воздействие политических акторов друг на друга и окружающую социальную среду (общество) по поводу власти, властно-управленческих отношений в обществе, является атрибутом, неотъемлемым свойством политической деятельности, без которого последняя не может ни существовать, ни мыслиться» [6].

Определение подобного рода можно считать в некотором смысле классическим, так как оно четко и логично ограничивает область политических коммуникаций и дает представление об их существенных признаках и атрибутивности. С точки зрения логики это верное разделение, однако на опытном уровне нет общезначимых критериев для разделения политических и социальных коммуникаций.

Понятие «сетевые политические коммуникации» не имеет устоявшихся определений, так как изменения в информационной и технологической составляющей общественной жизни за последние несколько десятилетий привели

к полному изменению коммуникативной картины мира. Развитие доступа к сети Интернет, появление электронной коммерции, формирование социальных сетей сделали возможным неограниченное общение между людьми. Возможности хранения и передачи звука, медиа, фильмов и текстов позволяют конструировать целые миры. Естественно, что подобные изменения не могли не повлиять на политическую сферу жизни общества, на политические коммуникации и саму политику.

Первыми массовыми сетями были телефонные и электрические сети, которые появились еще в 19 веке и в дальнейшем охватили весь мир. Именно на их фундаменте стоят все последующие информационно-коммуникативные комплексы. В 1960-е годы появились первые компьютерные сети, в 1970-е был создан первый персональный компьютер, доступный обычным потребителям, в 1980–1990-е массовое распространение получил Интернет и сервисы электронной почты. В 2000-е годы технологии дали возможность внедрения мобильной связи и беспроводной передачи данных. Возникло технологическое основание для формирования виртуального информационного пространства, в котором привычные способы политических коммуникаций теряют свою эффективность.

В сравнении с привычными политическими коммуникациями их сетевое продолжение приобретает иные качественные характеристики, которые позволяют говорить об этом понятии как о специфическом и имеющем свое отдельное место среди политических концептов. Сетевые политические коммуникации основаны на теоретическом осмыслении возникающего сетевого общества, сетевого капитализма как его экономического ядра и текста как формы сетевых коммуникаций. Сетевые коммуникации отличаются от обычных своей полимагистральностью [9], а также повторяемой структурой. Эти отличия выходят за рамки классических, центральных и одноканальных моделей коммуникаций.

Модель сетевого капитализма позволяет выделить основные следствия развития сетевого общества, в котором реализуется экономическая активность участников хозяйственной жизни. Если М. Кастельс акцентировал эффект глобализации экономического мира и финансовых институтов [7] на усилении роли

глобальных финансовых институтов, то, например, А. Олейник рассматривает сети с позиций возможности для развития доверительной локализации экономики.

Основным следствием перехода к сетевому капитализму можно считать локализацию экономических связей между участниками рынка. Это позволяет сформировать отношения доверия, безопасности и стабильности между игроками на рынке и компенсировать политическую и правовую нестабильность внешней среды. Сетевая экономика есть результат процессов взаимной стабилизации транснациональных экономических связей, которые в прежние периоды подвергались различному нормативному регулированию в разных государствах. Сети оказываются мостом между разделенными в правовом и географическом пространстве игроками и будущим единым глобальным экономическим миром с унифицированными нормами. [11]

Текст как форма сетевых коммуникаций наряду с теориями сетевого капитализма является важнейшей частью фундамента сетевых политических коммуникаций. Информационная структура сетевых коммуникаций основана на тотальном присутствии текста. Из текста состоит вся информация, а также языки программирования и протоколы обмена данными. Аудиальная и визуальная информация при передаче в сети становится особого вида текстом, кодируется и декодируется, сжимается или преобразуется. Сетевой текст — это гипертекст с неограниченным числом переходов одних текстов в другие, он более связный и полный. Сетевой текст — это поток, который часто не может обладать конкретным авторством, так как верифицировать автора невозможно. В итоге сети своей структурой втягивают участников во взаимное порождение информации и ее коллективное распространение [4].

Таким образом, сетевые коммуникации обладают коренными отличиями от классических схем коммуникаций, а также базируются на ином социальном, технологическом и экономическом фундаменте, который позволяет им обладать уникальными характеристиками, недоступными прежде. Сетевые коммуникации являются полимагистральными и ячеистыми по структуре. Это дает преимущество при сохранении информации. Сетевые коммуникации представляют собой модельную структуру сетевого общества и одновременно оказываются его передающей частью.

Сегодня происходит процесс сетевизации политических коммуникаций, когда старые формы остаются достаточно эффективными, например, печатные и телевизионные СМИ,

и при этом они дополняются сетевыми ресурсами, интернет-сайтами, блогами и группами в социальных сетях. И пока не произойдет полного перехода к сетевой политике, мы будем иметь дело с процессами сетевизации устойчивых политических каналов информации и влияния.

Сетевизация сложившихся форм коммуникаций привела к доминированию горизонтальных векторов во взаимодействии между людьми и естественным образом перенесла большинство обсуждаемых политических проблем на несколько горизонтальных уровней. Устойчивая вертикальная институциональная интеграция современных политических систем стала терять свой статус базальтернативной и наиболее эффективной системы регуляции политических отношений. Появление горизонтально интегрированных систем коммуникации на первом мультилокальном этапе развития породило ожидания, связанные с ростом низовой политической активности. Д. Нейсбит в своей работе «Мегатренды» в начале 1980-х предсказал растущее влияние социальных и профессиональных сетей на принятие политических решений [10, с. 281]. Однако следующий глобальный этап развития сетевых коммуникаций дал возможность выстраивания новых горизонтальных сообществ вне государственных и экономических границ. Поэтому можно говорить о появлении виртуального в онтологическом режиме и сетевого в топологическом режиме политического пространства. Новое политическое пространство, сконструированное сетями и виртуальными оболочками, вместило в себя иные формы политической активности и дало политическим свободам новые возможности реализации.

Отсюда можно прийти к пониманию неизбежности сетевизации политических коммуникаций, а, возможно, и к тому, что сетевые формы политических коммуникаций смогут стать институциональной формой политической власти. Развитие представлений о растущем влиянии сетей можно обнаружить у М. Кастельса в контексте постиндустриального будущего, а затем и у Р. Берта в рамках социологического моделирования организационных структур. Но наиболее близкой к политической реальности оказалась концепция нетократии А. Барда и Я. Зодерквиста [5, с. 35], в которой полностью переосмыслилась модель дистрибуции власти в связи с наступлением сетевой эры развития. Однако уже здесь можно увидеть коренные противоречия в интерпретации сетевой модели. Нетократия предполагает, что, несмотря на предельную доступность информации и скорость ее обращения, выгоду

будет приносить закрытость, некоммуницируемость, некоторая элитарность. Именно эксклюзивность разделит логику капитализма и логику нетократии. Рациональность в данном постулате действительно присутствует, и необходимо принять во внимание полемику вокруг прав собственности на информационные продукты. Странники ограничений прав на информационные и программные продукты ссылаются на известное сравнение моделей экономического обмена. Если один субъект отдал яблоко другому, то осталось всего одно яблоко, но у другого субъекта. Если же один субъект дал информацию другому, то информации стало в два раза больше. Этот пример ясно указывает на исчерпанность ресурсов традиционной экономики капитала в сравнении с моделями экономики знания.

С другой стороны, Р. Берг указывает на то, что нахождение в точке, где пересекаются наибольшие потоки информации, дает больше преимуществ, а позиция сетевого брокера [1] открывает самые большие возможности для влияния на мнение окружающих людей и на восприятие инноваций. Его модель основывается на максимизации контактов и коммуникаций как основы эффективности коммуникаций и находится в противоречии с эксклюзивностью нетократической модели сети. Принцип сетевого индивидуализма, впервые сформулированный М. Кастельсом в коммуникативном горизонте, выглядит как неизбежный барьер между участниками коммуникации, обусловленный более высоким уровнем автономности субъекта в принятиях решений и выборе сообществ для взаимодействия. Таким образом, между большими социальными образованиями и сознанием субъекта возникает еще одна граница, разделяющая автономную сферу субъекта и внешнее социальное и коммуникативное пространство.

Из указанных выше подходов к сетевым политическим коммуникациям не следует каких-либо непротиворечивых выводов. Эксклюзивность будет конфликтовать с открытостью, а сетевой индивидуализм будет находиться между этими позициями. Для нас важно понять, каким образом сетевые структуры функционируют и каким образом они будут выстраивать властные иерархии между участниками сети. В ином случае сетевизация останется лишь методологическим приемом и, возможно, прикладной теорией коммуникаций.

Также необходимо указать, что понятие сети, исключая их технологическое толкование, используется в двух направлениях – как аналитический инструмент и как форма управления [12]. И необходимо признать, что мы до сих

пор не имеем теории, которая смогла бы правдоподобно описать, каким образом сети изменят социальную структуру и поведение людей на микро- и макроуровне. У нас нет инструментальных и теоретических средств для анализа новой социальной и политической реальности в контексте перехода к сетевому режиму организации экономики, менеджмента, трудовой деятельности и, самое главное, нет понимания того, как изменится само понятие политического в новой сетевой реальности.

В контексте сетевых коммуникаций это дает возможность указать на автономное поле для изучения феноменов социального мира средствами дискурсивного, нормативного и коммуникативного анализа. В качестве примера можно сравнить социальные интернет-сети и блоги как два уникальных сетевых феномена. Социальные сети обладают определенным набором образующих элементов: участники как субъекты действия, участники как носители информации для других субъектов, участники как активные субъекты, авторизация сети, набор уровней доступа, каналы обмена внутри сети. Блоги отличаются от социальных сетей тем, что имеют функциональную ориентацию на самопрезентацию, на активность субъекта, но при этом дают возможность автономности, что для социальных сетей является самым негативным качеством участников. Блог включает в себя платформу для информации, авторизацию. Набор уровней доступа, фильтрующие механизмы отбора участников. Несмотря на принципиальные различия блогов и социальных сетей, социальные сети могут включать в себя блоги как элемент, однако исторически сложилась ситуация, когда блоги опередили социальные сети и существуют в качестве отдельных сервисов.

Специфика сетевой коммуникации заключается в том, что она всегда уже включает определенный протокол обмена данными и правила организации коммуникации. Речевая коммуникация отличается от сетевой единством времени коммуникации. Речь или диалогическое общение в этом контексте противостоит тексту в сетевой форме. Кроме того, участники сети, которые вступают в коммуникацию, могут высказывать только субъективные суждения о мире, при этом, если коммуникация письменная, ее можно рассматривать и как объект логического анализа. Второе следствие заключается в том, что нормативные суждения о социальном мире могут быть даны как агрегатная позиция точно определенного количества участников коммуникации либо как интерпретация через призму

субъективности конкретного участника коммуникации. То есть если кто-то в политическом сообществе решил утверждать, что «сообщество считает поступок негативным или позитивным» или «данная норма неправильная», то ему будет необходимо каждый раз предъявлять результаты голосования. В ином случае это будет частное суждение, основанное на принуждении остальных.

Однако данные следствия вступают в противоречие с реальностью, в которой сообщества могут иметь хотя бы одно мнение и единый устоявшийся набор ценностей в качестве нормативной базы. Но и это понимание скорее стремится к идеализации нормативного консенсуса. Возникает несколько вопросов, без ответов на которые представление о сетевой политике не сможет из теоретической плоскости перейти в практическую.

Возможны ли в сетевом режиме сообщества, которые будут обладать потенциалом социального действия? Мы можем зафиксировать, что сетевые сообщества объединяются только по какому-либо интересу, а не для решения каких-то задач, и тем более достижения единой цели. Сети могут производить коммуникации, порождать зависимость от ресурсов и форм общения, они могут информировать и склонять к принятию решения. Однако они не могут силой публичности или насилия отнять выбор и достичь цели. Сам протокол не дает возможности решать за других. [8]

Возможны ли сетевые политические сообщества, имеющие своей целью власть? Этот вопрос решается, если понять, что политические партии имеют блоги и сайты, они поддерживают свои сетевые сообщества, однако мы пока не знаем о политических сетевых сообществах, которые бы имели партии или хотя бы создавали их. Сети могут информировать людей о событиях, формировать оценку событий, они могут даже предложить сделать поступок, но выбор в любом случае остается за субъектом, потому что он — единственная инстанция, которая вправе принимать решение.

Наконец, каким образом может происходить вертикальная дистрибуция власти в горизонтальных структурах сети? Этот вопрос указывает на институциональные трудности осуществления власти в сетевом пространстве. Вертикальные иерархии, которые ставились под сомнение в концепции нетократии (нового сетевого общества, где главной ценностью является доступ к информации и ее генерация) [5], не имеют себе аналогичной и более совершенной замены. Даже если допустить на одном горизонтальном уровне иерархии качественный паритет, то в таком случае либо

социальный мир будет дезинтегрирован, либо необходимо допустить несколько горизонтальных уровней, отношения между которыми будут иерархичными. Это в свою очередь лишает смысла оптимизм относительно инновационного потенциала сетевой политики и сетевых политических коммуникаций.

Также существует достаточно обоснованная позиция относительно возможности различения статуса сетевой активности, причем независимо от того, реальная сеть или виртуальная. Р. Мэйфилд [3] описывает особую экосистему сети, в которой в зависимости от количества используемых связей сети отличаются по статусу. Ссылаясь на теорию М. Гладуэлла [3], она показывает, что человек, как правило, имеет не более двенадцати близких людей. Далее, используя число, выведенное опытным путем Р. Данбаром [2], выясняется, что человек в повседневной жизни может поддерживать не более 150 контактов, то есть вести дифференцированные коммуникации с разными людьми, помня об их различиях. Если же количество контактов превышает 150, то в таком случае коммуникации формализуются для ускорения обмена, и, следовательно, снижается уровень доверия и взаимности внутри каждой связи. Р. Данбар обосновал свое правило, исходя из ограниченных возможностей неокортекса и прямой зависимостью между размером группы и степенью развитости коры мозга.

Для сферы виртуальных, социальных сетей и блогосферы это означает возможность различения статуса узловых точек сети, которые производят новости и формируют оценки. Первый узел — это уровень двенадцати, или уровень приватности и сотрудничества, второй уровень имеет предел 150 контактов, это уровень коммуникаций, третий уровень достигается, когда число связей превышает 1000, и это уровень публичности и политики. То есть узлы, связывающие более тысячи контактов независимо от контента являются политическими, а уровень потребностей большинства людей в более широком общении и взаимодействии может быть удовлетворен 150–1000 непостоянных связей. Фактически большинство блогов с большим количеством подписчиков, подвергаются мониторингу, а интернет-сайты принуждаются к регистрации в качестве средства массовой информации с определенными нормативными обязательствами.

В итоге возникает более ясная картина происходящих процессов сетевизации общества, а значит, и принципов сетевизации политических коммуникаций. В реальности у нас есть физиологическая граница

коммуницируемости социального мира, а также понимание того, что политическое в сетевом режиме возникает не только благодаря классическим схемам, а в связи с количественным ростом связей и взаимодействующих групп. Ценность сети пропорциональна количеству связей (принцип Меткэлфа). Соответственно, качественный переход на уровень публичности для коммуникаций с необходимостью сопровождается приобретением статуса политического уровня публичности независимо от контента.

Эффективность сетей в возможностях социального действия заключается в соответствии принципу Риды, который гласит, что ценность сети пропорциональна количеству групп. Сетевой индивидуализм может трансформироваться в групповой интерес, а затем иметь потенциал социальных преобразований. Сетевизация политики может привести к растворению некоторых мощных вертикальных институтов, которые обрели свою власть, благодаря решению тех вопросов, которые сеть как форма коммуникации решает технологически.

Если в середине 19 века общество остро нуждалось в саморефлексии, и появились целые отрасли социальных наук, то в ближайшем будущем возникнет ситуация, когда уровень неопределенности относительно поступков и рациональности предельно сни-

зится, так как типизация с одной стороны, и тотальная сетевая интеграция с другой стороны полностью откроют стратегии публичной, а, возможно, и частной рациональности субъекта. Действительно, если мнения всех можно посчитать, то вопрос заключается лишь в интерпретации мнений и их динамики, если же допустить, что поведение ограничивается некой матрицей вариантов, то в таком случае неопределенность переместится в иные измерения, методы изучения которых изменят саму социальную науку.

Естественным образом возникает и заключительный вопрос — возможна ли демократия в сетевом обществе? Сетевизация политических коммуникаций приводит к тому, что сложившиеся политические коммуникации и процедуры признания и легитимации переходят в режим единого потока влияния, который формируется горизонтально на разных уровнях сетевой архитектуры. И достаточным условием для перехода этого влияния в политическое качество являются количественные параметры. Этого условия достаточно, чтобы заявить о демаркации границ между отдельными сферами модерности, когда политика отделялась от экономики, а наука от идеологии. То есть политическое станет неотъемлемым атрибутом сетевых коммуникаций, а значит, представить какую-либо сеть вне политики невозможно.

1. Burt R.S. Structural holes and good ideas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cs.princeton.edu/~sjalbert/SOC/Burt.pdf>.
2. Dunbar R. I. M. Co-evolution of neocortex size, group size and language in humans.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uvm.edu/~pdodds/files/papers/others/1993/dunbar1993a.pdf>.
3. Mayfeld R. Social network dynamics and participatory politics by Ross Mayfeld//Extreme Democracy.2005: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.extremedemocracy.com/chapters/Chapter%20Ten-Mayfield.pdf>.
4. Акопов А.И. Текст как сущность и форма сетевой коммуникации//«RELGA» — научно-культурологический журнал. 2004. № 7: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=223&level1=main&level2=articles>.
5. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Правящая элита и жизнь после капитализма [Текст] / А. Бард, Я. Зодерквист. — СПб., 2004.
6. Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий "политическая коммуникация" и "политическая информация" // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. № 4: [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/vestnik_2003.html.
7. Землянова Л.М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Московского Университета. № 2, 1999: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nethistory.ru/biblio/1043175013.html?version=print>.
8. Назарчук А. В. Социальные сети и трансформация политического порядка//Вестник аналитики, 2007. № 30: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nazarchuk.com/articles/article15.html>.
9. Назарчук С.А. Сетевое общество и его философское осмысление//Вопросы философии. 2008. № 4: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nazarchuk.com/articles/article16.html>.
10. Нейсбит Д. Мегатренды [Текст] / Д. Нейсбит. — М., 2003.
11. Олейник А.Н. Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. № 8: [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_366.htm.
12. Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология, 2003. Т. 4. № 3: [Электронный ресурс]. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/292/588/1234/ecsoc_t4_n3.pdf.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: СМЫСЛОВЫЕ КОНСТАНТЫ

УДК 32.019.51

И.В. КИРДЯШКИН

Выделение молодежной политики как самостоятельного направления социально-политического регулирования со стороны государства, его институтов и общественных организаций отражает одну из закономерностей современного этапа мирового развития, связанную с усилением роли «молодежного фактора» в культурных, социально-экономических и политических процессах.

Появление молодежной политики обусловлено целым рядом тенденций. Среди них кризис идеи Должного и ее универсальных оснований. Ее производные в ценностно-нормативном и когнитивном измерениях, выраженные в религии и идеологии, определяют процесс социализации молодежи и репрезентируют описание позиции «наблюдения» общества, представляющей потенциально возможный трансцендентный порядок. Описания общества, выраженные в религии, идеологии или проективной реальности, составляют уровень ее репрезентации, составляющий важный ориентационный аспект государственной молодежной политики как направления деятельности общества по регулированию процессов социализации молодежи, нацеленного на формирование в ее сознании смысловых аспектов жизнедеятельности, в частности, в социуме. Благодаря Должному система, в частности, общество дает себе «имя», как фиксированное, инвариантное обозначение, которое, как считает Н. Луман, может быть использовано в непредсказуемо различающихся ситуациях в качестве своего описания, ориентированное на собственное планирование [4, с. 22]. Описывая себя, система исходит из критичной перспективы самонаблюдения, в свою очередь исходящей из позиции того, что система для себя остается непрозрачной [4, с. 27]. Переописание системы как смену позиции «наблюдения» самой себя предполагает открытость ее будущего [4, с. 30–31].

Государственная молодежная политика, по мнению исследователей, является относительно новым направлением социализации молодежи. Ее внутренние законы, система построения, механизмы развития и оценка адекватности не являются устоявшимися и пока не имеют единых стандартов, правил, традиций [3, с. 343].

В самом общем виде направленность молодежной политики можно обозначить как пространство адаптации и самоизменения общества с присущими этому процессу потребностями в программировании социальной реальности, трансцендентальной редукции сознания человека.

В зависимости от отношения общества к традиции передачи опыта от старших к младшим, а также исторического контекста, молодежная политика претерпела ряд эволюционных этапов, отражающих меняющееся восприятие молодежной проблематики в целом. Исследователи выделяют несколько этапов исторической эволюции молодежной политики: 1) «Естественный патернализм» (свойственен консервативному подходу к молодежи со стороны общества и государства); 2) «Молодежь — страшная угроза», или «Драма поколений (неоконсерватизм)»; 3) «Молодежь — большая надежда (проявление демократического начала в формировании молодежной политики и начало участия самой молодежи в реализации этой политики)»; 4) «Молодежь — это просто молодежь» (демократический подход к положению и роли молодежи в развивающемся обществе, основанный на доминирующем принципе «меньше государства и больше общества», — имеется ввиду гражданское общество, — при активном участии молодых граждан в общественных процессах); 5) «Молодежь — это мы» (планетарный подход, характерный для активной социализации; сплочение молодежи различных регионов и стран мира для решения наравне со взрослыми глобальных проблем современности) [9, с. 138].

Феномен ювенильности — важная мотивационная компонента, поддерживающая «достройку» проекта модерна как самоописания общества, планирующего будущее, благодаря которому общество, начиная с Нового времени, может себя критиковать, корректировать. Отдавая приоритет техническому аспекту форм политического взаимодействия, проект модерна ставит своей задачей отрицание сверхчувственного, традиций, прошлого [8, с. 421]. Это делает проект модерна постоянно тяготеющим к сверхинтеграции, подвергающим опасности разрушения общество. Предотвращение этой опасности требует

от общества механизмов включения и поддержания определенного уровня трансценденции культуры, поддерживающих саму идею будущего, имеющей в своем основании мотив «перешагивания» границ привычного.

Молодежная политика актуализируется в качестве режима «достройки» структур коммуникаций, связующих мирское, Сущее и трансцендентное как Должное, позиционирующееся культурой в качестве структуры коммуникаций, стимулирующей процессы обретения онтологической осведомленности индивида. Имея в собственной системе коммуникаций такой режим своих операций как молодежная политика, политическая система может реализовывать специфическое устройство и адаптацию общества относительно проектов модерна, связанных с периодическим нарушением норм социального порядка.

Направленность политики, связанной с феноменом ювенильности, проявляется в реализации, базирующейся на религиозной основе, идеи Должного. Она нацелена на перестройку процессов социализации в соответствии с представлениями о выбранных формах преодоления разрыва между идеациональными установками культуры, сформированными на ее основе умозрительным образом будущего, и традицией, определяющей Сущее, претерпевающее рост проблематичности в качестве системы передачи опыта и способа, задающего характер социального действия и организацию опыта для индивида.

Молодежная политика определяет базовые приоритеты утверждения в обществе тех или иных смысловых констант, изменение которых задает направленность жизнетворчества человека и общества. Коррекция смысловых приоритетов, выраженных в ценностных и мировоззренческих ориентациях, приобретает характер управления эволюцией различных подсистем общества, в том числе, политической. Это позволяет «отвечать» на вызовы окружающего мира, осуществлять поиск и конструирование долгосрочных стратегий общества.

Молодежная политика выступает направлением действия и самоконституирования общества, нацеленным на совершенствование политической коммуникации, которая, по мнению А.И. Соловьева, считает, что ее можно идентифицировать как форму общения, установленную на основе направленной передачи информации, породивший осмысленный ответ реципиента на вызов коммуникатора [7, с. 7]. Молодежная политика в этом отношении

предстает как важный аспект предкоммуникационных действий, обеспечивающих возможность коммуникации.

В свете коммуникативного подхода государственная молодежная политика, включая в свои самоописания новые модели действительности, может создавать условия для формирования «перспективно-воспроизводящих качеств» молодежи и общества в целом, способных перешагивать границы норм, формирующих социальную действительность, придавая ей устойчивость в периоды ускорения изменений описаний общества и происходящих из них ценностно-нормативных поведенческих комплексов.

Важным изменением постсоветской социальной действительности, начавшим проявлять себя в советский период, стал вместе с кризисом идеологии прогрессирующий процесс «ухода» от идеи Должного как системообразующего фактора русского общества в течение нескольких столетий, репрезентирующий сдвиг в народной ментальности. В течение 1990-х гг., отмечает С. Н. Гавров, Должное потеряло свой всеобщий и системный характер, что изменило социокультурную ситуацию [2, с. 509]. После 1991 года исчезает определенная, задаваемая Должным, конвенциональная система ценностных координат [2, с. 512]. Общество столкнулось с прогрессирующей социальной аномией, девальвацией общественных норм и процедурных отношений, выдвиганием новых индивидуальных, групповых целей и требований [2, с. 514].

В этом отношении молодежная политика актуализируется как фактор процесса сложного выбора и утверждения будущего, система легитимации реконструкции и генерирования новых интерпретаций, форм и элементов Должного как основы нового социального порядка и концепта согласования различных интерпретаций социальной реальности, репрезентирующего наблюдение второго порядка и его проектирование неизвестности. Молодежная политика определяется потребностью в новых ориентациях для сохранения, эволюции человека и общества, ее различных траекторий, воспроизводимых новыми воплощениями идеи Должного как производных проекта будущего для общества. Кризис в обществе нравственных императивов определяет молодежную политику в разряд проблем государственного характера.

С начала 1990-х гг. в общество и сознание россиян детерминируется новыми интерпретациями Должного, процессами формирования,

нового наполнения идеи российской гражданской ответственности. Актуальное значение в качестве систем согласования различий в интерпретациях прошлого, устройства настоящего и планирования будущего приобретают демократические ценности и институты. По мнению исследователей, постсоветский период характеризуется процессами укоренения в обществе ценностей, навыков, институтов демократии и рыночной экономики, поиском новых стратегий национально-цивилизационного развития и идентификационных паттернов для общества [5, с. 375–376]. Эти процессы сопровождаются сложным процессом их адаптации к реалиям отечественной политической культуры, политического дискурса и мифологии [6, с. 51].

Молодежная политика стимулируется актуальностью обеспечения процессов социализации молодежи в условиях формирования новых ценностей и нормативов, самой идеи Должного по отношению к российскому обществу и его культуре. Кризис идеи и интерпретаций Должного как описаний наблюдения второго порядка (наблюдения наблюдения), позволяющих управлять разнообразием коммуникационных элементов, паттернов сознания и архетипов, создает условия для формирования систем социально-политического контроля, определяющих приоритетные значения содержательных и инструментальных основ социализации, ответственных за выработку, воспроизводство и реконструкцию смыслодержущих концептов социальной реальности, составляющих базовую основу социализации. Их актуализирует рост и потребность в согласовании на стадии социализации индивида в российском обществе различных источников информации, видений происходящего, интерпретаций социального опыта, роста влияния индивида на общество, нарушение привычной относительной иерархии ценностей социального бытия, основ миропонимания людей, как ресурсов для обеспечения реализации и безопасности интеграции индивида в общество.

Молодежная политика актуализируется в числе политических механизмов для осуществления предкоммуникационных действий и осуществления диалога с обществом, формирования основ взаимопонимания общества и власти, символического преодоления властью (в лице государства, других социальных акторов) раскола в современном российском обществе на уровне культурных стереотипов (в частности, советских). Как совокупность направлений деятельности общества молодежная политика актуализируется: во-первых,

как процесс обеспечения управления социализацией, в частности, ее ценностно-нормативной и институциональной сферой, реализующей согласование позиций в отношении будущего. Во-вторых, как инструмент формирования медиативных стратегий государства по отношению к обществу в целом, направленных на обеспечение согласования различных траекторий общественного развития, дополнительным ресурсом, направленным на консолидацию общества, поддержки усилий власти по его преобразованию и управлению им.

Важным аспектом молодежной политики как управления социализацией в постсоветский период является процесс выработки условий для формирования базовых снов доверия между молодежью и обществом, их взаимопонимания в процессе подготовки молодежи к совместной жизнедеятельности с другими индивидами, когда требуется согласование разнообразных позиций наблюдения и интерпретации социальной действительности, сосуществующих различных концептов социальной реальности.

Институционально-правовой формат молодежной политики актуализируется как механизм выведения смысловой составляющей социализации, выработки политических решений и относительного консенсуса в обществе по вопросам ее реализации, существование которого закрепляется в основополагающих нормативных актах, полномочия которой определены и известны обществу, находятся в рамках коллективных целей. Образование молодежной политики как отдельной сферы подготовки и принятия политических решений отражает потребность в согласовании различных позиций в обществе, особенно заметных при кризисе идеологий. И одновременно — потребностью в активизации процессов селекции нового. Участие государства в обеспечении социализации молодежи создает определенные предпосылки на будущее для его собственной трансформации. Управление процессом социализации молодежи планирует ментальность, создает предпосылки для формирования проекта модерна, конституирующего неизвестность будущего.

Формирование государственной молодежной политики в постсоветский период развивается в рекурсивном, иначе говоря, через обращение к опыту и присоединение к нему того, что с ним совместимо, взаимодействии с опытом построения молодежной политики в советский период. Он преимущественно базируется на необходимости позиции наличия в обществе одной позиции наблюдения и описания

социальной реальности, доминирующей над другими позициями наблюдения, интерпретации и самокритики, претендующей на монополию над другими, видения действительности, способами ее интерпретации, имеющей в качестве источника сакрализованную позицию наблюдения из прошлого или позицию персонификатора политической власти. Советский опыт стал важной основой переживания настоящего, базовой основой рефлексии российского общества, интерпретации современности и сознания индивида в ответ на рост информационного воздействия, социальных рисков, презентуя через политические механизмы возможности преодоления сложности при выработке социально-политических решений.

Молодежная политика стала одним из политических механизмов реабилитации и поддержания жизнеспособности, реконструирующих родовой комплекс отношений политической власти и общества, советского опыта в качестве основы коммуникации между индивидами различных возрастов. В этом отношении государственная молодежная политика, актуализированная как механизм организации молодежного сообщества, нацеленный на редукцию ценностных и когнитивных представлений, моделей и образов реальности, формируется в контексте исторической традиции передачи опыта от старших к младшим, определяющей способ утверждения новых вариаций Должного для общества.

При этом формат управления молодежной политики «достраивается». Такой формат, как Указ Президента РФ (1992 г.) о ее необходимости, дополняется комплексом законодательных мер, посвященных социализации молодежи (с 1993 г.), а затем президентской программой «Молодежь России», обеспечивающей финансовое обеспечение отмеченных государством в качестве приоритетных направлений

молодежной политики (1994–2005 гг.). В них отмечено признание ответственности государства за успешное вхождение в общественные отношения всей молодежи, направленность на реализацию долгосрочных программ, «ориентированных на всех». Эта направленность была характерна для советского опыта реализации социализации молодежи и отражала ориентации европейской модели социальной работы с молодежью. В ней государство воспринимает молодежную политику как процесс формирования будущего для всего общества, берет на себя всю ответственность по воспитанию, урегулированию проблемы социализации всей молодежи, определяя ее как процесс управления изменениями нравственных императивов в обществе, выражающих Должное как ориентацию для представителей разных возрастов. Актуальность молодежной политики усиливается и тем, что постсоветское общество, по мнению исследователей, вышло из коммунистической системы в состоянии культурно-ценностной неопределенности [1, с. 636–637].

С начала 1990-х гг. молодежная политика становится в качестве системы управления трансформирующимся обществом нацеленной на проектирование отношений власти и общества в направлении воспроизводства элементов советского проекта модернизации, важным компонентом которого являлся советский опыт работы с молодежью. В соответствии с этим опытом роль ведущего «конструктора» социальной реальности, куда элементы действительности уже инкорпорируются, обеспечивающего условия социализации и процесс генерирования концептов социальной реальности, берет на себя государство, которое определяет молодежную политику в качестве направления регулирования процессов собственного воспроизводства в ситуации кризиса универсальных аспектов Должного.

1. Ахиезер А. История России: конец или новое начал? [Текст] / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. М., 2005.

2. Гавров С. Н. Социокультурные трансформации постсоветской России [Текст] С.Н. Гавров // Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое. М., 2007.

3. Иваненков, С.П. Молодежь и государство: инновационные подходы [Текст] / С.П. Иваненков, А.Ж. Кусжанова. Оренбург, 2005.

4. Луман Н. Самоописания [Текст] / Н. Луман. М., 2009.

5. Пантин В. И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века [Текст] / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. Дубна, 2006.

6. Политическая социализация российских граждан [Текст]. М., 2008.

7. Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. – 2002. – №3.

8. Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность России в контексте идеологии модерна [Текст] / Н.А. Хренов // Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое. М., 2007.

9. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. Опыт комплексного междисциплинарного исследования [Текст]. СПб., 2004.

МОЛОДЕЖЬ И ПОЛИТИКА: ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

УДК 32.01.004.738.5

Л. А. ЛИПСКАЯ

В периоды трансформаций и переломных моментов молодежь всегда занимала лидирующие позиции в обществе и политике, являлась активным участником происходящих в стране преобразований. Высвобождение молодежи из-под жесткого идеологического контроля в 90-е гг. повлекло изменения в процессе интеграции молодежи в политическую сферу российского общества, которые выразились в создании различных молодежных организаций в составе действующих политических партий. Вместе с тем современная молодежь отличается от излишне идеологизированных комсомольских активистов советского и политизированных предшественников начала постсоветского периода.

На политическое поведение молодых граждан, степень их политической активности влияют как внешние факторы, к числу которых можно отнести объективные социально-экономические условия, политическую обстановку в стране, господствующий тип политической культуры, особенности государственной молодежной политики, а также не зависящие от них внутренние факторы, связанные с особенностями молодежи как социально-демографической группы. Названные факторы могут как способствовать развитию политической активности молодежи, так и сдерживать ее.

О политическом поведении, участии в политике современной российской молодежи можно судить по данным разных социологических исследований, в том числе исследований фонда «Общественное мнение», аналитического центра Юрия Левады (Левада-центра), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованным в аналитическом докладе «Положение молодежи в России» [8]. Критериями оценки выступили теоретический интерес и гипотетическая возможность участия молодых людей в тех или иных политических действиях, оценка вовлеченности в конкретные политические события, в частности, в выборы. Характер политического поведения молодых людей в значительной степени определяется спецификой их отношения к политике, уровнем их политических знаний и степенью развития навыков политического участия, т.е. теми качествами,

которые принято включать в политическую культуру. По данным опроса ФОМ [8], интересуются политикой 37% молодежи, а почти две трети молодых сограждан (62%) не проявляют интереса к этой сфере. Несмотря на отсутствие интереса к политике, большинство представителей молодого поколения уверены, что их жизнь зависит от политики: 51% считает эту зависимость сильной, 23% — слабой, и только 15% полагают, что их жизнь вообще не зависит от политики.

Вместе с тем сравнительный анализ проведенных исследований говорит о несостоятельности распространенного в последние годы стереотипа о росте аполитичности молодежи, в том числе студенческой. Так, опрос студентов провинциальных вузов центральной России показал, что лишь 7% опрошенных не интересуются политикой вообще [6, с. 103]. Однако интерес молодежи к политике сегодня в основном информационный. По данным различных социологических исследований, около 90% молодых людей заявляют о том, что иногда слушают по радио или смотрят по ТВ политическую информацию. Однако интерес к политике у значительной части молодежи носит в основном пассивный характер, так как, имея общие представления о политических событиях в стране, значительная часть молодых людей не стремится к активному участию в политической жизни, проявляя гражданскую и политическую апатию. Вместо митингов и демонстраций молодежь предпочитает виртуальные политические интернет-дискуссии, политизированные ток-шоу, представляющие собой своеобразную развлекательную игру с поверхностным изложением участниками своих идейных позиций, привлекающую определенную часть молодежи экспрессией в выражении эмоций.

Проведенные исследования уральских социологов позволяют оценить изменения в отношении студенческой молодежи к политике за последние десять лет [2; 3]. Удельный вес крайних оценок (активное участие в политической жизни, активный интерес и негативное отношение к ней) практически остается стабильно низким, занимая нижние позиции в рейтинговом ряду политических ориентаций студенчества. Эти данные подтверждают

результаты социологического опроса, проведенного среди петербургских студентов в 2007 году, которые свидетельствуют о том, что участие в политической жизни в шкале ценностных суждений, предложенных в ходе анкетного опроса студентам пяти петербургских вузов, заняло последнее место (это занятие привлекает лишь 7,3% опрошенных). На первое место студенты ставят жизненный успех, материальное благополучие, на второе – возможность самореализации в профессии, на третье – семью [11]. В реализации своих ожиданий студенты в меньшей степени рассчитывают на государство, нежели на собственные усилия, хотя и считают, что оно должно помогать молодым, в том числе в трудоустройстве.

Молодежь готова больше рассуждать о политике, нежели участвовать в ней. Среди причин и мотивов аполитичности в молодежной среде опрошенные студенты указали следующие: неуверенность, что личное участие может иметь значение – 38%, недоверие к политикам, низкий престиж их у молодежи – 26%, слабая осведомленность о политическом процессе – 19%, безразличие к политике как к делу, далекому от жизненных проблем – 18%, наличие других интересов – 16%, дефицит свободного времени – 12% [3, с. 116]. Таким образом, на первый план в оценках респондентов выходит не негативное или безразличное отношение к политике, а недоверие к политикам (каждый четвертый) и – главное – неуверенность, что личное участие может иметь значение (два из каждых пяти). Это одна из главных причин того, что молодежь не видит необходимости участвовать в политической жизни, вступать в ряды политических партий и движений, создавать собственные молодежные организации, которые бы смогли защитить их интересы. Выводы социологов убеждают в том, что в целом нынешнюю российскую молодежь вряд ли можно назвать сверхполитизированной. В то же время результаты опросов дают основание полагать, что определенная часть молодежи готова принять самое активное участие в политической жизни страны, в том числе в выборах. Участие в выборах выступает наиболее четким и показательным индикатором политической активности в целом и электоральной активности молодежи в частности. В ходе политического самоопределения и самоорганизации, свободного выбора органов власти молодежь обретает политическую субъектность, становится активным

участником политического процесса. При этом для поддержания стабильности политической системы важно, чтобы участие молодых граждан в политике осуществлялось не столько в форме массовых стихийных акций, сколько в институциональных формах, соответствующих принятым в обществе правилам «политической игры», важнейшей из которых выступает участие в выборах.

Следует отметить, что в последнее время изменились как предвыборные технологии, организация и проведение выборов, так и существенно трансформировался молодежный электорат. Если десять лет назад превалировало негативное отношение молодежи к выборам, то в последние годы, как показывает практика и результаты различных опросов, от 40 до 60% молодых граждан участвовали в выборах различных уровней власти. Так, данные всероссийского исследования свидетельствуют о том, что на президентских выборах 2004 г. в голосовании участвовало 57% молодых избирателей, а на парламентских 2003 г. – 42% [8]. Одним из факторов, влияющим на желание молодежи участвовать в выборах, является статус избирательной кампании. Опрос, проведенный краснодарскими социологами, показывает более высокие результаты электоральной активности молодежи на выборах в федеральные органы власти 2007–2008 годов. Так, в выборах Президента РФ участвовали 63,7% респондентов; депутатов Государственной Думы РФ – 47,5%; депутатов Законодательного собрания – 41,3%; главы местного самоуправления города или района – 38% [7]. Таким образом, электоральная активность молодежи, относительно высокая на уровне федеральных выборов, традиционно снижается на региональных выборах. При сопоставлении ответов на вопросы об участии молодежи в выборах проявляется противоречивость восприятия политической реальности. С одной стороны, абсолютное большинство молодых людей убеждено в необходимости выборов в современной России. Однако безоговорочно признают это лишь 40% респондентов; 35,5% отвечают на вопрос «Скорее да, чем нет». С другой стороны, порядка 30% тех, кто отрицательно или индифферентно относятся к выборам, считают этот политический институт неэффективным, рассматривая участие в них как напрасную трату сил [6].

Структура молодежного электората в основных своих элементах совпадает со структурой электората в целом: следует

молодых избирателей есть те, кто видит смысл участия в выборах, считая их в той или иной мере эффективным способом защиты своих интересов. Другая часть не хочет участвовать в выборах, так как не видит в этом смысла, полагая, что ее голос все равно ничего не может изменить, или не находит среди партий ту, за которую хотела бы проголосовать. Абсентеистски настроенная молодежь слабо верит в то, что ее участие в выборах может способствовать решению ее проблем. Среди причин, по которым российские граждане, в том числе молодежь, не участвовали в декабрьских выборах 2011 года в Государственную Думу, каждый третий опрошенный указал на то, что не верит никому из нынешних политиков, почти столько же считает, что от его участия все равно ничего не будет зависеть. Каждый десятый опрошенный по данным Левада-центра (опрос проведен в декабре 2011 года) указал на то, что устал от политики и от борьбы в верхах, примерно такое же количество не верит в честность результатов выборов [10]. Приведенные выше результаты позволяют говорить о зависимости электоральной активности от фактора доверия к политическим партиям и кандидатам, участвующим в них, а также самим выборам.

Определенную роль в повышении электоральной активности и правовой культуры молодежи играют избирательные комиссии. В последнее время они ведут серьезную разъяснительную работу, проводят совместно с органами государственной власти и местного самоуправления День молодого избирателя, в рамках которого в вузах проходят олимпиады и интеллектуальные игры, круглые столы, научно-практические конференции по избирательному праву, выборы молодежных парламентов. Согласно проекту «Наши выборы» в регионах Российской Федерации осуществляется подготовка и обучение активной молодежи для участия в выборах в качестве наблюдателей. Эти и другие образовательные мероприятия способствуют тому, что студенческая молодежь участвует в выборах не просто потому, что в кругу близких людей принято ходить на выборы или по привычке, а осознавая свой гражданский долг [10].

Вместе с тем социологические данные, анализ бесед и политических дискуссий показывают, что значительная часть студенческого электората мало представляет, какие из партий выражают их интересы. Далеко не всегда студенты могут четко сформулировать и соотнести свои политические

пристрастия с той или иной политической идеологией и программой партии. Нередко, являясь сторонником левых взглядов, придерживаясь идеи социальной защищенности и социальной справедливости, они предпочитают делать выбор среди партий правой ориентации. Часть исследователей склонна полагать, что основой для политического выбора служит только личность лидера партии. Эти предположения подтверждаются и результатами всероссийского опроса Левада-центра, согласно которому почти половина опрошенных отдали свой голос на последних парламентских выборах партии «Единая Россия» потому, что ее лидером является Владимир Путин [10]. Личные симпатии партии оказывают решающее влияние на выбор более трети избирателей, в том числе молодых, при этом политические интересы, как правило, не осознаются либо уходят на второй план. По данным уральских социологов, лишь треть студентов имеет сложившиеся политические убеждения (по самооценке), стабильно низким (около 6%) остается число тех, кто имеет четкую политическую позицию [3]. В связи с этим возникает необходимость вузовской политической социализации, направленной на то, чтобы студенты могли разбираться в программах партий и лидеров, имели четкие политические убеждения, позволяющие осознанно делать свой выбор и противостоять политическим манипуляциям. Политологическая подготовка в вузе помогает молодым избирателям разобраться в программных заявлениях политических партий и соотнести их со своими взглядами на жизнь, найти в них ответы на волнующие молодежь вопросы. Студенты отмечали, что далеко не все партии отразили в своих предвыборных программах молодежную проблематику, как это сделала, например, партия «Единая Россия», в программе которой нашли отражение вопросы культуры и образования, развития волонтерства, проблемы молодой семьи, популяризации здорового образа жизни, то есть те проблемы, которые потенциально волнуют студенческую молодежь.

Значительная часть молодежи считает провозглашаемые оппозиционными политическими партиями лозунги популистскими, так как не верит в их реализацию на практике. Молодые люди в большей степени доверяют не словам, а реальным делам, то есть тому, что уже сделано или делается для молодежи в своем регионе и в стране в целом. Это

подтверждают и данные опроса, проведенного Левада-центром (декабрь 2011 года), согласно которому правящая партия «Единая Россия» набрала существенно больше голосов избирателей, чем в среднем по стране, в тех регионах, где губернаторы и в целом региональные власти, по мнению опрошенных, работают лучше, чем в других [10]. В то же время исследования показывают, что отношение молодежи к партиям и парламентским выборам продолжает оставаться скептическим. Молодые люди сомневаются в том, что после выборов в нашей стране произойдут серьезные изменения к лучшему.

Одним из факторов, влияющим на политическую активность или пассивность молодых людей, на их политический выбор, является социальное самочувствие как интегральная характеристика жизненных стратегий личности. Она отражает соотношение между уровнем притязаний и уровнем удовлетворения потребностей, проявляющееся в отношении к окружающей действительности. Хорошее социальное самочувствие делает молодых людей терпимее к власти, к тому, что происходит в стране. Резкая социальная дифференциация, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, чувство социальной и правовой незащищенности, неустойчивость социального статуса вызывает у определенной части молодежи протестные настроения.

Оппозиционные партии левой ориентации стремятся отражать эти настроения в своих предвыборных программах, ориентируясь на студенческую молодежь с низким уровнем доходов, которая испытывает неудовлетворенность своим материальным положением, среди опрошенных студентов челябинских вузов таких 62% [5, с. 139]. Сторонниками оппозиционных партий, как правило, являются представители студенческой молодежи, имеющей негативный опыт социальной адаптации, которые ищут возможность обвинить в своих неудачах либо представителей власти, либо представителей другой национальности или мигрантов. Такая часть студенческого электората рассматривает участие в выборах с потребительской точки зрения.

Оппозиционно настроенные политические партии, которые не попали в парламент, ориентированы на формирование у молодежи протестной электоральной культуры, призывая ее к уличным акциям и маршам «несогласных». Как считает политолог С.Г. Зырянов, питательной почвой для социального пессимизма и возмущений, повышения уровня протестной

активности является неспособность системы представительства интегрировать интересы тех или иных социальных, этнических, религиозных и т.п. групп [4, с. 24–25]. Несмотря на имеющее место проявления нигилизма, национализма и экстремизма, проведенные опросы пока не фиксируют увеличения протестных настроений в молодежной среде. Результаты выборов, хотя и вызвали разочарование и недоверие у определенной части россиян, в том числе молодых, однако большинство опрошенных (77%), по результатам социологического исследования Левада-центра, не готовы принять участие в акциях протеста [10]. Молодежь не хочет революционных потрясений и не поддерживает насильственные, нелегитимные методы политической деятельности. Несмотря на определенные материальные трудности, проблемы с жильем и трудоустройством, подавляющее большинство представителей студенческой молодежи, по данным уральских социологов, позитивно воспринимает современную российскую социально-политическую реальность [5, с. 22]. В связи с этим вполне закономерным представляется позитивное отношение более половины опрошенных студентов к проводимой в стране политике. Среди факторов, способствующих этому, можно назвать усиленное внимание к молодежи со стороны государства и правящей партии, которая заявляет о том, что молодежь должна прийти в науку, во власть и в бизнес.

Опросы показывают, что две трети молодых людей хотели бы более активно участвовать в общественной жизни, в том числе в различных молодежных организациях и движениях, которые сегодня вариативны по направленности деятельности, разнообразны по формам и механизмам реализуемых программ и проектов. Так, на территории УрФО активно действуют несколько десятков молодежных образований, различных по своей организационно-правовой форме, идеологической и политической направленности, целям и методам их достижения. На региональном поле преобладают объединения, представленные спектром основных общенациональных организаций, партий, союзов и движений, поскольку являются их местными отделениями [9, с. 20].

В последнее время, по данным социологов, все больше становится прослойка политически и граждански активной молодежи, которая включается в деятельность политических партий разной идеологической ориентации.

Среди левых (коммунистически ориентированных) организаций можно назвать Молодёжный левый фронт, Союз коммунистической молодёжи Российской Федерации, «Авангард красной молодёжи», «Социалистическое сопротивление» и ряд других групп. В настоящее время все большей популярностью пользуются молодежные общественно-политические организации, созданные при участии правящей партии «Единая Россия, такие как «Молодая гвардия», «Идущие вместе», движение «Наши». Поддержка молодёжью партии «Единая Россия» не является случайной. Здесь налицо, с одной стороны, использование административного ресурса, а с другой — проводимая партией кропотливая работа по привлечению молодёжи на свою сторону, стремление проводить активную молодёжную политику. Партия и ее молодёжные организации пытаются создавать механизмы, которые бы способствовали приходу во власть на разных уровнях молодых политиков. Региональные отделения «Молодой Гвардии» оказывали партийную поддержку молодым кандидатам на выборах в Госдуму VI созыва,

которые вошли в предварительный список кандидатов от Общероссийского народного фронта, а часть из них стала депутатами. Это доказывает, что молодёжь способна эффективно работать в структурах представительной власти и люди ей доверяют.

За последнее время возросло представительство молодёжи в Госдуме, в региональных законодательных собраниях и в местном самоуправлении. Молодёжь занимает посты и в исполнительной власти. Вместе с тем эта цифра в целом по стране незначительна, так как интересы миллионов молодых избирателей по всей стране представляют всего несколько тысяч молодых депутатов различных уровней представительной власти. В сложившихся условиях своевременными и необходимыми являются действия руководства страны по омоложению кадрового резерва, способствующие приходу во власть молодых политиков. Оправданными представляются и государственные инвестиции в политическое воспитание молодёжи, так как это является своего рода вложением средств в стабильность современной политической системы.

1. Борисов А. Зачем молодёжь идет во власть? [Электронный ресурс] / А. Борисов. — URL: <http://www.newparliament.ru/hall/view/75> (дата обращения: 16.01.2012).
2. Вишневский Ю.Р. Социальный облик студенчества 90-х гг. / Ю.Р. Вишневский, Л.Я. Рубин // Социологические исследования. — 1997. — № 10. — С. 22–37.
3. Вишневский Ю.Р. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования [Текст] / Ю.Р. Вишневский, Д.В. Трынов, В.Т. Шапко // Социологические исследования. — 2009. — № 4. — С. 108–117.
4. Зырянов, С.Г. Электоральные процессы в современной России: институциональный и поведенческий подходы к анализу [Текст] / С.Г. Зырянов. — Челябинск: Центр анализа и прогнозирования, 2007. — 211 с.
5. Зырянов С.Г. Работаящая и студенческая молодёжь Челябинска: социальное самочувствие, профессиональные и жизненные планы [Текст] / С.Г. Зырянов, Е.А. Терещук. — Челябинск: Челябинский институт (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2009. — 193 с.
6. Кулешова И.Н. Социально-психологические особенности политического мировоззрения студенческой молодёжи (на примере провинциальных ВУЗов центра России) [Текст] / И.Н. Кулешова: дис. ... канд. психол. наук. — Иваново : КГУ, 2006. — 220 с.
7. Об информации «О результатах социологического исследования по теме «Электоральная активность молодёжи в муниципальном образовании город Краснодар» 25 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://izb.krd.ru/resheniya-komissii/ob-informatsii> (дата обращения: 16.01.2012).
8. Положение молодёжи в России. Аналитический доклад. — М., 2005. [Электронный ресурс]. — URL: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=28115 (дата обращения: 16.01.2012).
9. Пустошинская О.С. Интернет-репрезентация молодёжных организаций и движений уральского федерального округа: виртуальная активность или реальная политика? [Текст] / О.С. Пустошинская // Социум и власть. — 2009. — № 3. — С. 20–26.
10. Россияне об акциях протеста и о прошедших выборах. Результаты опроса, проведенного 16–20 декабря 2011 года. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levada.ru/28-12-2011/rossiyane-ob-aktisyakh-protesta-i-proshedshikh-vyborakh> (дата обращения: 16.01.2012).
11. Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодёжи [Текст] / О.В. Сорокин // Социологические исследования. — 2008. — № 8. — С. 45–52.

АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ ТРЕТЬЕГО И ЧЕТВЕРТОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 324 (571.12)

С. М. ПАНАРИН, Д. К. БУЛАТОВА

Проблема анализа достоверности результатов выборов и референдумов существовала во всех странах и во все времена. Но для нашей страны она является особенно острой как в силу специфичности нашей истории, так и в связи с тем, что имеются сведения о массовых нарушениях положений о выборах и фальсификациях в ходе подсчета голосов избирателей, которые становятся с каждым годом все многочисленнее.

Всем специалистам по избирательным проблемам приходится признать факт использования административного ресурса на выборах. Под административным ресурсом в рамках избирательных кампаний мы будем понимать возможность манипулировать электоратом, используя различные виды зависимостей политических игроков и населения от действующей власти [2, с. 136]. От использования административного ресурса следует отличать фальсификацию выборов. Под фальсификацией мы будем понимать преднамеренное искажение результатов голосования путем манипуляции с избирательными документами, удостоверяющими волеизъявление граждан, либо путем преднамеренного изменения свободного волеизъявления граждан [5, с. 12].

Для выявления закономерностей и отклонений в выборном процессе мы использовали статистические методы. Важный параметр анализа, напрямую связанный с другими переменными, — явка избирателей, которая остается неформальным показателем легитимности избираемых органов. Статистические методы весьма полезны для выявления участков и территорий, подозрительных с точки зрения фальсификаций, хотя сами по себе аномалии в итогах голосования не являются юридическим доказательством фальсификаций. Использование статистики возможно потому, что голосование является массовым процессом, подчиняющимся не только воле людей, но и объективным законам. Для анализа достоверности результатов выборов будут использоваться следующие статистические показатели:

1. Распределение количества участковых избирательных комиссий (далее — УИК) в зависимости от явки на выборы. При естественном голосовании график должен иметь вид, похожий на «горб», что объясняется одним из законов природы, который носит название «закона больших чисел». Например, если в среднем по стране явка избирателей 50%, то в большинстве УИКов именно столько она и должна составлять. УИКов, где явка 25% и 75%, должно быть существенно меньше, а таких комиссий, где она составляет 5% или 95%, совсем немного. Такое распределение количества УИКов в зависимости от явки избирателей мы будем называть нормальным.

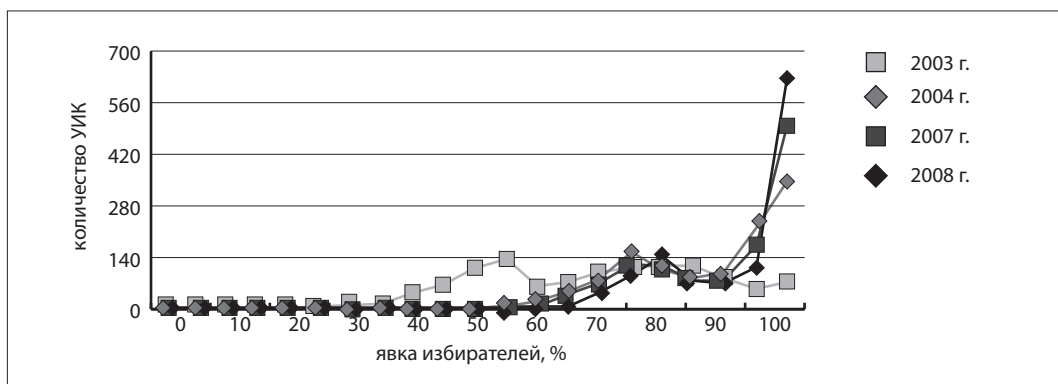
2. Устойчивость распределения количества УИК в зависимости от явки. Это значит, что «холм» не должен сильно менять свою форму по сравнению с недавно прошедшими выборами или с предыдущим туром выборов. Конечно, средняя явка может увеличиться или уменьшиться, но это изменение должно происходить более или менее равномерно по всем комиссиям.

3. Данные корреляционного анализа, который измеряет тесноту связи между варьирующимися признаками, установление неизвестных причинных связей и оценка факторов, оказывающих наибольшее влияние на результирующий признак [3, с. 212]. Будет рассматриваться зависимость полученных в ходе выборов голосов за партию или кандидата от явки избирателей.

Попробуем выявить возможные локальные искажения избирательного процесса на примере Тюменской области. Подобная информация крайне важна для анализа политических процессов в регионах. Способность региональной власти обеспечить нужные результаты выборов или возможность «самодеятельных» фальсификаций на уровне отдельных районов и городов — важные характеристики региональных политических режимов.

Распределение участковых избирательных комиссий (УИК) в зависимости от явки избирателей по югу Тюменской области

Рисунок №1

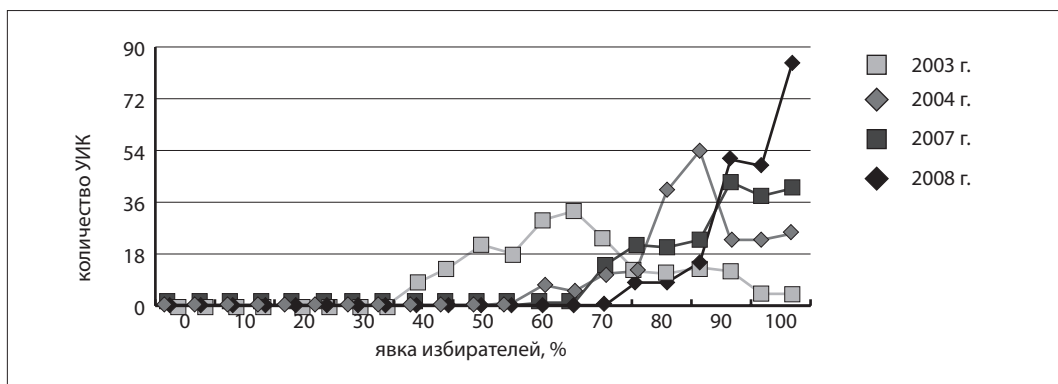

Обратимся к данным по распределению числа участковых избирательных комиссий в зависимости от явки за последние два электоральных цикла. С каждым новыми выборами число УИК с максимальной долей пришедших на выборы неуклонно растет, хотя в целом, начиная с выборов президента в 2004 году, картина остается неизменной: пиковое значение количества УИК приходится на явку 80%, затем снижение до отметки 90% и резкий рост числа УИК, где явка избирателей

составила 95–100%. Вместе с тем можно отметить устойчивость распределения УИК на последних трех выборах. Это может свидетельствовать о том, что использование административного ресурса хорошо отработано. В целом можно отметить, что по югу Тюменской области наблюдается несоразмерно высокая явка избирателей, несоразмерно высокая «монолитность» голосования, отсутствие нормального распределения избирательных комиссий в зависимости от явки избирателей.

Распределение участковых избирательных комиссий (УИК) в зависимости от явки избирателей в Ямало-Ненецком автономном округе

Рисунок №2

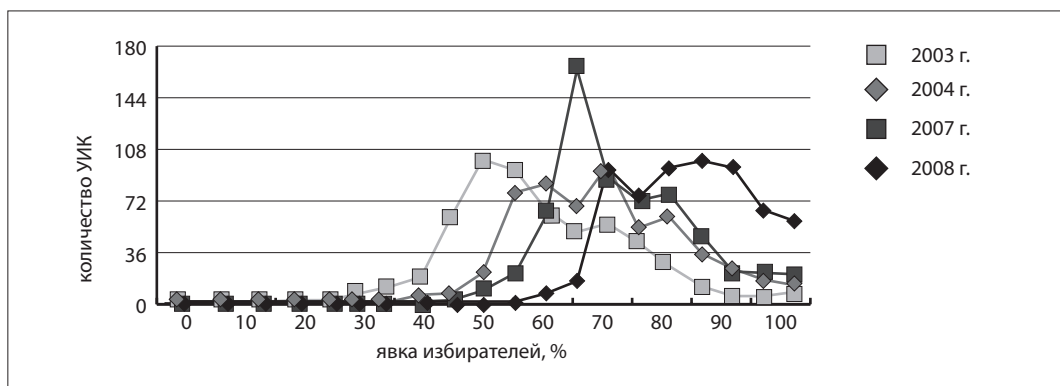

Иная картина наблюдается в округах Тюменской области. Голосование в ЯНАО характеризуется полным отсутствием нормального и устойчивого распределения УИК в зависимости от явки. Число избирателей, принявших участие в выборах, меняется от выборов к выборам. Но при этом прослеживается тенденция увеличения числа УИК со 100% явкой, особенно на последних выборах президента РФ в 2008 году. В ХМАО также отсутствует нормаль-

ное и устойчивое распределение УИК. Но можно отметить, что количество УИК с явкой 95–100% постепенно уменьшается, что резко контрастирует с югом Тюменской области. Тесная связь власти и бизнеса обеспечивает привлечение на свою сторону работников соответствующей отрасли. На севере Тюменской области играет большую роль отраслевой фактор. Поэтому поведение электората можно охарактеризовать как индустриальный конформизм [6, с. 109–110].

Распределение участковых избирательных комиссий (УИК) в зависимости от явки избирателей в Ханты-Мансийском автономном округе

Рисунок №3

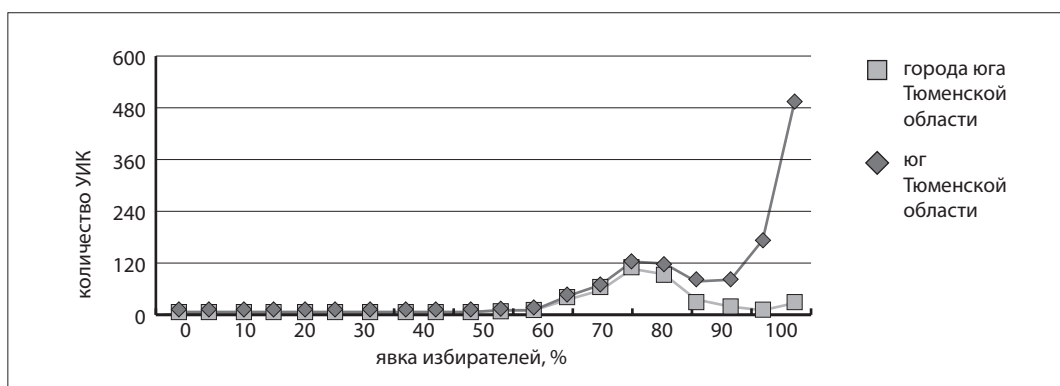

Полезно будет сравнить распределение УИК в зависимости от явки и в других субъектах УРФО. Челябинская, Свердловская, Курганская области характеризуются более симметричным распределением, то есть основное количество УИК приходится на среднее значение (для Свердловской области – 60–65%; для Челябинской области – 70–75%; для Курганской области – 75%). Д. Орешкин вводит понятие «особая электоральная культура», которая характеризуется повышенной управляемостью участников избирательного процесса. Среди регионов России Челябинская и Курганская области являются эталоном среднероссийской электоральной культуры.

Голосование на городских участках юга области более приближено к нормальному распределению, хотя вызывает сомнение величина пикового значения (75–85%) и рост количества УИК с явкой 95–100%. Тем не менее, наибольшее число участковых комиссий с явкой 95–100% приходится на сельские районы. В данном случае значимым фактором электорального поведения будет являться фактор урбанизации. Как правило, в городах низкая плотность социальных сетей, следовательно, нет «стандарта участия» по принципу «так принято», меньше возможности применения механизмов воздействия со стороны региональных элит [1, с. 101].

Распределение участковых избирательных комиссий (УИК) в зависимости от явки в городах и селах юга Тюменской области

Рисунок №4

Можно сделать вывод, что социокультурная реальность провинции не способствует свободным выборам. Однако 77% населения Тюменской области живут в городах, а чем пассивнее горожане участвуют в выборах, тем больший относительный вклад в итоговый результат вносит провинция, где явка оказывается под 100%

и при монолитном голосовании за «власть». Так, в Ишимском районе явка составила 95,5%, а в г. Ишиме на 23% меньше – 72,5%; в Тобольском районе явка 89,6%, а в г. Тобольске – 69%, т.е. на 20,6% меньше; в Ялуторовском районе – 96,5%, в г. Ялуторовске на 20% меньше – 76,6%.

Рассмотрим взаимосвязь между явкой избирателей и голосованием за кандидатов в президенты, рассчитав коэффициент корреляции Пирсона. Интенсивность связи измеряется в интервале $-1 \leq r \leq 1$. Если r находится в пределах $0,1-0,3$, то связь слабая; при $r=0,3-0,5$ – умеренная; $0,5-0,7$ связь заметная; при $r>0,7$ – сильная. При нормальном голосовании, то есть без применения административного ресурса, не должно существовать зависимости между голосованием за кандидатов и явкой избирателей на выборы. Положительный коэффициент корреляции по югу области зафиксирован между явкой избирателей и голосованием за В.В. Путина (0,37) в 2004 г., голосованием за «Единую Россию» (0,75) в 2007 г. и за Д.А. Медведева (0,83) в 2008 году. А вот между явкой и голосованием за С. Ю. Глазьева, И. М. Хакамаду на выборах Президента РФ в 2004 г., между явкой и голосованием за А. В. Богданова, Г. А. Зюганова и В. В. Жириновского на выборах президента РФ в 2008 г. и между явкой и голосованием за партии КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» в 2007 г. наблюдается заметная или сильная отрицательная связь. Таким образом, можно предположить, что был искусственный отток голосов от кандидатов и партий левого и правого спектра. Сравнивая результаты корреляционного анализа выборов президента в 2004 г. и 2008 г., можно заметить, что интенсивность связи между голосованием за кандидатов и явкой существенно возросла, особенно на юге Тюменской области. По мнению Д. Б. Орешкина, электоральная управляемость задается не столько федеральным центром, сколько региональными элитами. Центр лишь задает мотивационную систему для региональных элит и старается обеспечить консенсус, ставит задачу, а на местах ее решают в меру

собственного разума [4]. Аналитики сходятся во мнении, что на повышение явки работают власти всех уровней. В период правления Б.Н. Ельцина, если губернатор обеспечивал нужный результат федеральных выборов, то центр поддерживал его на собственных выборах, если же результат оказывался неудовлетворительным – тогда против него начиналась PR-кампания [2, с. 140]. В современных условиях, когда главы регионов не избираются, а назначаются из центра, их статус и карьера больше не зависят от местных элит и местных избирателей, а только от одобрения или осуждения Кремля. Поэтому многое зависит от того, какие результаты на выборах показывает регион губернатора.

Подводя итог, можно сказать, что по югу Тюменской области наблюдается несоразмерно высокая явка избирателей, несоразмерно высокая «монолитность» голосования, отсутствие нормального и устойчивого распределения избирательных комиссий в зависимости от явки избирателей. Среди субъектов УрФО Тюменская область с округами отличается большей асимметричностью распределения участковых избирательных комиссий, следовательно, и большим масштабом управляемости. Наибольшее число участковых комиссий с аномальной явкой (95–100%) приходится на сельские районы юга Тюменской области. В данном случае значимым фактором электорального поведения будет являться фактор урбанизации. В городах нет «стандарта участия» по принципу «так принято» и меньше возможности применения механизмов воздействия со стороны региональных элит. Тем не менее, несмотря на городскую культуру, в городах юга области также применяется административный ресурс, хотя и не столь активно.

1. Ахременко А. С. Электоральное участие и абсентеизм в российских регионах: закономерности и тенденции [Текст] / А. С. Ахременко // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12, Политические науки. – 2005. – № 3. – С. 95–113.

2. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты [Текст] / О. В. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.

3. Ниворожкина Л. И. Теория статистики (с задачами и примерами по региональной экономике) [Текст] / Л. И. Ниворожкина, Т. В. Чернова. – Ростов н/Д: «Мини Тайп», «Феникс», 2005. – 220 с.

4. Орешкин Д. Мы нашли, где прячется административный ресурс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/91/00.html> (дата обращения: 13.04.2008).

5. Парамонов, Д. О. Методы фальсификации выборов [Текст] / Д. О. Парамонов, В. В. Кириченко. – М.: Южно-Российский институт информационных технологий, 2003. – 76 с.

6. Туровский, Р. Ф. Электоральный конформизм в России и его география / Р. Ф. Туровский // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12, Политические науки. – 2007. – № 2. – С. 109–110.

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ПРАВСТВЕННОСТИ В ВОЗЗРЕНИЯХ С. А. КОТЛЯРЕВСКОГО

УДК 340.15

А. В. ЛАПАЕВА

С. А. Котляревский относился к представителям либерального направления в государственоведении конца XIX — начала XX вв. Совместно с теоретиками российского конституционализма В. М. Гессеном, М. М. Ковалевским, Ф. Ф. Кокошкиным он выступал против бюрократизации публичной власти, отстаивал идею правовой государственности, поддерживая конституционный путь развития страны.

В концепции С. А. Котляревского особое значение приобрела проблема соотношения конституционного государства, власти, права и нравственности. Помимо сравнительно-исторического освещения функциональных аспектов реализации идей господства права, правовед уделил значительное внимание таким фактам, как процессуальные вопросы властвования и подчинения, типология, формы, сущность, происхождение государства и права.

Идея правового государства стала стержневой в творчестве известного государственоведа. В его концепции государство являлось главным участником правоотношений, субъектом властвования: «Государство неизбежно должно быть понимаемо как субъект права» [3, с. 7]. Оно представляло собой сложную организацию, состоявшую из различных частей. Каждое образование относилось к определенной категории в зависимости от того, насколько в нем был развит тот или иной элемент: централизация или децентрализация, номинальное или мнимое представительное правление, полное разделение властей или их слияние в едином органе. По мнению ученого, объединяя политические образования по указанным особенностям в соответствующие группы, можно получить не просто их классификацию, а материал, позволяющий предугадать процессы, господствующие в конкретном государстве [3, с. 8].

С позиций философской доктрины государство включало в себя человеческое общество, в котором существовала политическая дифференциация между правящими и управляемыми. Ядром данного сообщества, по Котляревскому, выступала политическая

власть, имевшая единую, насильственную природу [2, с. 51].

Определение государства, предложенное С. А. Котляревским, было близким к той трактовке, что дает современная государственоведческая наука. Государство рассматривается с позиций организации политической власти, содействующей преимущественному осуществлению конкретных классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и других интересов в пределах определенной территории.

В вопросе о происхождении государства С. А. Котляревский отстаивал идеи Л. Гумпловича — австрийского юриста, представителя социологического направления в государственоведении, считавшего основной причиной возникновения государства завоевание, насилие, порабощение одних племен другими. Основная мысль Гумпловича заключалась в том, что исторический процесс являлся прообразом расовой междоусобицы, а государство выступало в качестве аппарата насилия, с помощью и в рамках которого раса, одержавшая победу в напряженной борьбе, удерживала у себя в услужении побежденную категорию [2, с. 32].

Котляревский воспринял основной тезис Гумпловича о том, что насилие, творимое сильными племенами по отношению к слабым, взорвало родовое общество и вызвало на свет государство, отмечая: «всюду оно (государство) слагается в стихии внешнего или внутреннего насилия» [2, с. 32].

С. А. Котляревским была разработана оригинальная типология государств, в которую входили такие виды, как теократическое, государство античного мира (Рим и Греция), средневековое, абсолютистское (бюрократическое). Пятым типом стало конституционное государство, как одна из форм реализации государства правового. «Для нашего времени, — писал Котляревский, — правовое государство осуществимо в тех пределах, в каких оно вообще осуществимо, через конституционный строй» [2, с. 235].

В современной науке о государстве существуют, по крайней мере, два подхода в определении типов государств: форма-

ционный и цивилизационный. В рамках первого главным критерием выступают социально-экономические признаки. Именно производственные отношения, по мнению основоположников данного подхода К. Маркса и Ф. Энгельса, являлись решающими факторами общественного развития. В зависимости от типов экономического базиса выделялись такие виды государств, как рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический. Как правило, именно этот подход считается основным, однако его значение не следует преувеличивать. Для подлинно научной типологии государств следует использовать его совместно с цивилизационным.

В рамках цивилизационного подхода основными критериями выступают культурные, национальные, религиозные признаки. По мнению сторонников данного направления (А. Тойнби, М. Вебер), цивилизация представляла собой замкнутое и локальное состояние общества, отличавшееся общностью религиозных, национальных, географических признаков. В данной связи выделялись такие цивилизации, как китайская, западная, православная.

Типология государств, представленная С. А. Котляревским, строилась на основе сочетания цивилизационного и личностного подходов.

Исследовать сущность государства невозможно без обращения к истокам властвования и подчинения. По Котляревскому государственная власть представляла собой совокупность переживаний со стороны подвластных и необходимость управления ими лиц, находившихся у власти. Конструкцию властеотношений государствовед строил под влиянием ницшеанской «воли к власти», рассматривая ее в качестве главного элемента природы государственной власти [2, с. 16].

Действительно, исследование воззрений Котляревского позволяет говорить о его увлечении идеями Ф. Ницше, вместе с тем, государствовед так и не воспринял до конца учение о господстве и подчинении. Аристократическая воля к власти, по Ницше — это инстинкт подъема, воля к жизни; рабская воля к власти — инстинкт упадка, воля к смерти, к ничто. С. А. Котляревский не классифицировал волю к власти на волю господ и рабов, а указывал на наличие захватных устремлений в психике каждого человека, независимо от его социального положения. «Несомненно, — писал

он, — человеку присущи вместе с переживаниями зависимости и эти захватные устремления, и под их совместные действия слагается столь нам привычное и столь загадочное осуществление власти» [2, с. 17].

В трактовке С. А. Котляревского воля к власти — это несомненная психологическая реальность: «власть, с одной стороны — одна из величайших ценностей человеческого развития, а, с другой — непреодолимый соблазн». Исследователь отмечал, что власть — это не только психологическая необходимость, она способна стать великой культурной ценностью, однако в ее основе всегда будет присутствовать зародыш полного порабощения [2, с. 27].

Следовательно, основной задачей должен оставаться поиск такой организации, в которой человек, повинаясь власти, покорялся своей воле, где зависимость и свобода не рассматривались в качестве противоположных явлений. Это стало причиной возникновения неотчетливого, часто даже не всегда сознательного запроса на противовес власти, ее ограничение, образцом которого стало конституционное государство, где власть приобретала новые черты: «Государство по своей организации... обнаруживает глубокую перемену в характере власти..., последняя все более рассматривается как нечто существующее не ради самой себя, а ради тех заданий, которые во всех областях поставлены перед государством» [2, с. 19].

С. А. Котляревский являлся представителем естественно-правовой теории происхождения права, основоположники которой (Т. Гоббс, Дж. Локк) считали, что право возникло на уровне правового сознания подвластных как противовес необузданной государственной силе, в качестве ограничительного барьера на пути к ее произволу. В своей концепции исследователь обосновал положение о самостоятельном происхождении права, отмечая, что государственное признание не представляло собой первичный источник права. Содержание правовых требований, как и сама их обязанность, воспринималось государством из окружающей социальной среды. Право по отношению к государству являлось «гетерономным» явлением, их источники были различны [2, с. 33].

В государстве, по мысли Котляревского, воплощалась всеобщая воля, а в праве — всеобщее сознание. Закон и иные источники права служили для его оформления,

выражения. Отсюда становилось очевидным, что он не сводил право исключительно к закону, государственной воле, тем самым отстаивая идею о происхождении права как самостоятельном явлении по отношению к государству, о неспособности государства творить право и определять содержание его норм.

Позитивное право представляло собой подвижное явление, постоянно совершенствовавшееся, изменявшееся. Оно должно было соответствовать представлениям человеческого разума о справедливости.

С. А. Котляревский выступал представителем историко-правового направления в методологии, оформившегося под названием «возрождение естественного права», сторонники которого (В. М. Гессен, Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Новгородцев) отстаивали необходимость критического анализа позитивного права, отмечали связь правового просвещения с проблемами этики и морали [7, с. 58].

Исходным тезисом теоретических настроений Котляревского было утверждение о самостоятельном возникновении права и власти: «Власть не создала права, но и она не создана им» [2, с. 82]. Котляревскому государству представлялось в виде квалифицированной власти, он не признавал за государством способности творить право, в чем проявлялась либеральная направленность его политико-правовой теории.

С. А. Котляревский отмечал, что «государство и право возникли и выросли в тесном взаимодействии, они равноправны, однако имели самостоятельное происхождение. Так, государство представляло собой воплощение всеобщей воли, а право — выражение всеобщего сознания», их задачи не были тождественными, но отчасти они дополняли друг друга. Власть и право — это две стихии государства, хотя и не в одинаковой степени первоначальные. В данной связи можно воспользоваться обычным сопоставлением права и государства, помня, что сущность государства — это все же особым образом квалифицированная власть [2, с. 34].

Представители современной науки рассматривают государственную власть в качестве разновидности социальной власти, под которой понимают присущее всякой общности людей отношение господства и подчинения между субъектами, опирающееся на принуждение. В данной связи по-разному трактуется соотношение категорий «государственная власть» и «политическая власть».

С одних позиций государственная власть считается более узкой категорией, чем политическая власть, которая осуществляется не только государством, но и другими звеньями политической системы: органами местного самоуправления, партиями, общественными организациями. Представители другой точки зрения полагают, что понятия «политическая власть» и «государственная власть» тождественны, в связи с тем, что первая исходит от государства и реализуется не иначе, как при его непосредственном участии.

Итак, государственная власть представляет собой публично-политическое отношение господства и подчинения между субъектами, опирающееся на государственное принуждение. В концепции С. А. Котляревского власть рассматривалась в широком смысле. «Власть, конечно, подчинялась праву и закону, но когда она это делала, то руководствовалась собственным интересом: право представляло собой лишь хорошо понятую политику государственной власти» [2, с. 39]. Изначально норма носила индивидуальный, односторонний характер, затем она приобретала двустороннюю силу: сама государственная власть, создававшая эти нормы, им повиновалась.

Определение права связывалось с разумной политикой силы. Котляревский писал, что, вводя правовые ограничения власти, можно было сделать ее объективно прочной как для себя, так и для преемников, однако весьма часто, соглашаясь на это, ее носители испытывали только чувство зависимости, умаления того, что им принадлежало. В соответствии с этим власть рассматривалась как нечто «свое», выходящее за установленные рамки [2, с. 41].

Идеи конституционного и правового государства вызвали на рубеже XIX–XX вв. устойчивый интерес в ученой среде. Лейтмотивом трудов специалистов-государствоведов служила мысль, высказанная в 1892 г. известным теоретиком государственного права Н. М. Коркуновым: «В настоящее время нет вопроса более настоящего, более неотложного, требующего реформы, как вопрос об обеспечении за русским обществом прав гражданской свободы» [1, с. 316].

В истории правовой мысли дореволюционной России С. А. Котляревский зарекомендовал себя как убежденный либерал и сторонник правового государства. В продолжение идеи, высказанной Коркуновым,

он отмечал, что «без политической свободы не могут расти ни материальные, ни духовные силы России» [4, с. 353]. Исследователь рассматривал исторический процесс развития государств сквозь призму идеального типа правового государства и видел движущую силу истории в стремлении воплотить в жизнь принцип верховенства права. Это стремление человеческого духа, по его убеждению, «... проходило через века, как искание права... — то заглушаясь, то поднимаясь, никогда не умирая: умирают и обречены лишь те политические и общественные формы, в которых оно воплощалось» [2, с. 332].

Под конституционным государством С. А. Котляревский понимал такую политическую форму, при которой «всей совокупности народа принадлежит политическое самоопределение», т. е. возможность народа активно влиять на ход политической мысли, возможность, определенную законом. Одна из основных предпосылок правового государства ему виделась в «относительной независимости права от государства» [3, с. 23].

Решительно выступая против попытки отождествления конституционного и правового государства, предпринятой некоторыми иностранными и российскими государствоведом (В. М. Гессен, Н. И. Лазаревский, Ф. Ф. Кокошкин), С. А. Котляревский отмечал, что правовое государство «выражает только известный уклон, устремление, запечатлевшееся в государственном строении и деятельности. Правовое государство относится к миру идей, но идей, неизменно осуществляющихся и преобразующих факты» [2, с. 301]. В этом смысле нельзя поставить знак равенства между ним и государством конституционным. Правовое государство осуществимо только через конституционный строй [5, с. 34].

Разграничивая понятия конституционного и правового государства, исследователь уделял особое внимание характерным чертам, отличавшим данные явления. Так, к основополагающим признакам конституционного государства относились народный суверенитет, представительное правление, федерализм, разделение властей, права и свободы человека и гражданина. Важнейшими компонентами правового государства считались справедливость, господство права, законность, правопорядок.

В трактовке С. А. Котляревского установление конституционно-правовых начал не решало проблемы по формированию правового

государства. Исследователь отмечал, что правовое государство не тождественно с конституционным, хотя «осуществление конституционного строя представляло собой его необходимую предпосылку» [2, с. 118].

Однако этим не ограничивалась теоретическая постановка проблемы правового государства у Котляревского. Находясь под влиянием идей П. Н. Новгородцева, изложенных в работе «Кризис современного правосознания», он провозглашал: «... проблема правового государства не может теперь плодотворно ставиться с одной непосредственной верой во всемогущество права и учреждений» [2, с. 118]. С. А. Котляревский в своем стремлении дать адекватную требованиям времени трактовку правового государства неоднократно обращался ко все тем же метаюридическим, априорным началам. Справедливость, любовь, возвышенная до благодати — вот те принципы, которые смогли бы, по его мнению, преобразовать конституционное государство в истинное правовое. Обращение к названным категориям показывало, что Котляревский был сторонником «возрожденного естественного права» в религиозно-этическом варианте.

Апелляция к религиозно-этическим началам стала для Котляревского той теоретической связкой, при помощи которой он старался преодолеть различие между конституционным государством и государством правовым, синтезировать в единое целое формально-юридический, социологический и аксиологические подходы. «Верховенство закона, по Котляревскому, это одно из условий воплощения правового государства в жизнь. Государство должно быть правовым, потому что оно должно быть справедливым» [2, с. 348].

В основе справедливости лежали представления о достоинстве человеческой личности в свете религиозного сознания о том, что человек — это венец природы. Конечной точкой назначения являлась провозглашенная христианством любовь, возвышенная до благодати. Это те принципы, постепенное осуществление которых в позитивном праве, привело бы, по мнению Котляревского, к преобразованию конституционного государства в правовое. Однако достижение указанной цели представлялось государствоведу невозможным ввиду того, что это мираж, идеал, к которому необходимо стремиться: «В конце концов, правовое государство выражает известный уклон, устремление, запечатлевшееся

в государственном строении и деятельности. Правовое государство относится к миру идей, но идей, неизменно осуществляющихся и преобразующих факты... Смысл его совершенно метаюридический» [2, с. 350].

Согласно концепции Котляревского, «правовое государство играло роль идеального задания, а его принципы (справедливость, законность) — путеводных звезд, которым должно было следовать человечество в поисках права справедливости» [2, с. 415]. В своей теоретической концепции С. А. Котляревский обращал особое внимание на необходимость расширения социальной функции правового государства. Его представления можно квалифицировать как концепцию религиозно-этического, социального правового государства.

Правовое государство, по Котляревскому, представляло собой понятие метаюридическое, в отличие от государства конституционного, которое умещалось в рамки юридического анализа, устанавливающего отчетливую грань между государством конституционным и абсолютным. Юридически конституционным признавалось всякое государство, в котором народное представительство участвовало в осуществлении законодательной власти [2, с. 207]. В данной связи верховенство закона определяло собой господство общих норм, только общность закона обосновывала равенство перед ним.

В итоге С. А. Котляревский указывал, что правовое государство не могло существовать без осознания гражданами ценности права, борьбы за него [2, с. 308].

Таким образом, во взглядах на происхождение государства Котляревский придерживался разработанной австрийским юристом, представителем социологического направления в государствоведении Л. Гумпловичем теории насилия, согласно которой причина возникновения государства коренилась в войне различных рас друг с другом, стремлении одних племен подчинить себе другие, поработить их. Давая общее

определение государства, С. А. Котляревский отождествлял его с человеческим сообществом, в котором существовала политическая дифференциация на правящих и управляемых. Государство рассматривалось им в качестве двигателя общественного прогресса и субъекта властвования.

По мнению С. А. Котляревского, государство и политическая власть находились в тесном органическом единстве. Государство представляло собой не только форму организации политической власти, но и выступало в качестве ее непосредственного носителя, выразителя. Сущность власти, по Котляревскому, заключалась в наличии переживаний, стержнем которых выступало, с одной стороны, чувство зависимости со стороны подвластных, а с другой — воля к власти, проявляемая правящими.

В своих воззрениях на право С. А. Котляревский придерживался естественно-правовой теории, являлся представителем направления возрожденного естественного права. Право, с его точки зрения, возникало на уровне правового сознания подвластных, как противовес необузданной государственной силе, ограничительный барьер на пути ее произвола. В государстве Котляревский усматривал воплощение всеобщей воли путем организации управления, а в праве — всеобщего сознания в отношении соблюдения норм, закрепленных в законе.

Анализируя понятия «конституционное государство» и «правовое государство», Котляревский разделял их, отмечал, что конституционное государство представляло собой такую политическую форму, которая обеспечивала политическое самоопределение народа, а правовое выражало только известный уклон, устремление к господству права, высшую фазу реализации идеи конституционного государства, идеал, к которому надлежало стремиться. В концепции Котляревского конституционное государство выступало предпосылкой по отношению к правовому.

1. Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб. 1892. Т. 1.
2. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.
3. Котляревский, С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки Основных Законов [Текст] / под ред. В. А. Томсинова. М., 2004.
4. Котляревский С. А. Партии и наука // Полярная звезда. — 1906. — № 5 (12 января).
5. Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1993.
6. Общественная мысль России XVIII — начала XX вв. : Энциклопедия [Текст]. М., 2005.

ИМПЕРАТИВ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII–НАЧАЛА XX ВВ.

УДК 340.9

Н. И. КРАСНЯКОВ

Возрастающий интерес к проблематике государственного управления, в частности, к имперской парадигме в позитивации общественных институтов все чаще проявляется в исследовании интеграции наций-этносов завоеванных территорий, инкорпорации местных правовых систем в общее право Российской империи и преодолении обычно-правового партикуляризма, встраивания самобытного административного строя периферии в унифицированную систему правительственных учреждений, наконец, во взаимоотношенности формирования имперских политических структур сочетанием интересов населения-власти окраинных регионов и центра.

Значимость обозначенного вопроса актуализирована еще и тем фактором, что относительно Российской империи имеются свои особенности политико-правовых процессов, в частности, отдельные ученые на основе анализа-сопоставления противоречивых друг другу мнений государствоведов Кавелина и Самарина приходят к выводу, что «сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как – самодержавной республики» [10, с. 353]. Думается, в некоторой степени такое убеждение небезосновательно, тем более, что синкретический подход к пониманию власти сохранялся до нового времени, и, как отмечает известный государствовед В. Е. Чиркин, лишь с европейских писателей-утопистов начинает разделяться власть сверхъестественных сил, природных факторов, людей-героев и общественная власть [14, с. 39], т.е. за этим рубежом трансформируется подход и содержание в имперской государственности, приобретает ее западноевропейское восприятие. Однако в классической римской империи по мере утраты единого национального мировоззрения власть императора становилась все более «самородной», а как показывает

история народов, недолговечность всех государств самовластительского типа известна. Эволюционируя, верховная власть теряет возможность исполнения своих важнейших функций: наблюдения, контроля и общего направления дел с национальной точки зрения, поскольку она погружается бюрократией исключительно в дела управления» [12, с. 376]. Итак, прослеживая развитие государственной власти в имперскую форму, необходимо отметить, что воля монарха с течением времени перестает быть идентичной интересам различных социумов этого большого политико-территориального образования. В целях удобства управления огромными территориальными пределами имперских государств бюрократия нивелирует самобытность этносов, консолидируя лишь общегосударственные дела, проявляя свою приспособляемость и способствуя сначала потере связей согласования-координации, а в дальнейшем и господства-подчинения субъектов социума в механизме государства. В конечном итоге без этой опоры объединенное империей общество перестает существовать, а государство вступает в полосу кризиса, слома экономических и социально-политических конструкций. Поскольку устойчивость обозначенных связей определяется жизнеспособностью обычных общественных институтов и традиционностью духовной сферы общества и императорского статуса, то, на наш взгляд, восточные империи оказывались долговечнее по причине этого тормозящего фактора развития имперской государственности.

Следуя сочетанию цивилизационного и формационного подходов к государственности, четко видим, что империя – результат постепенного преобразования восточной деспотии, а потому история знает разные типы отношений между империями и входящими в них этническими общностями. Были империи, навязывающие своим подданным культуру носителей власти; в других –

победители принимали культуру побежденных; бывали империи, старавшиеся из уважения к чужим обычаям не посягать даже на откровенно варварские местные пережитки, но неизменным в имперском политико-территориальном устройстве остается одно: сосуществование представителей многих этносов в единой системе власти и закона. В классической империи полиэтническое общество имеет четкую иерархическую структуру (причем заметим, множество иерархий – в социуме, государстве, праве – Н. К.), на вершине которой расположен империиобразующий народ, в руках которого находится власть (нераздельный *imperium*), – ремарка, в качестве обобщения идей современного исследователя В. К. Кантора [2].

Значение необходимости однозначного уяснения категории «нация» в становлении имперских компонентов государственности особенно подчеркивается вследствие возрастающих столкновений в ее пределах государственно-правовых, культурно-религиозных, языковых интересов составляющих ее социальных субъектов по мере усиления интеграционных процессов. Отметим, например, мнение Герфрида Мюнклера, подчеркивающего неоднозначность объединительных явлений – для империй почти всегда от центра к периферии существует интеграционный спад, с которым связаны и неравные возможности соблюдения правовых обязанностей и влияния на политику центра. Факторами влияния в данном процессе оказываются геополитические и геоэкономические, но при этом решающую роль для взлета или падения империи могут играть незаметные факторы военного превосходства [9, с. 90–95]. Говоря на этом фоне о роли национально-этнического компонента империи, специалист исходит из того, что в литературе постоянно подчеркивается мультиэтнический и соответственно многонациональный характер империй. Но, отмечает исследователь, «значимость этой характеристики проблематична, поскольку, с одной стороны, она тривиальна – ибо обширные державы неизбежно охватывают многие этнические и соответственно национальные общества; с другой стороны, в конечном счете, распоряжается имперский центр по принципу «разделяй и властвуй». Как видим, не очевидна связь динамического построения имперской системы в контексте формирования национальной идентификации социализирующегося этноса, то есть своеобразия соотношения элементов много-

факторной конструкции социально-политической системы территории-населения служит основной перераспределения сил в становлении империи – либо усилиями центра, либо отказом окраин от своей самобытности и влияния на общеимперские власть-закон и постепенное их инкорпорирование в единый механизм мегахосударства.

В этой связи ценным в понимании специфики конфигурации национально-этнической подсистемы в российской империи являются утверждения видного русского правоведа И. Андреевского о том, что российское государство представляется отличным от западно-европейских государств. Ученый подчеркивает, что народ русский, образовавшийся из соединения племен славянских, финских и латышских, в своем государственном развитии подвергался влиянию совершенно других начал, – «не на развалинах римского мира, и римские начала потому не имели на русскую жизнь прямого и непосредственного влияния» [1, с. 37]. Вследствие этого в формирующейся Российской империи складывались новые государственные формы и юридические начала, а в качестве опыта занимаемые из развившихся совершенно иначе западно-европейских государств не прилагаются к действительности, остаются формальными, а общество продолжает жить как прежде, по народному праву. Что и наблюдается при сохранении Россией местных «привилегий» при присоединении Малой России в XVII в., западных территорий в XVIII в., а также в XIX в. финляндских, польских и кавказских земель, что в конечном случае определило закрепление в законодательстве автономистской традиции российской государственности. Очевидно, поэтому при характеристике интеграционных явлений и типов союзных государств – *Staatenbund* (Германский союз) и *Bundesstaat* (Североамериканские штаты и Швейцария), ученый не называет вообще как отдельное образование «империю» и не относит к другим союзам Российскую империю [1, с. 41]. Итак, из анализа вышесказанного возникает сомнение относительно предопределенности динамики имперского государства, во-первых, национальным контекстом общественного развития, во-вторых, проявившимися имперскими схемами древнего Рима или средневековой Европы, в-третьих, силой лишь имперского центра.

Ввиду сложившегося взгляда на категориальный аппарат интеграции новых пространств и населения рассмотрим сущность нации как социальной структуры и общности.

Как известно, существуют разные понятия нации, одно из них — политическое, nation state (государство-нация), другое — этническое. В современном понимании, нация — это совокупность граждан, которые в независимости от своей религиозной, этнической или расовой принадлежности обладают равными политическими, гражданскими, экономическими и социальными правами и избирают свое правительство. Выходит, нация — это не всегда этап в развитии этноса, тем более, что в мире не существует моноэтнических государств. Неоднозначен и ответ на вопрос, существуют ли в империи нации и складывается ли единая нация, например российская. Думается, новаций быть не может — отдельная российская нация в имперский период не формируется, так как различные этнические и религиозные группы обладали неравным объемом прав и обязанностей. Связь понятий «нация» и «государство» отражена в ложной категории «нация-государство». Согласимся с В. А. Тишковым, что нации возникают не в тот момент, когда сформируется некая социально-культурная и языковая гомогенность, а что нация есть продукт идеологии национализма, причем идея должна распространиться на массовом уровне, — такой подход является господствующим в мировой науке [13, с. 574]. Безусловно, необходимо учесть в данной проблематике замечание Э. Хобсбаума, что «слово *nation* до 1884 г. обозначало попросту «совокупность жителей страны, провинции или королевства», а также «иностранца» [15, с. 26].

Итак, соотношение империи и мононационального государства будет различным, в частности, имперское общество может и не являться обществом многонациональным, а многонациональное общество может и не быть имперским. Такой подход и получил распространение в науке: империя представляет собой систему дифференцированного управления другими образованиями, а национальное государство, по крайней мере, в теории, предполагает одинаковое обращение со всеми составляющими нации. Методологически выверен принцип, что отношения граждан нации, равных перед законом, со своим государством отличаются от отношений между империей и ее подданными [11, с. 39]. Империя может и должна охватывать собой много несхожих между собой традиций и жизненных укладов, при этом она не столько уравнивает их с неким средним уровнем, сколько создает разнообразные механизмы управления и адаптации к местным традициям. Если в одном отношении

главенствует необходимая унификация, то во многих других должна присутствовать сложность. В качестве выводов зарубежных исследователей нужно подчеркнуть, что все евразийские империи в то или иное время были восприимчивы к внешним культурным влияниям, и даже встречаясь с потенциально деструктивными влияниями двойной революции, часть правящих элит и отдельные правители предпринимали попытки органично включить новые институты или течения мысли в господствующую культуру [6, с. 45]. В частности, власть усложняется и трансформируется в направлении увеличения представительства подданных, а, как отмечено еще в начале XX в., «всякое усиление законодательной власти над исполнительной есть благо, ибо это усиление власти, непосредственно вытекающей из суверенитета» [3, с. 343].

По нашему убеждению, говорить об имперской схеме управления стоит тогда, когда в единое целое приходится интегрировать несколько разных политических систем, образов жизни, традиций права, религиозных конфессий и так далее. То есть империя — это институт, характерный для той или иной стадии существования традиционного общества, это механизм, с помощью которого поддерживается существование нескольких разнородных жизненных укладов, на которые, без их разрушения, не может быть наложена слишком жесткая схема организации общественной жизни. Подобные суждения содержатся и в актуальных сегодня исследованиях, например, А. Мотиль настаивает, что под империей нужно понимать иерархически организованную политическую систему [8, с. 13]. Сам механизм имперской интеграции может быть разным — от постепенной унификации (хотя бы в основных установлениях как в римской и французской имперских практиках) до поддержания под единым суверенитетом всего конгломерата традиций — как в эллинистическом и британском варианте. А потому, отмечая различность подходов к определению категории «нация», подчеркнем для обособления идею, что источником подлинного имперского типа государственности выступает именно многоукладность, причем не отрицается и многонациональность. В этом случае можно сказать, что нация сформирована социальной историей, а этнос органичен и, следовательно, общее территориально-законодательное устройство этносов — это империя. И потому можно утверждать, что империя создает правовое

пространство, устанавливая общую, наднациональную цель и предлагая общее, наднациональное ассиметричное, с несколькими «вертикалями власти» политическое бытие для всех народов, если не сводить империю к деспотии. При этом, как замечает известный исследователь А. И. Миллер, не столько сложившиеся нации-государства имперского ядра создавали империю, сколько империи создавали в своем ядре нации-государства [7, с. 334]. По нашему мнению, в общем итоге необходимо констатировать, что империя создается соотношением между традициями, ценностями, установками входящих в нее исторических — территориальных, этнических и т.п. — групп и той общей системой политических и правовых иерархий, в которую интегрируются эти группы, лишаясь суверенности [5]. Причем сама этимология слова «империя» указывает, что в основе интеграции лежит подчинение этих групп единой власти, от которой исходят указанные нормы.

Исследуя имперский дискурс российской государственности, традиционно обратимся к анализу национального фактора в ее эволюции, причем отметим, что начальный процесс объявления России империей Петром I выразился в институционализации имперских политико-территориальных компонентов через столетие — лишь в первые два десятилетия XIX в. — «века наций» в Европе. Соответственно в силу существенного влияния геополитических реалий на внутреннюю политику российских монархов, выразившуюся в позитивном обособлении национальных территорий и отсутствии «народной колонизации» русскими западных и южных регионов государства, социально-этническая составляющая требует осознания и в России. Преобладает точка зрения, что русские не делали различия между империей, национальным государством и нацией, а потому для русского национализма, как для французского, британского или испанского, стремление к консолидации нации вовсе не стояло в непримиримом противоречии со стремлением сохранить и по возможности расширить империю [7, с. 335]. При всех своих проблемах в XIX в. российская империя продолжала территориальную экспансию, сохраняя такой стабильный уровень военной мощи и экономического потенциала, который делал иностранное вмешательство и распад империи скорее гипотетическими угрозами.

Итак, считать обусловленность имперской конфигурации государства эволюцией только

национально-этнических свойств социума было бы неверным в силу даже уже обозначенных признаков имперской конструкции. В каждом отдельном случае стоит рассматривать, какие части имперских государств оказывались достигшими и способными к самостоятельности по национально-этническому свойству формирующимися политико-территориальными единицами в едином политико-правовом пространстве [4]. В ходе обобщения места и роли народонаселенческого свойства Российского государства империя как форма организации социального сообщества этносов и наций далека по своим содержанию и форме от идеала, а потому следует считать аксиомой, что сохранение территорий, компактно населенных народами разного происхождения и вероисповеданий и находящимися на разных уровнях культурного и экономического развития, часто с собственными традициями государственности, рано или поздно приводит к возникновению движений за национальную автономию, а потом и за независимость. При этом на определенном этапе имперская форма государства позволяла обеспечивать единство общества, безопасность народов, ликвидацию анархии и способствовала мобилизации ресурсов и созданию благоприятных условий для развития экономики, социальной и культурной модернизации. То есть в качестве доминирующего, структурообразующего фактора в империи выступает политический контекст, и в случае классических империй-конгломератов (объединения разнородных этносов в основном военным путем), и относительно империй-иерархий (объединение народов с разным уровнем соподчиненности), стержневым их качеством соответственно остается государственное управление общими делами и конфликтами. Считаем, что при исследовании имперского управления следует учитывать контекст регионализма, определяемого как принцип институциональной организации адекватных конкретному жизненному пространству политических и административных структур, социокультурных и экономических институтов, призванных эффективно и действенно, с учетом специфики данного пространства, управлять общественными процессами. Реализуемый в Российской империи синтез центростремительных и центробежных сил существенно снижал синдром отчуждения между территориальными единицами и обеспечивал относительно автономное существование многочисленных социальных,

этнических и других групп, способствуя их лояльному сотрудничеству.

Систематизируя вышесказанное, представим некоторые общие суждения как итог исследовательской работы. Итак, в имперских государствах бюрократия консолидирует лишь общегосударственные дела, тем самым способствуя потере связей согласования-координации, господства-подчинения субъектов социума в механизме государства, отчего, в конечном счете, постепенно ликвидируются конфессионально-этнические различия и условия нациестроительства, а потому объединенное империей общество самой собой постепенно перестает существовать, и государство вступает в полосу слома экономических и социально-политических конструкций. При этом только

жизнеспособность обычных, традиционных прогрессирующих общественных институтов и преемственность-традиционность духовной сферы общества могут тормозить этот кризис. Будем придерживаться убеждения, что проблематично определять динамику империостроительства национальным контекстом общественного развития, поскольку империя охватывает несхожие между собой иерархии, при этом не столько уравнивая их к некоему среднему уровню, сколько создавая разнообразные механизмы приводя и адаптации к местным традициям. А потому к империи применим «триединый» методологический подход, включающий компоненты «специфика-единство-управляемость», положенный в основу государственно-регионалистского управления.

1. Андреевский И. Е. Русское государственное право. Т. 1. — СПб. — М., 1866. — 500 с.
2. Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса: к проблеме имперского сознания в России. — М.: Росспэн, 2008. — 541 с.
3. Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. — М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. — 428 с.
4. Кодан С. В. Территориально-законодательное устройство Российской империи (1800–1850-е гг.) // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. — Екатеринбург, 2001. — С. 45–56.
5. Красняков Н. И. «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII — начало XX вв.) [Текст] / Н. И. Красняков. — Екатеринбург, 2006. — 240 с.; Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII — начале XX вв. Закрепление автономистской традиции в российской государственности [Текст] / Н. И. Красняков. — Екатеринбург, 2009. — 208 с.; Организация управления кавказскими территориями Российской империи (XVIII — начало XX вв.): обзор и основные законодательные акты [Текст] / Н. И. Красняков. — Екатеринбург, 2009. — 184 с.
6. Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода [Текст] / Марк фон Хаген // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. — М.: Новое издательство, 2005. — С. 38–62.
7. Миллер А. И. Русский национализм в империи Романовых [Текст] / А. И. Миллер // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2007. — С. 324–347.
8. Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств [Текст] / А. Мотыль. — М.: МШПИ, 2004. — 248 с.
9. Мюнклер Г. Империи. Логика мирового господства — от Древнего Рима до Соединенных Штатов [Текст] / Г. Мюнклер // Прогнозис. — 2006. — № 1 (5). — С. 84–102.
10. Пивоваров Ю. С. Русская история как «русская идея» [Текст] / Ю. С. Пивоваров // Национальная идея: страны, народы, социумы / [отв. ред. Ю. С. Оганьсян]; Ин-т социологии РАН. — М.: Наука, 2007. — С. 349–354.
11. Суни Р. Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность» и теории империи [Текст] / Р. Г. Суни // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2007. — С. 36–81.
12. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. — 672 с. (издана впервые в 1905 г.).
13. Тишков В. А. Российская нация и ее критики [Текст] // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2007. — С. 558–601.
14. Чиркин В. Е. Государственное управление. Элементарный курс. — М.: Юрист, 2001. — 320 с.
15. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. Перевод с англ. А. А. Васильева. — СПб.: Изд «Алетейя», 1998. — 308 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

УДК 342

О.В. ДУБРОВИН

Политика российского государства в отношении муниципальной собственности определяется Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [1], в соответствии с которой для повышения эффективности политико-правовых институтов и обеспечения исполнения законодательства необходимо решение следующих задач:

- повышение эффективности управления государственным имуществом;
- сокращение объема имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности.

Основными проблемами, возникающими в сфере формирования и управления муниципальной собственностью, являются как недостаточное правовое регулирование отношений собственности, так и неэффективное управление муниципальным имуществом [7].

Согласно ст. 215 ГК РФ муниципальной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям.

Имущество, находящееся в муниципальной собственности, в соответствии с п. 3. ст. 215 ГК РФ, состоит из двух частей:

- имущество, закрепленное за муниципальными предприятиями и учреждениями во владение, пользование и распоряжение на праве хозяйственного ведения и оперативного управления;
- муниципальная казна — средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закрепленное за муниципальными предприятиями и учреждениями.

Одним из оснований разделения муниципального имущества, по нашему мнению, можно считать деление имущественной ответственности между муниципальным образованием и созданными им юридическими лицами по их долгам.

Понятие «казна» в ГК РФ имеет двойное значение. Так, согласно ст.ст. 214–215 ГК РФ, казна — это определенное государственное и муниципальное имущество, а в ст.ст. 1069–1071 ГК РФ о казне упоминается как о юридическом образовании, от имени которого выступают соответствующие финансовые органы, если

эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], именуемом далее по тексту «Федеральный закон № 131-ФЗ» в ст. 50 установлен перечень имущества, которое может находиться в собственности муниципальных образований.

В соответствии с п. 5 данной статьи в случаях возникновения у муниципальных образований права собственности на имущество, не предназначенное для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, для обеспечения деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, муниципальных служащих, работников муниципальных предприятий и учреждений либо не относящееся к видам имущества, предназначенным для решения вопросов местного значения, указанное имущество подлежит реперофилированию (изменению целевого назначения имущества) либо отчуждению. Порядок и сроки отчуждения такого имущества устанавливаются федеральным законом.

Хотя вышеназванная норма и предусматривает наличие федерального закона, регламентирующего порядок и сроки отчуждения имущества, на сегодняшний день такой закон не принят, что значительно затрудняет ее применение на практике.

Здесь же следует отметить, что ст. 50 Федерального закона № 131-ФЗ не препятствует муниципальным образованиям использовать установленные законом способы привлечения денежных средств и иного имущества для формирования доходов местных бюджетов, в том числе иметь имущественные права и получать дотации из иных бюджетов для решения вопросов местного значения, а также получать субвенции на осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, а потому не может рассматриваться как формирующая закрытый перечень видов муниципального имущества, не допускающая наличия в муниципальной собственности иного имущества, имеющего такое же целевое предназначение, что и имущество, названное в данной статье, и как нарушающая

конституционные полномочия муниципальных образований и гарантии муниципальной собственности. Об этом было прямо указано в п. 4.2 Определения Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2006 г. № 540-О [5].

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика, по сути закрепившая отказ от установления закрытого перечня имущества, которое может находиться в муниципальной собственности, противоречит концепции Федерального закона № 131-ФЗ и долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации.

Обратим внимание, что поскольку муниципальная собственность служит осуществлению компетенции муниципальных образований, это означает, что объекты муниципальной собственности (их конкретный перечень) в определенной степени зависят от вида муниципального образования. Другими словами, существует определенная взаимосвязь между вопросами местного значения, отнесенными к компетенции муниципальных образований, и имуществом, которое может находиться в их собственности.

Так, например, в собственности поселений, в отличие от муниципальных районов, может находиться:

- жилищный фонд социального использования для обеспечения малоимущих граждан, проживающих в поселении и нуждающихся в улучшении жилищных условий, жилыми помещениями на условиях договора социального найма, а также имущество, необходимое для содержания муниципального жилищного фонда;

- имущество, предназначенное для обеспечения первичных мер пожарной безопасности;

- имущество, предназначенное для сбора и вывоза бытовых отходов и мусора;

- имущество, предназначенное для организации благоустройства и озеленения территории поселения, в том числе для обустройства мест общего пользования и мест массового отдыха населения.

В свою очередь в собственности муниципального района, в отличие от поселения, может находиться:

- имущество, предназначенное для организации охраны общественного порядка на территории муниципального района муниципальной милицией;

- имущество, предназначенное для обеспечения общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, а также предоставления дополнительного

образования и организации отдыха детей в каникулярное время;

- имущество, предназначенное для оказания на территории муниципального района скорой медицинской помощи (за исключением санитарно-авиационной), первичной медико-санитарной помощи в амбулаторно-поликлинических, стационарно-поликлинических и больничных учреждениях, медицинской помощи женщинам в период беременности, во время и после родов;

- имущество, предназначенное для утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов;

- архивные фонды, в том числе кадастр землеустроительной и градостроительной документации, а также имущество, предназначенное для хранения указанных фондов.

Перевод объектов муниципальной собственности в другие формы собственности, а также их перераспределение между уровнями публичной власти и муниципальными образованиями зависит от финансового обеспечения управления и осуществления функций органов местного самоуправления. На практике имущество часто передается без выделения финансирования, что приводит к снижению эффективности его использования, а также качества и объемов предоставляемых услуг, их несоответствию утвержденным нормативам.

Экономическую эффективность деятельности муниципальных предприятий нужно определять на основе показателей экономической эффективности, таких как поступления в местные бюджеты части прибыли МУП, остающейся после уплаты налогов и обязательных платежей.

Показателем эффективности использования имущества может служить доля неналоговых доходов, основную часть которых составляют доходы от использования имущества, в доходах бюджетов соответствующего уровня [6].

Важность изменения статей доходов местных бюджетов — повышения доли налоговых поступлений и снижения неналоговых — определяется необходимостью развития экономики муниципальных образований за счет расширения налоговой базы, применения инновационных и нанотехнологий, создания инвестиционной привлекательности.

На уровне субъектов Российской Федерации новатором в этой области стало Правительство Челябинской области, создавшее Главное экспертное управление Челябинской области [3].

Главным экспертным управлением Челябинской области на сегодняшний день

с учетом сложившейся правоприменительной практики разработаны и направлены для использования в работе главам муниципальных образований Челябинской области такие алгоритмы действий как:

- изъятие земельного участка у недобросовестного землепользователя;
- перевод участков лесного фонда в иные категории для использования в рекреационных целях;
- действия по привлечению к ответственности лиц, самовольно захвативших земельный участок и/или самовольно осуществляющих застройку.

В целях более эффективного использования государственного и муниципального имущества, реформирования бюджетных учреждений был подготовлен и принят Федеральный закон от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [4], в соответствии с которым учреждения могут принимать формы: казенного, бюджетного или автономного учреждения, являющегося новым типом муниципального учреждения, обладающего большей финансово-хозяйственной самостоятельностью

и большой степенью ответственности за результаты своей деятельности.

Закон вступил в силу с 1 января 2011 года, за исключением ряда его положений, которые вступают в силу в иные сроки, и установил переходные положения в части порядка исполнения действующими бюджетными учреждениями своих обязательств, порядка финансирования бюджетных учреждений, их создания, преобразования и ликвидации.

Таким образом, объекты, находящиеся в муниципальной собственности, должны служить интересам социально-экономического развития муниципального образования, получения налоговых доходов в бюджет муниципального образования, развития экономического потенциала территории, с учетом различия вопросов местного значения отнесенных к компетенции муниципальных образований. Полагаем, что перечень объектов муниципального имущества можно привести в соответствие с вопросами, отнесенными к компетенции муниципального образования, основываясь на принципе его эффективного использования. Кроме того, органы местного самоуправления вправе самостоятельно решать, какие объекты муниципальной собственности требуются им для решения соответствующих вопросов местного значения, в пределах установленного перечня.

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 47. — Ст. 5489.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.

3. Об утверждении Положения, структуры и штатной численности Главного экспертного управления Челябинской области: Постановление губернатора Челябинской области от 20 января 2011 г. № 12 // Текст постановления официально опубликован не был.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений: Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 19. — Ст. 2291.

5. По запросу Правительства Самарской области о проверке конституционности статьи 1, частей 6 и 8 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статьи 50 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2006 г. № 540-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2007. — № 2.

6. Правовое регулирование имущественных отношений в соответствии с полномочиями органов местного самоуправления [Электронный ресурс]. — URL: <http://bujet.ru/article/40104.php> (дата обращения: 20.01.2012).

7. Резолюция круглого стола «О проблемах законодательного регулирования имущественных отношений в соответствии с полномочиями органов местного самоуправления» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.komitet4.km.duma.gov.ru/file.xp?idb=774753&fn=41.htm&size=42409> (дата обращения: 20.01.2012).

ФОРМИРОВАНИЕ И УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПОТРЕБНОСТИ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

УДК 347.254

С. И. СУСЛОВА

В основу большинства определений жилищных отношений положен тезис о том, что их существование предопределено необходимостью удовлетворения жилищных потребностей. При этом практически все исследователи обходят вниманием вопрос о том, что же следует под ней понимать. Вместе с тем выяснение данного вопроса представляется достаточно принципиальным по причине не только теоретической значимости (отсутствие определенности в терминологии не должно иметь места), но и с точки зрения решения многих практических задач (в первую очередь, по соблюдению баланса между правами различных лиц, проживающих в жилых помещениях).

Для раскрытия понятия «жилищная потребность» требуется обращение к термину «потребность». Характеристика потребностей, с одной стороны, не имеет принципиального значения для правовой науки в целом и цивилистики в частности, поскольку находится за рамками правоотношений. Именно поэтому проблеме потребностей уделяется огромное внимание экономическими, психологическими, социологическими науками, а вот правоведов, глубоко занимавшихся этим вопросом, не так уж и много. С другой стороны, потребность — это онтологическое начало права, одна из базовых ценностей права, наряду с жизнью, свободой, равенством и справедливостью. Потребность почти всегда начинает цепочку, иллюстрирующую следующую взаимосвязь: потребность — интересы — право. Наличие подобной зависимости — доказанный и обоснованный факт, который мы берем за аксиому. Другое дело, что требуется исследование и анализ конкретных потребностей, их взаимозависимости с интересами и законными интересами, соответствующими субъективными правами.

Углубляться в рамках данной работы в вопрос о природе потребностей не представляется нам целесообразным, поэтому кратко отметим, что основные позиции представлены тремя группами. Первая — потребность — явление субъективное (часто высказывают представители психологических наук, однако

поддерживает и ряд цивилистов). Показательно в связи с этим высказывание О.А. Красавчикова о том, что потребность — это всегда внутренняя пружина, побуждающая человека к действиям [5, с. 54]. Вторая — потребность — всегда объективное явление. Ярким сторонником данной позиции выступает практически единственный цивилист, который исследовал понятие имущественных потребностей на глубоком научном уровне — Н.А. Баринов. Третья точка зрения (которая также имеет свои «внутренние течения») указывает, что потребность — это сочетание объективного и субъективного. Присоединяясь к позиции об их объективной природе, уточним один важный момент. Объективный характер потребностей всегда объяснялся тем, что потребности формируются не на пустом месте, зависят от экономической составляющей, предопределены существующими объективными условиями жизни. Субъективный же момент связывался с тем, что все потребности должны осознаваться субъектом, иначе для него они потребностями являться не будут. Правильнее, на наш взгляд, оценивать объективный и субъективный моменты с других позиций.

Субъективное осознание индивидом собственной потребности означает формирование у него соответствующего интереса. Если же субъект осознает, что с точки зрения общеустановленных критериев определенная ситуация трактуется как потребность, но данный конкретный субъект не считает нужным такую ситуацию изменять, то это означает, что для него она потребностью не является. Таким образом, индивидуальной потребности не существует, а существует лишь интерес соответствующего субъекта. О потребности можно говорить только как об объективной категории, которую можно назвать общественной потребностью, которая существует вне зависимости от ее субъективной оценки конкретным человеком. При этом оценка удовлетворения (реализации) потребностей может быть как объективной, так и субъективной.

В специальной литературе существуют различные определения потребностей.

Потребности часто определяются через понятия интерес, нужда, привычка. Социологи определяют ее через термин «состояние» [4, с. 28], отдельные цивилисты — через понятие «отношение» [1, с. 22]. Однако сведение потребностей только к субъективной характеристике не представляется нам правильным по ранее высказанным соображениям. Нельзя согласиться и с отождествлением потребностей и интереса, поскольку последний имеет собственное содержание, а нужда — это один из видов потребностей. Вызывает возражение и точка зрения о рассмотрении потребностей через понятие «отношения». Соглашаясь с утверждением, что отношение — это связь, а общественное отношение — это только такая связь, «которая возникает в процессе и в результате социальной деятельности» [9, с. 80], заметим, что Н. А. Баринов, обосновывая позицию о характеристике потребности в качестве отношений, допустил одновременное рассмотрение нескольких явлений: потребности, их реализацию (удовлетворение), потребности индивида и общественные потребности, отношение и общественное отношение [1, с. 21–22]. Безусловно, что реализация потребностей и интересов, их удовлетворение невозможно вне рамок общественных отношений [8, с. 8, 18], однако саму потребность и сформировавшийся на ее основе интерес нельзя считать отношением.

Вполне логичным выглядит следующее утверждение: индивидуальная жилищная потребность — это потребность иметь жилье. Исходя из этого, объектом потребности и интереса должно выступать жилое помещение, приобретение (в широком смысле) которого должно считаться удовлетворением жилищной потребности. Вместе с тем, полагаем, что характеристика жилищной потребности в таком виде является, во-первых, достаточно поверхностной, а во-вторых, не раскрывает в полной мере все грани анализируемого явления. Указанное значение жилищной потребности можно охарактеризовать как потребность в широком смысле: неважно, зачем лицу данное благо необходимо, единственным критерием выступает необходимость в жилье. Вместе с тем жилищной потребностью в узком смысле должна считаться не потребность в материальном благе, а «потребность в проживании». Таким образом, если лицо приобретает жилое помещение для того, чтобы вложить денежные средства, не собираясь использовать его для собственного проживания и проживания членов своей семьи —

то перед нами лишь жилищная потребность в широком смысле, а вот жилищная потребность в истинном (узком) значении этого слова — отсутствует. Подобное понимание жилищной потребности позволяет достаточно четко проводить разграничение между нормами различных отраслей права, регулирующих отношения в данной сфере, в первую очередь, между гражданским и жилищным правом. Так, для удовлетворения жилищной потребности в широком смысле (как обладание материальным благом) не требуется особого правового инструментария, для этого достаточно веками разработанной системы норм гражданского законодательства в части купли-продажи, мены, залога и т. п. Для удовлетворения жилищной потребности в узком смысле слова (как потребности в проживании) требуется специфическая регламентация, выразившаяся на сегодняшний момент в формировании самостоятельного жилищного законодательства.

Следующий шаг — определение места жилищной потребности в разработанных классификациях потребностей. Классически такая потребность считается материальной (а не духовной или социальной), связанной с обеспечением средств к существованию (а не к группе потребностей, связанной со всесторонним развитием личности), естественно-исторической (а не потребность преимущественно духовная и потребность материальная и духовная одновременно). Таким образом, потребность в жилище трактуется как самая элементарная физиологическая потребность (наряду с пищей и одеждой), которая возникает у человека с момента его появления в качестве биологического вида [4, с. 31–34]. Вместе с тем в современном мире жилищная потребность перестала быть элементарной необходимостью, не может рассматриваться только как желание уберечься от холода и иных природных неудобств. В жилище проходит большая часть жизни человека, его личная и семейная жизнь, наличие достойного жилья является одной из основных характеристик социального статуса человека, по которой происходит оценка его успешности и т. д. В этой связи жилищная потребность должна характеризоваться большим преобладанием в ней социального, а не биологического. Следствием такого подхода является, в частности, выделение разумных и неразумных потребностей.

Выделение разумных и неразумных, или рациональных и нерациональных

потребностей можно считать традиционным взглядом ученых всех направлений, занимающихся вопросами потребностей. Критерием же подобных классификаций, например в социологических науках, выступает «соответствие потребностей личности тем или иным нормам, существующим в обществе» [3, с. 49]. Так что же здесь первично — норма права, содержание которой изначально подразумевает разумность закрепленных в ней положений, или потребность, разумность которой должна предопределять норму права? В существующих теоретических воззрениях преобладает первая позиция — закрепленное нормой права правило изначально разумно. Так, неразумные потребности делят на две группы: неразумные по существу и неразумные в данный исторический период времени. Примером второй группы норм является потребность в 15 кв. м жилья на человека, при установленных в советское время 9 кв. м. [4, с. 37].

Перед содержательной характеристикой данного вопроса будет нелишним заметить, что о разумных потребностях много говорили и советские цивилисты [7, с. 125–126]. Однако их подход к разумности потребностей был однобоким — практически все объяснялось через призму «ответственности» советского человека, который должен был осознавать, что разумно лишь то, что может дать тебе государство. На основании этого вырабатывались концепции необходимости формирования у советских людей только разумных потребностей, этим объяснялась и борьба с нетрудовыми доходами.

В основу разработки теории разумных потребностей был положен идеологический постулат — «трудящиеся граждане могут ставить вопрос об удовлетворении их потребностей... исходя из разумно возможного, реального, из того, чем общество располагает, которое не может дать больше, чем оно производит» [4, с. 37]. Таким образом, разумные потребности трактовались узконаправленно: 1) разумные потребности объяснялись только через экономический критерий — возможности государства; 2) только государство выступает «мерилом» разумных потребностей, устанавливая в нормах права определенные их критерии.

Желание обладать объектом для проживания всегда является разумным. Причем как с точки зрения индивидуальной потребности (она изначально всегда разумна, поскольку является отображением личностных

характеристик субъекта и его внутренних ощущений), так и общественной потребности. Однако оценить свою потребность (как разумную или нет) лицо может только с точки зрения объективных факторов. Объективно существующие критерии дают основание для квалификации потребности индивида в качестве разумной или нет.

Безусловно, на первый план выходит позиция законодателя, оттолкнувшись от которой, можно попытаться выяснить, сформировалась разумная или неразумная потребность. При этом следует обратить внимание на два момента.

1. Если законодатель запрещает удовлетворение потребности путем введения негативных последствий, связанных с ее удовлетворением, то перед нами пример неразумной потребности.

Однако, как представляется, неразумная потребность — это необязательно потребность, реализация которой недопустима законом. Так, потребность курить всегда приводится в качестве примера неразумной потребности. Однако на ее удовлетворение работает множество компаний, получающих миллиардные прибыли. Ее видимая объективная неразумность перекрывается субъективным осознанием данной потребности и формированием интереса в ее удовлетворении, который на законодательном уровне трансформируется в соответствующее субъективное право на приобретение сигарет. Иначе говоря, государство объективно признает существование такой потребности, что могло бы дать основание для квалификации ее в качестве разумной. Однако все государства в мире предпринимают попытки борьбы с данной потребностью, что выражается в различных ограничительных мерах, т. е. в ряде случаев закон не может бороться с неразумной потребностью запретом в ее удовлетворении (под страхом ответственности). Это не дает основания для квалификации такой потребности в качестве разумной, хотя большинство неразумных потребностей квалифицируется именно как преступления или правонарушения (вводится прямой запрет на их удовлетворение). Иллюстрацией этого в жилищной сфере советского периода может быть установленный запрет на приобретение в собственность жилого помещения площадью больше, чем определено в законе. Сегодня в отношении жилых помещений таких требований нет, значит, можно констатировать, что желание иметь жилые помещения любого размера (количественный критерий) и любого

технического состояния (качественный критерий) само по себе является разумным.

2. Неразумная потребность — это такая потребность, для удовлетворения которой избираются ошибочные (но в целом разрешенные) пути и способы ее удовлетворения.

Соответственно, необходимость в приобретении жилого помещения любых размеров и любого качества — это разумная потребность, поскольку существует большое количество соответствующих правовых средств, благодаря которым нужный результат может быть достигнут. В силу этого считать желание иметь жилье площадью в 25 кв. м на одного человека при установленных органом местного самоуправления 15 кв. м неразумной потребностью без конкретизации допустимых законом способов его удовлетворения неправильно. Другое дело, если такая потребность связана с избранием ошибочного способа ее удовлетворения — получение жилья такой площади именно от государства, что делает такую потребность неразумной.

Следовательно, основным критерием разумности или неразумности потребности является то, что потребность гипотетически может быть удовлетворена в рамках действующего законодательства и без его нарушения (т.е. существуют законные приемы и способы). Сточки зрения жилищной потребности следует заметить, что значение подобного деления в настоящее время видится лишь с позиции оценки «ожиданий населения» и прогнозов государственной социальной политики в данной области отношений.

Следующий, немаловажный аспект жилищной потребности связан со способом ее удовлетворения. В юридической литературе нет ярко выраженной полемики по этому вопросу, хотя очевидно наличие двух основных позиций. Одна, наиболее распространенная, заключается в том, имущественные потребности обеспечиваются различными гражданско-правовыми средствами [1, с. 60 и далее]. Другая точка зрения представлена мнением О.А. Красавчикова, который, затрагивая вопросы об удовлетворении потребностей, поддерживает высказанное К. Марксом утверждение, о том, что любая потребность удовлетворяется только конкретной вещью, а не теми отношениями, в которые вступает лицо. Причем лица, предоставляющие жилые помещения (в частности, органы государственной власти), не могут непосредственно удовлетворить жилищные потребности, а лишь обеспечивают, доставляют

определенные материальные блага, которыми и удовлетворяются известные потребности граждан [5, с. 53–54].

Бесспорно (и с этим согласны все), что конечным результатом удовлетворения жилищной потребности выступает фактическое обладание конкретным жилым помещением. Однако для более четкого выражения собственной позиции позволим себе высказать несколько соображений по этому поводу.

Во-первых, предоставление (или приобретение) жилого помещения не всегда может рассматриваться как удовлетворение жилищной потребности. Это связано, с несколькими обстоятельствами. Так, человек может приобрести жилое помещение, не отвечающее его запросам и желаниям, а только то, которое ему доступно по финансовым соображениям; предоставленное по договору социального найма жилое помещение может не подходить по месту его расположения (известно, что законодательство устанавливает одно требование — это нахождение жилого помещения в черте соответствующего населенного пункта). То есть жилое помещение есть, а жилищная потребность остается неудовлетворенной (в первую очередь, с субъективной стороны, хотя возможно и с объективной тоже).

Во-вторых, указанное выше предложение о разграничении понимания жилищной потребности в двух смыслах предопределяет и дальнейшую характеристику удовлетворения потребности. Так, если рассматривать жилищную потребность в широком смысле, то удовлетворить ее, на первый взгляд, может только сам объект, само жилое помещение. Однако удовлетворение потребности, как и сама потребность, может быть как объективным, так и субъективным. И в этой связи для самого лица важно не только объективное наличие жилого помещения, но и конкретное субъективное право, благодаря которому у него возникнут возможности использовать его в соответствии с теми целями, которые оно перед собой ставило, удовлетворяя свою потребность. То есть в этом случае жилищная потребность удовлетворяется самим объектом на соответствующем праве.

Если же рассматривать жилищную потребность в узком смысле, то дальнейшая цепочка выглядит так: потребность в проживании — (а значит) потребность в субъективном праве, где одним из правомочий выступает возможность пользования (проживания) — потребность удовлетворяется осуществлением данного права (фактическим проживанием).

В связи с этим ответ на вопрос, что же все-таки удовлетворяет жилищную потребность (в узком смысле) — правовые средства или сам объект — должен быть следующим. Жилищная потребность удовлетворяется и не объектом (жилым помещением) самим по себе, и не конкретным субъективным правом на жилое помещение, а фактом его использования для проживания (осуществлением права).

Рассматривая вопрос об удовлетворении жилищной потребности с субъективной и объективной точки зрения, следует отметить следующий момент. Внешняя оценка факта удовлетворения жилищной потребности должна выражаться в определенных, нормативно установленных, минимальных стандартах к самому жилому помещению, а также применительно к правовому основанию проживания в жилом помещении. При исследовании объективной оценки качества и размера самого жилого помещения необходимо обратиться к исследованиям в области прав на достойное человеческое существование (в России одним из основоположников данного права можно считать П. И. Новгородцева, который в одной из своих работ ратовал, в первую очередь, за его провозглашение [7, с. 321–327]). В наше время продолжается серьезная научная работа по исследованию содержания данного права [2, 174 с.; 10, 152 с.]. Более сложным выглядит поиск ответа на вопрос о том, осуществление какого субъективного права на жилое помещение следует считать удовлетворением жилищной потребности. Ответ на него

требует развернутой аргументации, поэтому лишь коротко отметим, что наша позиция сводится к следующему: самый простой (и отчасти справедливый) способ ответа на данный вопрос кроется в срочности или бессрочности оснований проживания в жилье (т.е. те основания, которые носят временный характер, не могут рассматриваться в качестве надлежащего способа удовлетворения жилищной потребности, тогда как проживание на бессрочной основе дает основание для рассмотрения их в качестве такового). Практика последних лет дает немало примеров, когда подобные критерии перестают работать (например, статус членов семьи собственника и многие другие). Поэтому временность и постоянность проживания в жилом помещении должны быть дополнены еще одним объективным критерием, в качестве которого должна выступить стабильность (не по срокам, а по существу) в проживании в жилом помещении. Любое основание проживания, которое избирает гражданин по своему усмотрению, должно давать ощущение защищенности, стабильности проживания, даже если оно ограничено определенным сроком.

Проблема формирования и удовлетворения жилищной потребности далеко не ограничивается теми вопросами, которые были затронуты. Необходимость научного обоснования разумных жилищных потребностей, выработки и оценки изменяющихся жилищных потребностей и многие иные нерешенные аспекты лишь подтверждают надобность их дальнейшего изучения.

1. Баринов Н. А. Имущественные потребности и гражданское право / под ред. Ю. Х. Калмыкова — Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1987. — 191 с.

2. Гурлев А. В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства (теоретико-правовой аспект). Дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — СПб, 2001. — 174 с.

3. Иванчук Н. В. Потребности социалистической личности. — М. : Мысль, 1986. — 192 с.

4. Иванчук Н. В. Социологические проблемы изучения потребностей : курс лекций. — Свердловск, 1975. — 135 с.

5. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права [Текст] / О. А. Красавчиков / Избранные труды: в 2 т. Т. 2. — М. : Статут, 2005. — 494 с. (Классика российской цивилистики).

6. Маслов В. Ф. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. — Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1968. — 320 с.

7. Новгородцев П. И. Сочинения / сост. вступ. статьи и прим. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. — М. : Раритет, 1995. — 448 с.

8. Субочев В. В. Законные интересы [Текст] / В. В. Субочев / под ред. А. В. Малько. — М.: Норма, 2008. — 496 с.

9. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. — М.: Юрид. лит-ра, 1980. — 176 с.

10. Чепурин В. В. Право человека на достойную жизнь и состояние его осуществления в современном российском обществе (теоретико-правовой анализ) [Текст] В. В. Чепурин. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — Владимир, 2005. — 152 с.

ПОРОГ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, КАК КРИТЕРИЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

УДК 343.74/910.067

А. Б. СЕРГЕЕВ

Легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путем — заключительный этап превращения преступности в высокодоходное и эффективное производство, в ходе которого происходит противоправная и в высшей степени опасная для общества концентрация экономической, а вслед за ней и политической власти в руках неконтролируемой группы лиц [1, с. 5].

Среди ученых и практиков до настоящего времени сохраняются расхождения в определении сфер, общественным отношениям в которых наносится существенный вред деятельностью, связанной с приданием легального характера денежным средствам и иному имуществу, приобретенному в результате совершения преступной деятельности.

Так, М.П. Журавлев, Е.М. Журавлева считают, что названные действия «нарушают общепризнанные нормы экономической деятельности, принципы рыночной экономики, способствуют криминализации хозяйственной деятельности, используются для подкупа сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления и проникновения преступных элементов в политические институты, являются питательной средой для организованной преступности, в том числе терроризма, и в результате создают угрозу национальной безопасности страны» [3, с. 23]. Аналогичной позиции придерживаются Б.В. Орлов, О.Ю. Ручкин, Ю.В. Трунцевский, утверждающие, что «общественная опасность легализации состоит в нарушении общественных отношений экономического характера (так как родовой объект преступления — отношения в сфере экономики), в искажении природы финансовых средств, поскольку в официальный хозяйственный оборот «вливаются» незаконно полученные денежные средства и имущество» [12, с. 50] и др. [2].

Однако все большая часть специалистов отстаивает иную точку зрения [13]. Так, И.А. Киселев, Е.С. Леханова считают, что основным непосредственным объектом отмывания преступных доходов являются интересы правосудия в области уголовного преследования за совершение преступлений, ставших источником незаконных приобретений [4]. Автор статьи разделяет последнюю позицию, признавая при

этом в качестве дополнительного объекта общественные отношения в сфере экономической деятельности. При этом следует отметить, что вариативность мнений намного шире обозначенных в статье, но в основном касается соотношения перечисленных объектов.

Действующее уголовное законодательство содержит нормы, направленные на борьбу с рассматриваемым явлением, что соответствует рекомендациям Конвенции «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» [5] и направлено на реализацию Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [11].

В то же время следует обратить внимание на сохраняющееся отсутствие четкости у законодателя в вопросе о допустимой величине «вбрасывания» в законный оборот (легализации) денежных средств, приобретенных в результате совершения преступления, превышение которой влечет применение в отношении лица мер уголовной ответственности.

Так, в первоначальной редакции статьи 174 Уголовного кодекса Российской Федерации уголовная ответственность за легализацию наступала при совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами, приобретенными в результате совершения преступления, вне зависимости от суммы сделок с этими денежными средствами.

Далее Федеральным законом № 121 от 7 августа 2001 г. [7] ответственность была дифференцирована и возлагалась:

- на лиц, осуществляющих легализацию денежных средств для преступников, которые приобрели эти денежные средства в результате совершения преступлений (с. 174 УК РФ);
- на самих преступников, пытающихся самостоятельно осуществить легализацию названных средств.

При этом устанавливалась пороговая величина сделок с легализуемыми денежными средствами в размере двух тысяч минимальных размеров оплаты труда и выше.

Следующий этап ознаменовался принятием Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 162-ФЗ [10]. Пороговое значение было

убрано и восстановлен первоначальный вариант ответственности, а размер сделки определялся как квалифицирующий признак преступления.

В настоящее время законодательная регламентация норм определяется Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ [6]. Законом вновь установлен порог в размере 6 млн. рублей, который учитывается только в отношении лица, совершившего преступление и самостоятельно пытающегося легализовать денежные средства. В отношении же лица, легализовавшего денежные средства или иное имущество, приобретенное другими лицами преступным путем, уголовная ответственность наступает вне зависимости от величины сделки.

Согласно опросу сотрудников правоохранительных органов, основными причинами такого, на первый взгляд, необоснованного решения (повышения порога суммы легализованных средств и иного имущества, полученного в результате совершения преступления), создающего благоприятные условия для интеграции в законный экономический оборот денежных средств, приобретенных в результате преступной деятельности, являются:

1. Тактико-криминалистическое основание решения. Заключается в создании законодателем психологической обстановки у виновного, при наличии которой преступник не принимает мер к сокрытию природы появления у него денежных средств. Отсутствие действий по сокрытию имущества, приобретенного посредством совершения преступления, своим следствием имеет возникновение благоприятных условий для сотрудников правоохранительных органов по своевременному их выявлению (денежных средств и лиц, ими обладающих) с последующим установлением конкретных видовых преступлений и всех эпизодов преступной деятельности посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий.

2. Использование такого решения (установление пороговой величины) в качестве приема законодательной техники. Увеличение порога привлечения к уголовной ответственности позволило решить проблемы, связанные с квалификацией действий виновных по вопросу характера использования денежных средств: являются ли действия с ними легализацией или это распорядительные действия преступника для удовлетворения своих потребностей при отсутствии цели придания им вида законного владения, распоряжения и пользования.

Проведенные в рамках изучения данной темы опросы показали, что сотрудники правоохранительных органов, осуществляющие

борьбу с экономическими преступлениями, в том числе с незаконным оборотом наркотиков, не считают, что поднятие порога уголовной ответственности является послаблением уголовной политики, когда лица, интегрирующие в экономику преступно приобретенные средства, остаются безнаказанными. Свое мнение опрошенные аргументируют результатом анализа изменений санкций за совершение основных преступлений, по отношению к которым легализация преступно приобретенных средств является предикатным, указывая увеличение размера наказания за совершение основных, наиболее общественно опасных преступлений. В частности ссылка делается на изменения в этой части уголовной политики по противодействию незаконному обороту наркотиков.

В то же время, как показывает анализ, со стороны государства деятельность по выявлению фактов легализации денежных средств осуществляется непрерывно. Сказанное подтверждается:

- развитой системой правоохранительных и иных органов, осуществляющих аналитическую и познавательную деятельность в исследуемом направлении;
- осуществлением деятельностного контроля за всеми финансовыми операциями и другими сделками, по которым суммы равны или превышают 600 тыс. рублей, а не 6 млн., как предусмотрено действующим уголовным законодательством;
- созданием и совершенствованием механизма выявления и проверки всех подозрительных сделок.

Однако опрошенные настроены пессимистично по отношению к исследуемому приему: с помощью повышения порога создать психологически успокаивающую преступника обстановку в отношении необходимости легализации «грязных» денег. Связано это с мнением, что преступник не станет более «откровенно» расходовать средства, полученные в результате совершенного преступления, по причине осознания им возможности наступления ситуации, когда правоохранительными органами лицо будет изобличено в преступлении. При наступлении такой ситуации все имущество и денежные средства, полученные от совершения преступления и которым не придан вид законопослушного приобретения (легализации), будет конфисковано.

Угроза потерять приобретенные преступным способом денежные средства и иное имущество заставляет принимать меры, затрудняющие правоохранительным органам доказывание их незаконного происхождения, вне зависимости

от законодательных новелл статьи 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Из сказанного следует, что для преступника проблема легализации существует постоянно, вне зависимости от наличия изменений порогового уровня привлечения к уголовной ответственности по статье 171.1 УК РФ.

По критерию субъекта легализация осуществляется в двух направлениях:

1. Действия по приданию имуществу или денежным средствам законной формы владения, пользования, распоряжения осуществляет само лицо, совершившее преступление, в результате которого им были приобретены данные материальные блага.

При этом, чтобы избежать угрозы быть привлеченным к уголовной ответственности по ст. 171.1 УК РФ, используется в основном дробление сделок на более мелкие, меньше, чем 6 млн. рублей.

2. Действия по приданию законной формы владения, пользования, распоряжения имуществом и денежными средствами производит лицо, не являющееся участником преступления, следствием которого это имущество (денежные средства) были приобретены.

Созданная система мер противодействия легализации денежных средств в силу своего постоянного совершенствования делает все более проблематичным легализацию преступно

приобретенных денежных средств самим преступником. Поэтому при решении задачи легализации «грязных» денег преступники все чаще прибегают к «запутыванию следов» посредством использования стороннего лица, как к верному способу обеспечить себе владение имуществом, приобретенным преступным способом, после изобличения лица в совершении преступления и осуждения. Как показывает статистика, данное направление легализации (использование лица, не вовлеченного в преступную деятельность) часто является основной причиной, по которой должностные лица правоохранительных органов не обеспечивают достижение одной из основных задач уголовного судопроизводства – возмещение вреда, причиненного преступлением. Основанием такого утверждения является практика раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Сказанное в полной мере относится и к денежным средствам, и к имуществу, приобретенному в результате незаконного оборота наркотических средств.

Таким образом, возникает необходимость в разработке для следователей и оперативных сотрудников методических рекомендаций по выявлению лиц, осуществляющих легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем.

1. Алиев В. М. Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2001. 52 с.

2. Букарев В. Б. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем [Текст] / В. Б. Букарев, Ю. В. Трунцевский, Н. А. Шулепов. – М., 2007. – 144 с.

3. Журавлев М. П. Ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов: закон и судебная практика [Текст] / М. П. Журавлев, Е. М. Журавлева // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 23.

4. Киселев И. А. Расследование отмывания преступных доходов: рекомендации для следователей [Текст] / И. А. Киселев, Е. С. Леханова. – М., 2011. – 1210 с.

5. Конвенция «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (Страсбург 010.11.1990) // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3. – Ст. 203.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 апр. 2010 г. № 60-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 15. – Ст. 1756.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 авг. 2001 г. № 121-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. (часть I).

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 10 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 410410.

9. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 9 авг. (в ред. Федер. закона от 10 нояб. 2011 г. № 3010-ФЗ) // Российская газета. – 2011. – 11 нояб.).

10. Орлов Б. В. Гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты противодействия легализации преступных доходов в банковской системе Российской Федерации: науч.-практ. пособие [Текст] / Б. В. Орлов, О. Ю. Ручкин, Ю. В. Трунцевский. – М., 2011. – 94 с.

11. Тетюков К. В. Легализация преступных доходов: уголовно-правовые и криминологические аспекты [Текст] / К. В. Тетюков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2003. – 17 с.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБОЙ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 35.08

Р.К. ОВЧАРЕНКО

События новейшей мировой истории, в том числе процессы глобализации, мировой экономической кризис 2008 года выявили острую потребность в модернизации российского государства и всех сфер нашего общества. Как отмечал Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии... Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей... Вместо прошлой построим настоящую Россию – современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда...» [5].

Действительно, россияне «...хотят быть в ряду цивилизованных народов, решающих глобальные вызовы современности высокотехнологичным, эффективным путем. И в этом заключается преимущество российской модернизации... Для креативного общества в России нужны прежде всего институциональные преобразования. Речь идет о том, чтобы придать новую модернизационную форму базисным институтам (демократия, образование, право)» [2, с. 265, 266].

Одним из институтов, которые целесообразно преобразовать, является российская государственная служба. Отметим, что и сама модернизация в целом, и любое частное преобразование во многом будут зависеть не только от воли политического руководства, но и от способности российского чиновничества ее реализовать. Именно государственные служащие реально претворяют в жизнь государственную политику во всех сферах общества, непосредственно от их работы во многом зависят результаты любых реформ. Оценивая в 2005 году результаты административной реформы, М.К. Горшков отмечал: «Логика административной реформы состояла в том, что двигателем модернизации страны должна была стать новая российская бюрократия. Но этого не получилось, в конечном итоге подвело качество нашего

чиновничества... Управленческий слой нашего государства несет особые функции. Если он не будет служить примером для народа, то у людей исчезнет мотивация к обновлению страны. В модернизации должна быть кровно заинтересована вся вертикаль власти сверху донизу. Пока этого нет» [3, с. 586]. Поэтому модернизация государства, общества невозможна без реформирования государственной службы.

Организационные и правовые основы построения государственной службы уже созданы. На современном этапе реформы должна быть создана целостная система государственной службы, завершено реформирование ее видов и создана система управления государственной службой. Именно формирование такой системы определено в качестве одной из основных целей Федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» [1]. В связи с этим проблема формирования системы управления гражданской службой как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации является весьма актуальной для исследования.

Отметим, что на региональном уровне в работе по созданию системы управления гражданской службой применяются различные подходы. И это возможно благодаря наличию у регионов достаточной автономии в вопросе формирования региональной гражданской службы, которая вытекает из разграничения полномочий между федеральным центром и регионами в области регулирования гражданской службы субъектов Российской Федерации. В целях выявления особенностей региональных практик управления гражданской службой нами был проведен анализ и сравнение регионального законодательства о государственной гражданской службе субъектов Российской Федерации Южного и Северо-Кавказского федеральных округов Российской Федерации. Результаты показали следующее.

Среди изученных законов о региональной государственной гражданской службе 12 субъектов Российской Федерации только Закон Ставропольского края от 01.03.2005 № 4-КЗ «О некоторых вопросах государственной

гражданской службы Ставропольского края» вообще не содержит норм, связанных с управлением гражданской службой. А в законе Астраханской области содержится лишь ссылка на то, что до образования государственного органа по управлению государственной гражданской службой этой области его функции исполняют другие государственные органы.

Если анализировать региональные законы о гражданской службе по количеству упоминаний тех или иных аспектов управления региональной гражданской службой, и прежде всего полномочий, закрепляемых за соответствующим органом по управлению государственной гражданской службой, то безусловным лидером здесь может считаться Волгоградская область (10 упоминаний). На второе место по количеству упоминаний, но не по их содержанию можно поставить Ростовскую область, Карачаево-Черкесскую Республику и Республику Дагестан (по 7 упоминаний). Однако и здесь не все однозначно, поскольку, если учесть нормы Областного закона Ростовской области «О Ведомстве по управлению государственной гражданской службой Ростовской области», закрепляющие статус и полномочия этого органа, то Ростовская область выходит в лидеры (14 упоминаний). Далее следует Республика Адыгея (6 норм регионального закона о гражданской службе, связанных с теми или иными аспектами управления службой), Краснодарский край, Кабардино-Балкарская и Чеченская республики (по 5 упоминаний), республики Северная Осетия-Алания и Ингушетия (по 3 упоминания).

Говоря о содержательной стороне вопроса, отметим, что в законе о государственной гражданской службе Волгоградской области орган по управлению государственной гражданской службой определен как орган, создаваемый в системе исполнительной власти Волгоградской области высшим должностным лицом Волгоградской области, осуществляющий функции, определяемые Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации», иными федеральными законами и нормативными правовыми актами Российской Федерации, региональным законом и иными нормативными правовыми актами Волгоградской области.

Кроме того, в Областном законе Ростовской области «О государственной гражданской службе Ростовской области» отмечено, что в Ростовской области государственный орган по управлению государственной службой создается для решения вопросов обеспечения

единой кадровой политики государственной гражданской службы области. Этот государственный орган осуществляет полномочия, установленные федеральным и региональным законодательством о государственной гражданской службе. Законодательство о гражданской службе иных находящихся в поле нашего зрения субъектов Российской Федерации не содержит подобных норм.

В семи субъектах Российской Федерации представитель органа по управлению гражданской службой входит в состав конкурсной комиссии по проведению конкурсов на замещение вакантных должностей в государственных органах и на включение в кадровый резерв на должности в государственных органах этих субъектов Российской Федерации (Ростовская и Волгоградская области, Краснодарский край, республики Карачаево-Черкессия, Адыгея, Дагестан, Чеченская Республика). А вот в состав аттестационной комиссии предусмотрено вхождение представителя органа по управлению гражданской службой лишь в пяти субъектах Российской Федерации (Ростовская и Волгоградская области Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан, Чеченская Республика).

Кроме того, законами также семи субъектов Российской Федерации (Ростовская и Волгоградская области, Краснодарский край, Карачаево-Черкеская Республика, Республики Адыгея, Дагестан и Чеченская Республика) установлено, что примерные должностные регламенты утверждаются органом по управлению государственной гражданской службой.

В законах о гражданской службе Ростовской области, республик Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Дагестан, Чеченской Республики (шесть субъектов Российской Федерации) определено, что формирование (размещение) регионального государственного заказа на повышение квалификации и стажировку гражданских служащих осуществляется государственными органами этих субъектов Российской Федерации по согласованию с органом по управлению государственной гражданской службой.

Лишь в законодательстве о гражданской службе Ростовской, Волгоградской областей и Республики Ингушетия прописано, что орган по управлению гражданской службой ведет реестр государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации.

Отметим, что в соответствии с региональным законодательством в Краснодарском крае, республиках Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании,

Адыгее, Дагестане и Чеченской Республике до образования государственного органа по управлению гражданской службой, который ни в одном из указанных субъектов по настоящее время не создан, задачи и функции этого органа осуществляются другими государственными органами в соответствии с законодательством Российской Федерации и этих субъектов Российской Федерации.

Можно отметить также ряд других специфических особенностей управления гражданской службой субъектов Российской Федерации либо его законодательного обеспечения. Так, в законодательных актах о государственной гражданской службе Республики Дагестан и Краснодарского края определены полномочия органа по управлению государственной службой без конкретного указания на принадлежность этого органа к федеральному или региональному уровню, а также без указания на то, что это орган по управлению непосредственно гражданской, а не в целом государственной службой.

Итак, если необходимость создания органа по управлению гражданской службой, а также его полномочия определены в законодательстве о гражданской службе целого ряда субъектов Российской Федерации, то нормы о формировании целостной системы управления гражданской службой все еще являются редкостью для подобного рода документов.

Лишь в региональных законах Ростовской области и Республики Северная Осетия-Алания отмечено, что в этих субъектах Российской Федерации в целях координации деятельности государственных органов при решении вопросов поступления на гражданскую службу, формирования кадрового резерва, прохождения и прекращения гражданской службы, ведения реестра гражданских служащих субъекта Российской Федерации, использования кадрового резерва для замещения должностей гражданской службы, подготовки, переподготовки, повышения квалификации и стажировки гражданских служащих, а также в целях осуществления вневедомственного контроля за соблюдением в государственных органах федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, областных законов и иных нормативных правовых актов о государственной гражданской службе создается система управления гражданской службой.

И только в Ростовской области среди всех остальных субъектов Российской Федерации Южного и Северо-Кавказского федеральных округов реально создан орган по управлению

государственной гражданской службой Ростовской области.

Однако создание соответствующих органов по управлению гражданской службой — это лишь один из первых шагов по пути создания системы управления ею. Далее следует наладить эффективность и результативность их работы. И одним из важных показателей такой эффективности как функционирования системы в целом, так работы соответствующих органов в частности, являются мнения, оценки самих чиновников.

В целях определения своевременности создания системы управления гражданской службой, а также эффективности работы Ведомства по управлению государственной гражданской службой Ростовской области путем выявления мнений, оценочных суждений чиновников в феврале-апреле 2011 года нами был проведен выборочный социологический опрос государственных гражданских служащих Ростовской области. Всего было опрошено 402 гражданских служащих в органах власти Ростовской области.

Отметим, что это далеко не первый опрос чиновников, проводимый в Ростовской области [4]. Однако его новизной является ориентация внимания на мнения чиновников по проблеме формирования системы управления гражданской службой субъекта Российской Федерации.

Подавляющее большинство опрошенных нами гражданских служащих — 39,8% — ответили, что отсутствие органов по управлению гражданской службой в иных, кроме Ростовской области, субъектах Российской Федерации является существенным упущением в работе по реформированию гражданской службы этих субъектов, которое отрицательно сказывается и на эффективности самой гражданской службы. Такое количество положительных ответов говорит о том, что большинство чиновников осознают необходимость создания подобных структур как механизмов влияния на эффективность института гражданской службы.

В тоже время 22,14% от числа опрошенных заявили о том, что на современном этапе отсутствие органов по управлению гражданской службой не влияет на эффективность гражданской службы. Эта группа чиновников не отвергает факт необходимости создания соответствующих государственных органов, но вот в необходимости проведения такой работы на современном этапе они сомневаются.

3,73% считают, что до создания федерального органа по управлению гражданской службой формирование подобных структур в субъектах Российской Федерации является

преждевременным; 9,2% от общего количества опрошенных полагают, что нет необходимости создавать такие структуры, поскольку их функции успешно выполняют кадровые службы высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (иных региональных государственных органов); 5,47% уверены, что необходимости создания органов по управлению гражданской службой в субъектах Российской Федерации нет, поскольку федеральные структуры не обязывают регионы проводить подобную работу.

Утверждая необходимость создания органов по управлению гражданской службой, в то же время работе существующего в Ростовской области Ведомства по управлению государственной гражданской службой Ростовской области опрошенные чиновники дали все же неоднозначные оценки. Лишь 24,19% считают, что высокая степень эффективности работы этого органа не вызывает сомнений. При этом 32,91% респондентов оценили работу этого государственного органа весьма сдержанно и неоднозначно: 14,21% полагают, что работники ведомства с чем-то справляются лучше, а с чем-то хуже; 18,7% утверждают, что в плане повышения эффективности работы ведомству предстоит еще многое сделать. 1% полагает, что работа этой структуры в целом неэффективна. Это очень маленький процент, однако он утяжеляет противоположную позитивной чашу весов до 33,91%. Полученные данные позволяют сделать вывод о необходимости поиска путей и методов повышения эффективности, совершенствования работы органа по управлению гражданской службой Ростовской области.

Необходимость создания органа по управлению гражданской службой, а также его полномочия так или иначе, в том или ином объеме определены в законодательстве о гражданской службе практически всех рассмотренных нами субъектов Российской Федерации Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

В то же время нормы региональных законов о гражданской службе, предписывающие

необходимость формирования целостной системы управления гражданской службой, все еще не нашли широкого распространения. Лишь в региональных законах Ростовской области и Республики Северная Осетия-Алания отмечено, что в этих субъектах Российской Федерации создается система управления гражданской службой. А реально создан такой орган на Юге России только в Ростовской области.

В то же время работе существующего в Ростовской области Ведомства по управлению государственной гражданской службой Ростовской области опрошенные респондентами даны неоднозначные оценки. Лишь каждый пятый не сомневается в высокой эффективности его работы, но каждый третий оценивает его работу весьма сдержанно и неоднозначно, и даже критично. Более того, каждый третий опрошенный вообще не информирован о работе Ведомства. Это говорит о необходимости срочного поиска путей и методов повышения эффективности работы указанной структуры, более широкого информирования чиновников о его работе. И прежде всего необходимо сократить объем рутинной работы, возложенной на этот орган, а также упростить процедуры решения «простых» вопросов.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. С точки зрения самих чиновников формирование системы управления гражданской службой является необходимым и своевременным процессом. В то же время нормы региональных законов о гражданской службе, предписывающие необходимость формирования целостной системы управления гражданской службой, все еще не нашли широкого распространения в субъектах Российской Федерации. При этом действующие структуры по управлению гражданской службой (например, в Ростовской области) в глазах чиновников функционируют недостаточно эффективно. Таким образом, преодоление указанных противоречий является залогом дальнейшего движения на пути становления систем управления гражданской службой в регионах.

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.03.2009 № 261 «Об утверждении федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.03.2009. – № 11. – Ст. 1277.

2. Волков Ю. Г. Креативность: исторический прорыв России. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.

3. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социолог. диагностики) [Текст] / М. К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2011.

4. Зинченко Г. П. Как изменить работу чиновников: опыт консультирования. – Ростов н/Д.: ООО «РостИздат», 2000.

5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 19 ноября 2009 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5979#sel=> (дата обращения: 30.01.2012).

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ РОЗНИЧНЫХ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

УДК 339.137.2

Н. Ю. КОРОТИНА, Т. В. ТАШКИНОВА

В современных условиях для торговли характерен рост требований к ассортименту, качеству обслуживания, дополнительным услугам и необходимость обеспечения конкурентоспособности на рынке товаров и услуг.

В системе народно-хозяйственного ком-

плекса России главным звеном является розничная торговля, поскольку ее можно отнести к элементам, формирующим систему качества жизни населения.

В настоящее время розничная торговля активно развивается (таблица 1) [6].

Оборот розничной торговли в 2009–2010 гг.

Таблица № 1

	2010г.		Декабрь 2010 г., млрд рублей	В % к		2009г. в % к 2008 г.	Справочно	
	млрд рублей	в % к 2009 г.		декабрю 2009 г.	ноябрю 2010 г.		декабрь 2009 г. в % к	
							декабрю 2008 г.	ноябрю 2009 г.
<i>Всего</i>	16435,8	104,4	1764,4	103,4	119,0	95,1	97,1	120,3
в том числе:								
оборот розничной торговли торгующих организаций и индивидуальных предпринимателей вне рынка	14347,3	105,4	1544,8	104,1	120,0	94,7	97,2	122,2
продажа товаров на розничных рынках и ярмарках	2088,5	98,1	219,6	98,8	112,4	97,7	96,1	109,3

В отрасли идут активные процессы слияния и поглощения, строятся огромные торговые комплексы и мегамоллы, владеющие современными технологиями организации бизнес-процессов, многие сети активно развивают систему франчайзинга, происходит процесс аутсорсинга — выделения вспомогательных функций из основного процесса в самостоятельную организационную структуру.

Будучи важной сферой общественного развития, для розничных торговых предприятий актуален вопрос содержания функций, реально выполняемых розничной торговлей и непосредственно выступающих в виде услуг, которые предоставляются населению и подразделяются на торговые (коммерческие) и технологические функции. Очевидно, что объем и характер выполняемых розничным торговым предприятием функций зависят от его типа и размера, хозяйственной самостоятельности, технической оснащенности, места расположения и других факторов.

Е. В. Токарь [10, с. 7–8] определяет состав и раскрывает содержание функций предприятий розничной торговли:

- реализация товаров конечному потребителю: продажа товаров, осуществление денежных операций, формирование товарной и ценовой политики, обслуживание населения;

- организация потребления: сервисное обслуживание в процессе продажи товаров, сервисное обслуживание в процессе потребления, рекламирование товаров и услуг, консультационные услуги;

- организация информационного обеспечения торгового процесса: исследование конъюнктуры рынка, поиск выгодных деловых связей, автоматизация процесса заказов и складского хозяйства, оплата покупателями счетов по системе электронных платежей.

Каждая из выделенных функций служит единой цели — удовлетворению потребностей населения в товарах и услугах, обеспеченных денежными средствами. От насыщенности потребительского рынка товарами, своевременности их реализации зависят возможности развития производства, степень удовлетворения потребностей и качество жизни населения и, в конечном счете, эффективность национальной экономики.

Согласимся с Е.В. Токарь, что проблема эффективности розничной торговли должна рассматриваться не с позиции производства или сферы обслуживания, а в качестве составляющей части общей проблемы эффективности национальной экономики, обеспечивающей рост валового внутреннего продукта и национального дохода общества. Но, по нашему мнению, дополняя данную позицию, возникает вопрос практической значимости прогнозирования развития розничных торговых предприятий в условиях глобализации и конкуренции.

Теоретические вопросы развития конкуренции в торговле были изучены в работах ряда отечественных авторов. Заслуживает особого внимания анализ развития конкуренции в сфере розничной торговли О.С. Агалаковой [1, с. 10], который показал, что на определенном этапе времени она характеризуется некоторыми особенностями: определенными инфраструктурными составляющими; особенностями организации бизнес-процессов; факторами, обеспечивающими конкурентоспособность; средствами ведения конкурентной борьбы.

Систематизация конкуренции по указанным составляющим позволяет выявить три этапа ее развития.

Первый этап (1991 по 1995) характеризуется зарождением конкуренции, которая осуществлялась главным образом среди киосков, смешанных магазинов и уличных рынков. Факторами обеспечения конкурентоспособности были насыщенность ассортимента и низкий уровень цен.

Специфической чертой первого этапа является наличие неорганизованного рынка. В 1994 году оборот от неорганизованного ввоза и продажи товаров на вещевых, смешанных и продовольственных рынках составил 82400 млрд. руб., или 38,6% от общего объема розничного товарооборота во всех каналах реализации. Более того, за 1991–1994 гг. сложилась, устойчивая тенденция его роста. В 1995 г. в негосударственном секторе было занято 83% от общего числа торговых предприятий, в том числе в розничной торговле – 84%. [7, с. 108.]

Основные показатели розничной торговли в период 1992–1995 гг. представлены в таблице 2 [8].

Основные показатели розничной торговли России (1992–1995 гг.)

Таблица № 2

	1992 г.	1994 г.	1995 г.
Оборот розничной торговли – всего, млрд руб. (до 1998 г. – трлн руб.)	5,1	196	511
в том числе:			
оборот торгующих организаций	4,4	145	374
продажа товаров на вещевых, смешанных и продовольственных рынках	0,7	51	137
Из общего объема оборота розничной торговли, млрд руб. (до 1998 г. – трлн руб.):			
продовольственные товары	2,3	87	237
непродовольственные товары	2,8	109	274

Процесс приватизации государственной собственности в отраслях народного хозяйства получил наибольшее развитие в сфере обращения – в 1995 г. лишь 13% розничного товарооборота приходилось на предприятия государственной торговли. [9, с. 316-317]

Второй этап (1995 по 2001 г.) – конкуренция смещается к торговым предприятиям новых форматов: супермаркетов, универсамов,

дискаунтеров. Происходит слияние финансового, промышленного и торгового капитала: создаются объединения, корпорации предприятий. Факторами обеспечения конкурентоспособности являлись: сетевой формат, насыщенность и качество ассортимента, культура торговли.

Число организаций розничной торговли в период 1998–2001 гг. представлено в таблице 3 [8].

Число организаций розничной торговли России (на 1 января)

Таблица № 3

	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Организации розничной торговли – всего, тыс.	157,4	184,9	200,2	204,0
из них крупные и средние	28,3	26,3	25,9	25,5
Вещевые, смешанные и продовольственные рынки – всего, тыс.	...	4,8	5,5	5,8
Число торговых мест на рынках, тыс.	...	995	1096	939

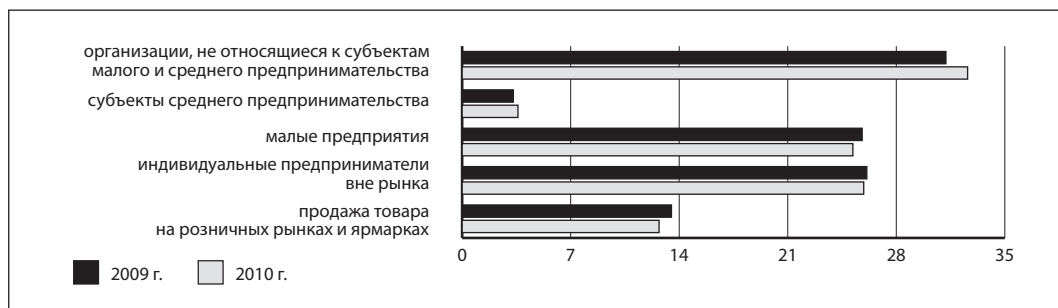
Третий этап (с 2001 по настоящее время). Конкуренция в этот период происходит главным образом среди сетевых форматов. Факторами обеспечения конкурентоспособности являются: мультиформатность в сетевом формате, культура торговли, насыщенность

и качество ассортимента, месторасположение магазина.

Структура формирования оборота розничной торговли по хозяйствующим субъектам в 2010 году (в 2009 году), в % к итогу, в фактических ценах представлена на рисунке 1 [6].

Структура формирования оборота розничной торговли по хозяйствующим субъектам

Рисунок № 1

Экономические отношения, формируемые в условиях неустойчивой внешней среды, требуют высокоэффективных способов и методов управления хозяйственной деятельностью предприятий розничной торговли. Способность розничного торгового предприятия работать в динамичной конкурентной среде с положительной динамикой является результатом грамотно выстроенной системы управления конкурентоспособностью предприятия.

Система управления конкурентоспособностью розничного торгового предприятия должна быть построена с соблюдением общих принципов управления конкурентоспособностью организации:

- анализ механизма действия экономических законов рыночных отношений, что позволяет повысить эффективность использования ресурсов;
- анализ механизма действия законов организации структур и процессов, что является неременным условием повышения качества управления как главного фактора повышения конкурентоспособности организации;
- соблюдение требований совокупности научных подходов к управлению;
- ориентация на конкретные рынки и потребности;
- применение современных информационных технологий для системной и комплексной автоматизации управления;
- применение современных методов анализа, прогнозирования, нормирования, оптимизации;
- ориентация на количественные методы оценки, контроля и оперативного управления конкурентоспособностью;

• в системе управления конкурентоспособностью должны быть стратегический маркетинг, мотивация и регулирование.

Система управления конкурентоспособностью объектов (в авторской интерпретации С. А. Шахватовой [12, с. 159]) формируется двумя основными подсистемами: подсистемой качества, которая представлена блоком показателей качества; стоимостной подсистемой, которая представлена блоком экономических показателей.

При согласии с мнением С. А. Шахватовой о том, что блок качества продукции отражает техническое совершенство продукции, качество ее изготовления и качество обслуживания (уровень сервиса), блок экономических показателей отражает уровень цены отдельных видов продукции и уровень транспортных расходов по ее доставке от предприятия-изготовителя до потребителя, нами определяется исключительно важная роль транспортного фактора в формировании конкурентоспособности продукции, что позволяет снизить расходы, ускоряет товародвижение, улучшает качество обслуживания.

Для оценки конкурентоспособности розничного торгового предприятия и определения стратегических векторов развития необходимо провести комплексную диагностику его состояния с применением научных методов.

Целью диагностики является установление стратегических и тактических факторов повышения конкурентоспособности. Прежде чем создавать систему управления конкурентоспособностью, необходимо определить конкретные цели и задачи управления, так как от этого зависит структура системы управления, ее

эффективность и экономичность в процессе функционирования.

Основной целью управления является повышение конкурентоспособности на основе решения задач повышения качества информационных процессов (создание единого информационного пространства), инновационных процессов (определение стратегии производства), процессных подходов (позволяет выделить бизнес-процессы).

Проектирование системы управления осуществляется на основе выявления функций управления конкурентоспособностью и определения структуры системы управления, ее внешних и внутренних связей и взаимодействия с другими системами.

Основные функции управления конкурентоспособностью на розничных торговых предприятиях: прогнозирование уровня конкурентоспособности; стимулирование повышения конкурентоспособности; мотивация и регулирование управления конкурентоспособностью; оценка и анализ конкурентоспособности.

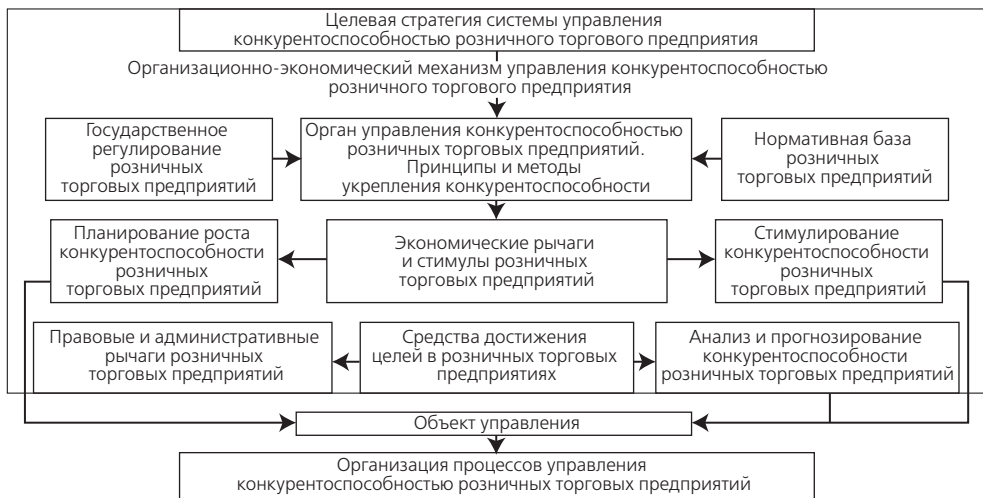
Необходимо отметить, что система управления конкурентоспособностью создается для решения комплекса задач, связанных с выполнением социально-экономических, контрольно-аналитических и административно-правовых функций управления.

Таким образом, теория и практика управления конкурентоспособностью на отечественных предприятиях показывает, что в настоящее время наиболее эффективное управление конкурентоспособностью розничных торговых предприятий возможно на основе соблюдения принципов управления конкурентоспособностью и разработки соответствующих методов управления и методологии формирования функций, организационной структуры и систем управления в целом.

Для приведения в действие и обеспечения стабильного функционирования системы управления конкурентоспособностью необходимо формирование организационно-экономического механизма управления конкурентоспособностью розничного торгового предприятия (рисунок 2).

Схема организационно-экономического механизма управления конкурентоспособностью розничного торгового предприятия

Рисунок № 2

Таким образом, основу действия организационно-экономического механизма управления конкурентоспособностью розничного торгового предприятия составляет увязка целей и задач системы управления с методами, средствами достижения целей и управленческими решениями, которые являются элементами управления.

В процессе исследования Михайлюк О.Н. [4, с. 12] были выявлены классификационные признаки и осуществлена классификация экономических механизмов:

- зависимости от уровня их формирования и функционирования, то есть по критерию субъектности;
- по природе возникновения (сформированы спонтанно, в результате целенаправленных действий правительства, созданы под влиянием теневых структур);
- по функционированию элементов механизма (функционируют без сбоев, с редкими сбоями, с частыми сбоями);
- по структуре основных блоков (трехблочные, четырехблочные, многоблочные) и др.

В целом, соглашаясь с классификационными признаками экономического механизма автора, необходимо уточнение его составляющих, применительно к торговле,

использование организационно-экономического механизма в современной российской практике может дать ощутимый экономический результат (рисунок 3).

Составляющие организационно-экономического механизма управления розничных торговых предприятий

Рисунок № 3

Роль правительства в формировании и реализации организационно-экономического механизма управления конкурентоспособностью розничных торговых предприятий осуществляется через правовые методы государственного регулирования торговли, которые призваны обеспечить прочную правовую основу торговой деятельности с помощью законодательных, судебных и административных способов.

Государство осуществляет свое регулирование на основе нормативно-правовых актов, устанавливающих: структуру органов государственного регулирования торговой деятельности, правовое положение предприятий и организаций торговли, порядок заключения и исполнения хозяйственных договоров и торговых сделок, правовую охрану собственности торговых субъектов, порядок разрешения споров торговых предприятий и организаций, правила торговли, защиту прав потребителей, формирование и порядок регулирования некоторых вопросов контрактной системы, вопросы, связанные с этической стороной деятельности торговли и т.д.

Государственное регулирование торговой деятельности основывается на положениях Конституции Российской Федерации – высшем юридическом акте государства. Все нормативно-правовые акты, имеющие отношение к регулированию торговли, должны соответствовать конституционным началам и принципам.

Понимание, что в России уровень государственной политики в отношении конкуренции находится в стадии формирования, определяет необходимость критического анализа принимаемых законов в этой области и разработку рекомендаций по регулированию этого процесса в торговле.

Согласно Федеральному закону «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [11, ст. 2] государственное регулирование торговой деятельности осуществляется посредством:

- 1) установления требований к ее организации и осуществлению;
- 2) антимонопольного регулирования в этой области;
- 3) информационного обеспечения в этой области;
- 4) государственного контроля (надзора), муниципального контроля в этой области.

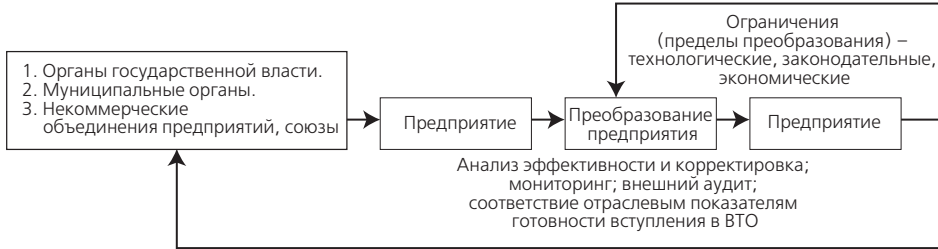
Применительно к предмету исследования наибольший интерес представляет модель государственного управления конкурентоспособностью предприятий (рисунок 4), разработанная Е. С. Брулевым [2, с. 171], представленная модель базируется на основных структурных элементах системы государственного управления (субъекты, объекты, инфраструктура) и анализе функций и связей между ними и, по нашему мнению, подходит как для производственных, так и для торговых предприятий.

И. В. Егоров [3, с. 10] отмечает, что вмешательство государства в процессы развития розничных торговых предприятий целесообразно осуществлять в двух плоскостях: с одной стороны, воздействуя на рыночные

отношения через инвестиционную, налоговую, тарифную политику, законодательство, с другой стороны – через регулирование отношений между работодателями и работниками.

Модель механизма государственного управления конкурентоспособностью предприятия

Рисунок № 4

Эффективное управление взаимодействием государства и бизнеса в современных экономических реалиях, по мнению Никитаевой А. Ю. [5, с. 10], напрямую коррелирует с успешностью функционирования коммерческого сектора и совершенствованием государственного регулирования процессов развития социально-экономических систем.

Таким образом, организационно-экономический механизм управления конкурентоспособностью розничного торгового предприятия представляет собой совокупность организационных, правовых и экономических методов и рычагов, которые во взаимодействии обеспечивают реализацию комплексных целевых программ и планов повышения уровня конкурентоспособности предприятия.

1. Агалакова О.С. Повышение конкурентоспособности розничных торговых предприятий [Текст] / О. С. Агалакова: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Киров, 2008. – 211 с.
2. Брулев, Е. С. Управление конкурентоспособностью предприятий [Текст] / Е. С. Брулев: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2006. – 172 с.
3. Егоров И. В. Стратегия организационного управления развитием компаний в современных условиях [Текст] / И. В. Егоров: автореф. дис. ... доктора экон. наук: 08.00.05. – Санкт-Петербург, 2009. – 31 с.
4. Михайлюк О. Н. Формы и приоритеты государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей [Текст] / О. Н. Михайлюк: автореф. дис. ... доктора экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург – 2009. – 48 с.
5. Никитаева А. Ю. Управление взаимодействием государства и бизнеса в экономической системе региона: методология, теория, механизмы [Текст] / А. Ю. Никитаева: автореф. дис. ... доктора экон. наук: 05.13.10. – Ростов-на-Дону – 2008.
6. Розничная торговля / Госкомстат России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 14.12.2011).
7. Россия в цифрах. 1995: Краткий статистический сборник / Госкомстат России. – М., 1995. – С. 108.
8. Россия в цифрах. 2001: Краткий статистический сборник / Госкомстат России. – М., 1995. – 12,5 п. л.
9. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. – М.: Логос, 1996. – С. 316–317.
10. Токарь Е. В. Эффективность внутренней торговли на рынке потребительских товаров: теория, методология, стратегия роста [Текст] / Е. В. Токарь: автореф. дис. ... доктора экон. наук: 08.00.05. – Белгород, 2009. – 40 с.
11. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. N 381-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23.12.2010 N 369-ФЗ) // Российская газета. – 2009. – 30 декабря. – № 253.
12. Шахватова С. А. Управление конкурентоспособностью предприятий [Текст] / С. А. Шахватова: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Воронеж, 2008. – 185 с.

О МЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ

УДК 140.8

Н. И. ГУБАНОВ, Н. Н. ГУБАНОВ

По мнению Э. Дюркгейма, социальная солидарность служит главной силой, сплачивающей общество, создающей общественное целое, обеспечивающей его стабильность и прогресс [1]. Важная роль в обеспечении солидарности принадлежит менталитету, или ментальности, индивидов и социальных групп. Всё, что влияет на активность человека — экономические и политические интересы, религиозные, эстетические, нравственные убеждения, профессиональные знания, представления о своих способностях и внешности — всё это и многое другое на уровне субъективности представлено в менталитете — «социально-психологическом паспорте» субъекта. Под менталитетом мы будем понимать возникшую на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта систему качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система *детерминирует специфический характер* восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных новаций [2].

Носителем менталитета является индивидуальный или коллективный субъект. В первом случае менталитет — это то, что отличает в социально-психологическом плане одного человека от других. Во втором случае признаки менталитета показывают, что общего в духовном мире группы и что отличает её от других групп. Особенности, составляющие групповой менталитет, по отношению к группе (например, нации) выступают как общее, а по отношению к более широкой общности (скажем, населению всей страны или всему человечеству) — как единичное. Изучение менталитета предполагает идентификацию признаков различных субъектов, их сравнение и выявление особенностей субъектов. Если сравнение не производится, то это есть изучение сознания, психики, бессознательного, духовного мира, но не менталитета. Кстати, модным стало

использование термина «менталитет» как синонима сознания, психики, либо их элементов и уровней, что, конечно, непродуктивно. В процессе осознания субъектом своих ментальных особенностей и сравнения их с особенностями других субъектов происходит идентификация — отнесение себя к определённой социальной группе («я — русский», «я — гражданин России»). А это формирует чувство солидарности и вытекающее из него стремление оказывать моральную, материальную и организационную поддержку членам своей социальной группы.

Э. Дюркгейм в своей концепции механической и органической солидарности [1, с. 18,57–58] учитывал только то, что мы будем именовать конструктивными сходствами и конструктивными различиями. Мы же будем учитывать, что при взаимодействии индивидуальных и групповых субъектов функционируют четыре пары ментальных особенностей: конструктивные сходства (например, общие ценностные ориентации, идеалы и др.), деструктивные сходства (агрессивность, раздражительность, нетерпимость критики и др.), конструктивные (комплементарные) различия (образный и понятийный способы мышления, различающиеся технологии и др.), деструктивные различия (противоположные ценностные ориентации, взаимоисключающие идеалы и др.). *Конструктивные сходства и различия способствуют интеграции социума, а деструктивные — его дезинтеграции. Чтобы повысить притяжение между какими-либо субъектами, мы должны увеличивать конструктивные сходства и конструктивные различия, уменьшать деструктивные сходства и деструктивные различия.*

Трудность в обеспечении общественной солидарности состоит в том, что менталитет социума неоднороден. Любой социум полиментален. Для понимания некоторых существенных моментов развития общества особенно важно выявить характеристики менталитета интеллектуальной, или духовной, элиты, менталитета народных масс и менталитета политической, или властной, элиты, а также раскрыть взаимодействие этих форм ментальности. Элита —

это социальная группа, продуцирующая определяющие для развития социума новации во всех его сферах и выполняющая наиболее важные управленческие функции. Главными конструктивными сходствами между всеми тремя группами должны быть единые цели, переживания, желания, связанные с укреплением страны, её благосостоянием и процветанием. Духовная элита, включающая в себя нравственную, художественную, философскую, научную и информационную элиту, — слой общества, который продуцирует наиболее важные новации в сфере науки, экономики, техники, искусства, морали, права, политики, коммуникации.

Благодаря своему менталитету, главной спецификой которого служит доминирующий в нём креативный компонент, духовная элита творчески и квалифицированно культивирует высшие ценности социума, обобщает опыт мировой истории, производит взаимопроникновение высших достижений национальной и мировой культуры и вводит новые смыслы, способные интегрировать общество на основе новых конструктивных сходств. Она осмысливает и переосмысливает идеи, лишь наметившиеся в сознании народа. По мере того, как массы воспринимают новые смыслы, укрепляется в обществе и солидарность по *конструктивным сходствам*. В этом и проявляется позитивный результат взаимодействия менталитета духовной элиты и менталитета масс. Массы тянутся к духовной элите и на основе *конструктивных различий*. Когда массы видят со стороны духовной элиты красоту слова, силу мысли и благородство духа, то они испытывают симпатию к представителям духовной элиты, восхищаются, гордятся ими и следуют за ними.

Важнейшая функция духовной элиты, по мнению А. С. Ахиезера, заключается в адекватной интерпретации массовых инверсий — таких ходов мысли и их результатов, которые связаны с абсолютным противопоставлением полярностей в различных сферах бытия, признанием противоположностей абсолютно несовместимыми [3]. Для духовной элиты всех стран преимущественно характерен диалектический стиль мышления, называемый сейчас медиацией. Она отличается отказом от абсолютизации противоположностей, вниманием к их взаимопроникновению, стремлением к синтезу полярных утверждений.

Медиация — творческий, рефлексивный процесс, порождающий культурные новации — новые смыслы срединной культуры, служащие потенциальными конструктивными сходствами.

Инверсия как доминирующий стиль мышления масс является логической формой самого простого способа принятия решения, заключающегося в простом выборе между двумя вариантами. При столкновении двух альтернативных идей (например, любовь — ненависть, порядок — хаос, оптимизм — пессимизм, свобода — ограниченность, демократия — авторитаризм и т. п.) в случае инверсии люди ищут выхода путём принятия одной из этих альтернатив. В результате инверсий происходит постоянное накопление и обострение деструктивных различий, и если этот процесс не будет контролироваться, то будет расти социальная напряжённость. При медиации происходит поиск сочетания этих идей и их синтеза. Инверсивное мышление оперирует лишь готовыми решениями и находится под влиянием эмоций. Медиативное же мышление связано с творческими усилиями по созданию новых идей. В этих идеях деструктивные ментальные различия преобразуются в конструктивные различия и сходства, что даёт стимулы к прогрессу.

Функции духовной элиты — порождение новых культурных смыслов и внесение их в массы — создают для неё, по словам А. С. Ахиезера, две смертельные опасности. Первая из них — резкое возрастание деструктивных различий, взаимного презрения, именуемых обычно расколом с народом, который массовым сознанием может рассматриваться как отпадение, превращение духовной элиты в носителя мирового зла. В результате само существование духовной элиты становится фактором роста дискомфорта, что грозит ей уничтожением. «Гибель духовной элиты, изоляция её от общества может быть аналогична потере человеком разума в сложной ситуации... *Раскол не происходит в тех странах, где существует диалог духовной элиты с массовым сознанием, где результаты творчества каждой из частей общества постоянно осваиваются другими частями и масштабы приемлемых новшеств, шага новизны постоянно расширяются*» [3. с.191–192].

Вторая опасность для духовной элиты — партиципация, слияние её с народом, её

отказ от своих специфических ценностей и принятие ценностей массового менталитета. Партиципация — это результат перехода конструктивных различий в деструктивные сходства. В данном случае менталитет духовной элиты опускается до уровня массового менталитета и, следовательно, теряет свою специфику, а элита превращается в псевдоэлику и даже может провозглашаться ненужной. Действительно, если массы чувствуют, что им не могут преподнести ничего нового, красивого, высокого, то у них создается впечатление о полной бесполезности духовной элиты как специфической группы. Последствием этого является исчезновение или ослабление конструктивной напряженности, которая имеет место в дуальных оппозициях «духовная элита — властная элита», «духовная элита — народ», «властная элита — народ». Во всех случаях это означает исчезновение, крайнее ослабление социокультурного механизма, обеспечивающего напряженное стремление духовной элиты, правящей элиты и народа к высшим ценностям национальной и мировой культуры во всех её формах. В результате замены духовной элиты псевдоэлитой в обществе исчезает основной источник позитивных культурных новаций и стимул социального прогресса. Вместо деятелей духовной элиты выдвигаются лидеры серого (по выражению Ахиезера) творчества — представители псевдоинтеллектуальной элиты типа Т. Лысенко, Т. Гайдара, А. Чубайса, Б. Немцова. Серое творчество — это инновации, не выходящие за разрешенный в данном обществе шаг новизны.

Кроме догматизма, инверсионной логики (того, что в отечественной философии 20 в. обычно называли метафизическим способом мышления), интолерантности, одной из характерных ментальных особенностей представителей псевдоэлиты является повышенная агрессивность, направленная против настоящей духовной элиты. Восстановление духовной элиты и установление ею продуктивного диалога с правящей элитой и народом — длительный и трудный процесс.

Менталитет духовной элиты отличается от менталитета не только масс, но и от менталитета политической элиты. Духовная элита нацелена на решение перспективных основополагающих проблем жизни, на поиск высших ценностей. Она прогнозирует пути развития нравственных идеалов общества, разрабатывает новые

конструктивные смыслы. Властная элита помогает внедрению этих новых смыслов, обеспечивая информационно-коммуникативными ресурсами духовную элику. Если в менталитете интеллектуальной элиты преобладает креативный компонент, то в менталитете правящей элиты особенно выражен прагматический компонент. Правящая элита — это группа лиц, сосредоточившая в своих руках высшую власть, высшие функции управления, направленные на интеграцию общества. Правящая элита превращает полученные духовной элитой результаты интерпретации в актуальную повседневную практику, в оперативную деятельность. Она решает повседневные проблемы, направленные на стабилизацию общества и преодоление дезорганизации. Но основная деятельность правящей элиты должна быть ориентирована на создание конструктивных различий в обществе, она должна разводить конфликтующие группы посредством принятия нового прогрессивного законодательства, регулирующего деятельность групп и учитывающего в какой-то мере интересы всех их посредством разделения функций между ними.

Правящая элита, балансируя между двумя социальными полюсами, должна поддерживать связь как с народными массами, так и с духовной элитой. Как и для духовной элиты, для неё характерны две большие опасности. Первая из них — чрезмерное отделение от народа в результате роста деструктивных различий, чрезмерного расхождения менталитета правящей элиты с массовым менталитетом, особенно в мотивационной части менталитета, то есть в понимании ценностей и целей бытия. Крайним случаем может быть принятие правящей элиты массовым сознанием за воплощение мирового зла, что, в свою очередь, может приводить к социальному взрыву.

Вторая опасность — партиципация на основе возрастания деструктивных сходств с массами. Она проявляется в стремлении власти слиться с народом, проникнуться почвенными, догосударственными иллюзиями, верой в способность народа после ликвидации бюрократии навести полный порядок, достичь изобилия, перегнуть все страны и т. п. За полное заполнение менталитета правящей элиты ценностями и установками массового сознания правящая элита расплывается ослаблением связи с духовной элитой на фоне ослабления

конструктивных различий между ними. При определённых условиях может происходить полный разрыв между правящей и духовной элитой и неизбежным при этом снижением компетентности решений и эффективности управления социумом.

При этом правящая элита лишается разума, веры, красоты, а духовная элита — преобразующей социум силы. Различие менталитетов элит постоянно стимулирует возникновение конфликта между ними, который, однако, периодически сменяется стремлением правящей элиты использовать творческую энергию духовной элиты для решения своих проблем по интеграции общества. В случае глубокого конфликта между правящей и духовной элитой может происходить подавление последней, что в истории находило выражение в виде изгнания неугодных деятелей культуры, помещения их в монастырь, тюрьму или психиатрическую лечебницу, лишения права публиковать свои сочинения, а в крайних случаях — в виде физического уничтожения. При тоталитарных режимах отношения между правящей элитой, духовной элитой и народом принимают извращённый характер: духовная элита подавляется и уничтожается; возникает духовная псевдоэлита, которая вместе с интеллигенцией занимается серым творчеством; право быть источником новаций признаётся за верхушкой правящей элиты и в крайних случаях тоталитаризма даже за одним лицом — верховным правителем, вождём. Вспомним: «...С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт». Принятие правящей элитой или диктатором несвойственной им креативной функции служит одной из причин негативных явлений в обществе. *Сказанное позволяет сделать вывод о том, что благоприятное состояние общества и его устойчивое развитие возможны при условии сохранения специфики менталитетов духовной элиты, правящей элиты и народных масс.*

Источником конструктивной напряжённости в обществе служат не только конструктивные различия в менталитетах масс, духовной и политической элит, но и конструктивные различия в менталитетах других социальных групп — профессиональных, территориальных, возрастных, административных, этнических. Существование ментального разнообразия и конструктивных ментальных различий создаёт возможность для экзистенциального диалога и порождения

в его процессе культурных новаций. Системы тем устойчивее, чем выше их разнообразие, так как в разнообразии элементов потенциально содержатся формы приспособления к различным вариантам будущего. Разнообразие системы делает её устойчивой к многовариантному будущему. Социум характеризуется различными видами разнообразия. Особое место среди них занимает ментальное разнообразие, поскольку именно оно через различные формы диалога стимулирует возникновение культурных новаций. Поэтому в обществе необходимо создавать условия для существования этого разнообразия. Необходимым условием сохранения культурного разнообразия на планете является воспитание у людей толерантного отношения к другим менталитетам. Требуется культивирование в системах образования, воспитания разных типов и уровней уважительного отношения к своеобразию духовного склада стороннего человека, преодоление стихийно возникающей иллюзии, что все должны видеть и понимать мир именно как я.

Признавая необходимость наличия ментальных различий в обществе, надо вместе с тем иметь в виду, что ментальные различия между социальными группами должны быть конструктивными и не чрезмерно деструктивными. Последние могут порождать антагонистические противоречия, вражду и насилие. Это может касаться отношений между духовной и правящей элитой, между духовной элитой и народом, между правящей элитой и народом, между этносами, территориальными и профессиональными группами. Поэтому для обеспечения единства социума и его успешного развития менталитеты этих социальных групп должны иметь определённую общность. *В целом необходимо оптимальное соотношение, или мера, ментального различия и сходства социальных групп, обеспечивающая, с одной стороны, поддержание конструктивной напряжённости и порождение культурных новаций в процессе экзистенциального диалога, а с другой стороны, эта мера не должна приводить к конфронтации и насилию.* Нарушение этой меры, её отклонение в ту или иную сторону способно вызывать негативные последствия в обществе: либо его стагнацию, либо конфронтацию, которая в крайних случаях может переходить в самоуничтожение в ходе гражданской войны.

В настоящее время в отечественной и особенно в зарубежной литературе интенсивно обсуждается проблема мультикультурализма. Раньше, до 70-х годов 20 в., в эмигрантских странах (Канаде, Австралии, США) при обсуждении вопросов о взаимодействии различных этносов имела место идеология «плавильного котла» и политика ассимиляции, направленная на стирание культурных различий во имя общих ценностей. В последние 2 десятилетия прошлого и в начале 21-го в. эта идеология была подвергнута справедливой критике. Так, французский учёный М. Вевёрка отмечал, что в условиях 21 в. ассимиляция может рассматриваться как разновидность нового расизма. По его мнению, «сообщить группе, что её идентичность должна исчезнуть и раствориться, равносильна её дискредитированию, отрицанию и презрению, рассмотрению её как опасности» [4, с.20–21].

Под влиянием критики на смену концепции ассимиляции в начале 21-го в. пришла концепция мультикультурализма — признания и поддержания культурной отличительности и многообразия в рамках единого национального государства. Вначале сформировалась модель «мозаичного», «фрагментарного», радикального мультикультурализма, рассматривающего общество как совокупность автономных и конкурирующих друг с другом культурных сообществ. В этой модели группы людей и культуры сосуществуют друг с другом подобно компонентам мозаики, сохраняя жёсткие границы. Данная модель мультикультурализма была подвергнута критике, в которой, в частности, отмечалось, что он создаёт угрозу единству страны и нарушает либеральный принцип приоритета прав индивида в пользу коллективных прав (замыкая индивида в группе и не давая ему

культурного выбора). Кризис концепции радикального мультикультурализма показали массовые беспорядки, произведённые иммигрантами во Франции и Великобритании в последние годы.

Поэтому сейчас возникает новый вариант — вариант интегративного, демократического мультикультурализма. Этот вариант предполагает признание культурных прав для различных меньшинств *при условии принятия ими общих для всего данного социума ценностей и законов*. В отношении России Л. Р. Низамова отмечает: «Выявлены преимущества стратегии культурного плюрализма по сравнению с иными вариантами политики в отношении мигрантов... Плюралистическая интеграция сводит к минимуму маргинализацию и геттоизацию иммигрантских сообществ, противодействует распространению ксенофобии, расизма и негативных антииммигрантских стереотипов» [5, с.84].

С позиций нашей концепции взаимодействия различных менталитетов в обществе, идеология ассимиляции не соответствует положению о мере необходимого для прогресса различия менталитетов цивилизаций; модель «мозаичного» мультикультурализма, напротив, игнорирует положение о мере нужного ментального сходства. Вариант интегративного мультикультурализма соответствует закону меры ментального различия и сходства социальных групп как условию прогресса. Этот вариант и должен быть положен в основу этнической политики России и других стран. Разумеется, реализация этой политики — чрезвычайно трудное дело. Задача философских и социологических исследований заключается в том, чтобы обозначить границы меры сходства и меры различия менталитетов различных этносов и других социальных общностей.

-
1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1990.
 2. Губанов Н. Н. Менталитет и его функционирование в обществе [Текст] / Н. И. Губанов // Философия и общество. — 2006. — № 4; Губанов, Н. Н. Менталитет и образование в системе движущих сил развития общества [Текст] / Н. И. Губанов // Социология образования. — 2010. — № 1.
 3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь [Текст] / А. С. Ахиезер. — 2-е изд. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
 4. Вевёрка М. Формирование различий [Текст] / М. Вевёрка // Социологические исследования. — 2005. — № 8.
 5. Низамова Л. Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма [Текст] / Л. Р. Низамова // Социологические исследования. — 2009. — № 10.

ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА В ЧЕЛОВЕКЕ РУССКИМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ФИЛОСОФАМИ НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 124.5

А.Н. ЛУКИН

Человеческая сущность во многом проявляется в творческой деятельности. Посредством творческого акта, индивид преодолевает ограниченность наличествующего бытия. Креативность — атрибутивное свойство человека. Неслучайно это качество становится предметом философской рефлексии. Русские религиозные философы первой половины XX века значительное место отводят исследованию творческого начала в человеке. Это одна из специфических особенностей новой антропологии, разработанной русскими мыслителями. Концепция человека философов Серебряного века существенно отличается от понимания антропологии как в «святоотеческом» христианстве, так и в секуляризованной западноевропейской гуманистической традиции.

Ортодоксальное христианство, по мнению русских религиозных философов, слишком принизило все природное в индивиду. Н. Бердяев прямо заявляет: «Традиционное христианское учение о человеке не раскрыло творческой природы человека, оно было подавлено сознанием греха» [1, с. 427]. Христианская антропология учит о том, что человек может приблизиться к Богу, только преодолевая в себе все человеческое. В то же время в ней сохраняется бесконечная дистанция между человеком и Богом. Прослеживается идея бессилия и беспомощности человека. Вопрос о положительном творческом призвании человека не поднимался святыми отцами церкви. Человеку ставится задача смирения, преодоления в себе мирского, чувственного, телесного начала. Предназначение человека отыскивается в постижении вечного путем отрешения от всего тленного, суетного. Христианская антропология предполагает интенцию сознания на уход от мира, а не на его творческое преобразование.

Неклассическая философия и опирающаяся на нее антропология, в противовес метафизике, исходят из того, что творческий порыв — это акт неповиновения по отношению к традиции, это всегда дерзкий выход за пределы дозволенного, это расширение горизонта возможностей человека. Поэтому

требуется «переоценка всех ценностей» (Ф. Ницше), чтобы стимулировать творческую активность личности. Когда нет канона, сброшены путы последних ограничений, даже нравственных, человек приобретает абсолютную свободу и может творить все, что ему угодно и как угодно. При этом, на мой взгляд, не учитывается предостережение диалектиков о том, что все имеет свою меру, при преодолении которой возникает совершенно другое качество. Ничем не ограниченная свобода вырождается в анархию, а полная безответственность творца может способствовать появлению таких творений, которые будут нести прямую угрозу человеку. Очевидно, что творческий акт — это не только выход за пределы традиции, канона, нормы — это еще и момент преемственности, не полное уничтожение старого содержания, а его приращение.

Я уверен, что даже самое авангардное произведение искусства, чтобы иметь успех, должно быть наполнено значимым содержанием посредством интерпретации. Процесс толкования, внесения смысла становится продолжением и даже необходимым этапом творческого акта. Интерпретация произведения искусства, по мнению постмодернистов, компенсирует поспешность ухода от традиции. «Раскрученность» автора при этом может заменить ему талант. При этом зрителю, читателю и слушателю вместо глубины восприятия произведения искусства приходится довольствоваться осознанием того, что он приобрел к чему-то модному, новому, эксклюзивному, пусть даже и поверхностному. Постмодернисты, на мой взгляд, доводят эту идею до абсурда, предлагая каждому лично осуществить «деконструкцию» (Деррида) всякого «текста» культуры, а затем самому же компенсировать содеянное актом интерпретации. Но интерпретацию может осуществить только личность, освоившая какие-то культурные каноны. Интерпретация — это либо сознательное следование одной из традиций, либо, по крайней мере, использование отдельных элементов прошлого опыта. Преодоление традиции без самой традиции невозможно.

Секуляризованная гуманистическая антропология, по мнению русских религиозных философов, испытывает непреодолимые трудности в постижении сущности и предназначения человека. Само ее появление может быть оценено как результат осознания ограниченности христианского видения человека. Новый проект человека призван освободить дремлющие в нем силы. При этом гуманизм впадает в другую крайность. Как отмечает Н. Бердяев, «гуманизм утверждает антропоцентризм субъективно-психологический, а не объективно-космический» [2, с. 80]. Попробуем развить эту мысль Н. Бердяева. Творческие силы человека разбужены, но его поприщем становится зависимый природный мир, который и личность, соответственно, делает зависимой. Цели такого творца ограничены наличием лишь преходящих, субъективных ценностей. Гуманизм познает человека как природный объект и не знает человека как сверхприродного субъекта. Если нет другого мира, то только в этом конечном мире нужно искать свое предназначение и счастье. При этом невозможно избавиться от ощущения бессмысленности бытия. Человек сам для себя создает смыслы и ставит цели, но перед осознанием своей конечности ощущает их абсурдность. Теряется нравственное измерение, так как нравственность генетически связана с Абсолютом. Секуляризованный человек ощущает в себе творческие силы, но скатывается к утилитаризму и прагматизму. Его творчество ограничено рамками тленного мира.

Философы русского религиозного Ренессанса были не только хорошо знакомы с Западной неклассической философией, но и считали ее важным звеном в развитии человеческой мысли. Эмпиризм Нового времени рассматривался как важный, но уже изживший себя этап познания, который обогатил новую метафизику интересными идеями, прежде всего пониманием человеческой чувственности и волевой сферы как фундамента творческой активности личности. По Н. Бердяеву, «через гуманизм в муках рождается активность человека, идущая снизу вверх, а не сверху вниз. Правда гуманизма — часть религии богочеловечества, предполагающая веру не только в Бога, но и в человека» [2, с. 83]. В то же время русские мыслители считали, на мой взгляд, небезосновательно, что философия жизни, позитивизм и материализм как тенденции мысли уводят человечество в сторону от философской традиции, так как философию всегда интере-

совали не эмпирические законы природы, а сверхприродные начала бытия. Более того, западноевропейское сознание постепенно проникалось глубоко антифилософскими настроениями в общественной идеологии и психологии. Наиболее уязвимым местом западного рационализма, по мнению русских мыслителей, была неспособность создать удовлетворяющую запросам общества антропологию. Философы Серебряного века создают такую антропологию на метафизических принципах.

По моему мнению, только бытие человека в срединном континууме, где высоко ценится как духовность, так и телесность, позволяет соединить цели, исходящие от верхнего предела культуры с неограниченной мощью человеческой воли, чувств, эмоций. И эта идея присутствует в русской религиозной философии начала прошлого века. Такая философия чужда аскетизму и устранимости от всего мирского, преходящего. Напротив, это модель обретения себя, постижения своей самости через осознанное преобразование мира, через объективацию своего внутреннего «Я», через «со-творчество» с Богом.

Человек, по мнению русских философов способен продолжать бесконечный процесс божественного творения. А. Мень, следуя традиции отечественной религиозной мысли, говорил: «Все наше земное творчество есть радость, переплетенная с глубокой тоской по совершенству и идеалу. Мы ощущаем в себе огромные возможности, осуществить которые полностью нам не дано. Горизонт и устремления безграничны, а человеческая жизнь коротка, как мгновение» [4, с. 20]. Но истинная цель творчества — не столько достраивание мира, сколько обретение себя, преодоление своей физической ограниченности, земной конечности. Именно поэтому созидательный процесс открыт беспредельному совершенствованию, а каждый мастер, закончив свой труд, испытывает неудовлетворенность, которая побуждает его к новым творческим поискам. По моему мнению, только благодаря наличию верхнего духовного предела культуры возможна перспектива бесконечного развития человеческой личности далеко за границами нынешних рамок ее бытия. Человек призван выйти за границы своего субъективного «Я». Без верхнего духовного предела культуры, каковым русским мыслителям виделся Абсолют, трансцендирование осуществить невозможно. Только в перспективе бесконечного развития

человеческой личности, далеко за пределами нынешних условий ее бытия, обретает она подлинный простор. Только тогда разум, совесть, свобода, творчество приводят человека к вершинам развития. Иными словами, вопрос о возможностях человека и смысле творчества связан с проблемой бессмертия человеческой души.

Предвосхищая К. Ясперса, русские мыслители делили творчество на две составляющие — поиск вдохновения при интенции сознания на трансцендентное и объективацию обретенного смысла в окружающем предметном мире. На первом этапе человек должен «внимать — «созерцать» и «вслушиваться» [3, с. 322]. В этом состоянии творец находится до тех пор, пока Логос не пожелает «говорить» через него, не раскроет перед ним «очевидность». Только после этого начинаются муки творчества второго рода — донести до окружающих то, что раскрылось личности через откровение. При этом предметные результаты творческого акта — достояние не только личности, но и всего человеческого рода, а также космического порядка в целом. Это закономерный и необходимый этап продолжения творения мира.

Мне представляется очевидным, что сам акт творения и его объективация не могут быть поняты и адекватно оценены без ориентации на пределы культуры. Созданный смысл открывается только тем субъектам, которые находятся в том же культурном пространстве, что и творец. Параметры этого хронотопа культуры заданы иерархией базовых духовных ценностей. Человек как представитель рода является необходимым помощником Абсолюта. Результаты «со-творчества» с Богом должны быть использованы теми, кто пойдет дальше по этому бесконечному пути созидания.

Отметим, что механизм проявления творчества непосредственным образом связан с деятельностью духа вне себя. Сначала интенция сознания субъекта на предмет творчества притягивает к себе идеальный образ, который является человеку посредством интуитивного озарения, потом она организует активность субъекта, благодаря которой появляются методы, средства и все остальное, необходимое для творческого акта. Наконец, благодаря интенции сознания субъекта осуществляется переход от старой несовершенной формы к более совершенной. Творческое начало есть лишь возможность проявления духа конкретным образом в том или ином виде.

На мой взгляд, в русской религиозной философии начала прошлого века можно выделить четыре самостоятельных, но при этом неразрывно связанных между собой аспекта творчества отдельного индивида: по отношению к самому себе, к человеческому роду, к природному миру и, наконец, к Богу.

Во-первых, личность достраивает в себе то, что Бог преднамеренно оставил в человеке незавершенным в форме потенциальной возможности. Тем самым обретается смысл индивидуального бытия, суть которого в «со-творчестве» с Логосом. Человек как «подобие Бога» тоже имеет творческое начало, только в относительной степени, без абсолютной способности, потому что «образ и подобие» не равны своему великому Прототипу. Но если образ Бога навсегда запечатлен при сотворении духа человека с присущими ему качествами, в том числе и неотъемлемым от него творческим началом, то подобия Бога человеку предстоит достичь именно посредством творчества. Конечно, добиться полного тождества Человека и Бога невозможно, но задача состоит в том, чтобы как можно ближе приблизиться к идеалу.

Во-вторых, индивидуальное творчество — это еще и совместная с Богом деятельность по совершенствованию человеческого рода. Исходя из этой установки, большинство русских религиозных философов предложили свои утопичные проекты совершенствования общества.

В-третьих, человек участвует в творении космоса по проекту Логоса и при его участии. В этом месте философы Серебряного века предугадали возможные трагические последствия бездуховного освоения природы. Сделано было это задолго до осмысления человечеством его нынешних глобальных проблем. Источником отчуждения Природы становится утилитарно-потребительское отношение к ней, не соответствующее божественным идеалам добра, гармонии, совершенства. Видя в Природе объект творческого порыва при размытом верхнем пределе культуры, человек начинает разрушать среду своего обитания.

В-четвертых, Бог нуждается в помощнике, каковым может стать только человек, как образ и подобие Бога. В этом качестве человек превосходит статичную ангельскую природу, так как функция ангелов — охранять, а не достраивать мир. Только Бог и человек обладают творческим началом и творческими способностями.

С. Франк высказал идею о том, что с помощью творчества человек преодолевает свою изолированность от мира. Он разделил мир на «объективную действительность» (внешний предметный мир) и «реальность». Согласно «Толковому словарю русского языка», понятие «реальность» имеет несколько значений. Во-первых, «это действительно существующее, не воображаемое», в другом значении – это «осуществимое, отвечающее действительности» [5, с. 671]. Именно ко второму смыслу этого термина апеллирует С. Франк. Принципиально то, что внутренняя «реальность» осуществима во внешнем мире через трансцендирование. «Реальность» – это прежде всего внутренний духовный мир человека. Это и есть некая метапрограмма его бытия. Вместе с тем «реальность», по С. Франку, не замкнута в себе, не обособлена для каждого человека как сфера внутренней жизни. Человек в акте самопознания и творческого порыва посредством трансцендирования преодолевает свою субъективность, конечность. Духовная жизнь человека в главной своей части черпается из глубины «реальности». «Я», по С. Франку, оказывается лишь ее носителем, своеобразным фокусом, концентрирующим и преломляющим лучи, бросающиеся в сферу природного бытия «глубинной богочеловеческой реальностью моей души».

На мой взгляд, русская метафизика первой половины прошлого века в значительной мере стала результатом самопознания ее создателей. Русские философы исследовали глубинные основания своего творческого вдохновения и объективировали свои выводы в философских текстах. Можно согласиться с замечаниями критиков этой метафизики в той части, что проект нового человека в русской религиозной философии оказался утопичен, так как остался непонятным и неизвестным для широких масс. Но заканчивать выводы на этом нельзя. Большинство философских текстов предназначено не для обывателя, а для тех, кто занят своим самоопределением, духовным поиском. Именно для таких личностей, а не для широких масс, может стать полезным метод обретения личного смысла жизни и творческого вдохновения через самопрограммирование, через создание своей внутренней «реальности» и последующее трансцендирование. В таком аспекте антропология С. Франка и С. Булгакова, Н. Бердяева и П. Флоренского, И. Ильина и др. русских мыслителей вовсе не является утопией. Напротив, оставленное русскими мыслителями творческое наследие убедительно подтверждает высокий потенциал предложенного ими и реализованного в своей собственной жизни метода конструирования субъекта творческой деятельности.

1. Бердяев Н. Диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н. Бердяев – М. : АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 620 с.
2. Бердяев Н. Смысл творчества: опыт оправдания человека [Текст] / Н. Бердяев – М. : ООО «Издательство АСТ»; Харьков : Фолио, 2004. – 678 с.
3. Ильин И. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
4. Мень А. История религии. В 2 томах. Т. I. [Текст] / А. Мень – М. : ФОРУМ – ИНФРА-М., 2000.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 93/99(4/9)

Б. Н. КАРИПОВ

Возникнув как движение за сохранение существующего порядка, российский консерватизм обладал серьезным потенциалом для осуществления политики позитивных преобразований. Череда реформ и контрреформ, осуществлявшихся в российской истории, вынуждала консерваторов определять свое отношение к возможностям перемен и изменений. Поиск путей адаптации самодержавной власти к запросам динамично меняющейся страны «стал первоочередной задачей дальновидных консерваторов» [4, с. 161]. Отсюда вытекает необходимость ответа на вопрос, насколько основы консервативного мировоззрения в принципе могут быть связаны с реформистской политикой. Принципиальным положением консервативного сознания является опора на «жизнь», на конкретно-историческую действительность. Придерживаясь этого принципа, именно консерваторы первыми поставили проблему соотношения и взаимосвязи старого и нового. Государственная идея, основанная на самодержавии, была ключевым моментом консервативного мировоззрения в России. Консерваторы требовали от своих политических оппонентов, чтобы иницилируемые ими перемены не нарушали преемственность исторического развития России. Призывы к разделению власти на законодательную, исполнительную, судебную они интерпретировали как раздельное исполнение функций единой царской власти. М. О. Меньшиков писал по этому поводу: «... Верховная власть должна почитаться не третьим только членом республиканской триады, не «исполнительной» лишь дробью, а основной единицей, от которой должны идти непрерывные ступени власти» [6, с. 214]. Главную опасность Меньшиков М. О. видел в том, что «правящие классы потеряли свое родство с народом и насквозь переполнены чуждыми элементами» [7, с. 42].

По мнению Л. А. Тихомирова, именно бюрократия была виновна и несла ответственность за «деформацию» самодержавия и искажение воли монарха. К господству бюрократического слоя в России привел упадок нравственных и религиозных идеалов, служивших сдерживающими факторами. Бюрократия препятствует выдвиганию способных людей, подменяет собой власть монарха

и в определенном смысле разрушает сакральный ореол власти, извращая все полезные начинания. Славянофил Д. А. Хомяков считал, что изначально народ как бы делегировал свою власть монарху и царь брал на себя бремя царствования. Пока власть лишь направляла «живое тело» органически сложившегося живущего государства, она являлась выражением национального духа; но начиная с реформ Петра I появляются различные «средостения», т. е. определенные слои или сословия, которые «заменяют» в глазах монарха весь народ. Этими «средостениями», по его мнению, являлись сначала дворянство, затем бюрократия, которой жизненно важно было устранить дворянство от выполнения его прежней ведущей политической роли, а впоследствии интеллигенция. Об «историческом насилии» петровских преобразований писал идеолог неославянофильства — С. Ф. Шарапов, по мнению которого возрождение национальной мысли, «ослепленной Западом» в эпоху Петровской реформы, начали славянофилы [19, с. 3–4].

Критика бюрократического произвола появляются в трудах монархического теоретика К. Н. Пасхалова, который конкретизировал «лица» и центры российских бед. По его мнению, виновна «петербургская бюрократия, громоздящая ошибку на ошибке, не желающая сознаваться в ложности новых оснований государственного правления, сфантазированных графом Витте» [12, с. 225; 14]. Критике подвергалась и столица империи: «Петербург, очевидно, захлебывается в такой нравственной грязи и в таких чудовищных преступлениях против Родины, что достойно соперничает с Содомом, но, к сожалению, не разделяет его участи, а это единственный способ спасения для русского народа» [5, с. 46]. План по искоренению изъянов он представил в программной записке «Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения» [13]. Выходом из сложившейся ситуации К. Н. Пасхалову виделось восстановление решающего законодательного голоса за «историческим Самодержавием», подчинение ему других подобных учреждений — Государственной Думы и Государственного Совета,

причем за последними закреплялись исключительно совещательные полномочия. Верховная власть должна была опираться, как прежде, на мнение всего народа, а не только на мнение большинства. В выборе между народом и большинством она должна была руководствоваться собственными убеждениями о пользе народа и государства.

Консерватор-монархист не отвергал наличие законосовещательного органа, названного им «Государственным учреждением». В его состав должны были войти народные избранники «русских общественных светских и духовных учреждений». Депутаты в состав такого органа должны были избираться посредством прямых выборов из числа гласных уездных земских собраний. В законосовещательном органе ликвидировались фракции, председатель не избирался, а назначался самодержцем. Народные избранники наделялись К.Н. Пасхаловым полной свободой для выражения собственных мнений. Ограничением выступали законы, а также общественные приличия и те торжественные обещания, которые они давали в самом начале своего государственного служения. Все мнения народных избранников «с обстоятельной их мотивировкою» поступали на заключение Государственного совета и далее вместе с мнениями Государственного совета — на рассмотрение государю. Самодержцу представлялось как мнение меньшинства, так и мнение большинства, высказанное при обсуждении законопроектов. Но, даже получив всю информацию о различных мнениях по тому или иному вопросу, самодержец сохранял свободу воли. Пасхалов К.Н. приходит к выводу о том, что привлечение населения к законотворчеству поможет контролировать бюрократию. Поэтому, помимо прочной власти самодержца, предполагалось, что ни один закон не может поступить на рассмотрение к царю, минуя законосовещательное учреждение.

Свои предложения по борьбе с бюрократией сформулировал также известный публицист В.А. Грингмут. Он подчеркивал, что русские консерваторы борются против бюрократического «средостения, отделяющего царя от народа», поскольку именно «в Петербургской бюрократии» они видят «не только пагубное препятствие на пути народа к царю и царя к народу, но и искажение царского идеала в глазах народа». Бюрократическая машина могла поразить и республику, и монархию, однако у монарха имелось гораздо больше возможностей ей противостоять: «он одним росчерком пера» мог «выгнать негодного чиновника

и заставить суд применять законы по всей их строгости к казнокрадам, чего не может сделать какой-нибудь президент республики, который выбирается только на три, на четыре года и никакой власти не имеет, а только подписывает подаваемые ему бумаги» [2, с. 391].

Что же касается народного представительства, составлявшего, вторую грань консервативных представлений о политических изменениях в России, то В.А. Грингмут был его противником. Согласно утверждению Л.А. Тихомирова, публицист ставил П.А. Столыпину «в непроницаемую вину, что он ограничился 3 июня лишь легким изменением выборного закона, а не поставил вопроса о полном упразднении Думы» [11, с. 9]. Консервативный идеолог выстраивал на таком критическом отношении к народному волеизъявлению свое понимание роли монархической власти в изменении политической атмосферы в стране. Монархическая форма правления, считал он, является наиболее рациональной формой организации власти.

В.А. Грингмут исходил из того, что каждое государство нуждается исключительно в двух элементах — верховной власти и народе, которые не могут существовать друг без друга, и третьего здесь не дано. Олицетворением верховной власти в стране выступал самодержец: «Ни выше Царя, ни рядом с Царем никакое лицо и никакое учреждение стоять не может. Вся Верховная Власть сосредоточивается в Его руках. Он — Верховный Правитель, Он — Верховный Законодатель, Он и Верховный Судья». Царь являлся и единственно возможным представителем народа: «Других народных "представителей" кроме Государя Императора в России быть не может, ибо никто кроме Него не может сочетать в себе всю совокупность всех государственных, сословных и классовых интересов Русского народа во всей преемственной связи настоящего, прошедшего и будущего России» [1, с. 67].

Отвергая либеральный принцип представительного правления, В.А. Грингмут на многочисленных примерах свидетельствовал о неподготовленности основной массы населения к участию в осуществлении государственных дел. Он полагал, что выборы народных представителей способствуют усилению политического конфликта и наносят колоссальный ущерб государству: «Там, где существуют политические выборы, там, по необходимости, возникают и политические партии; там, где существуют партии, всегда происходит партийная борьба из-за власти; а там, где существует эта борьба, интересы государства приносятся в жертву партиям» [1, с. 26]. В.А. Грингмут

заявлял о необходимости отстоять власть, которую вознамерились похитить у царя эти «политиканы»: «... Мы тем именно и отличаемся от всех этих Алексинских, Гучковых, Кизеветтеров и Абрамсонов, что мы хотим возвратить Государю ту Власть, которую они у Него похитили, или, вернее сказать, мы хотим сохранить за Царем ту Власть, которую они хотели у Него похитить» [2, с. 362].

Признавая необходимость обратной связи между субъектом и объектом управления, В.А. Грингмут полагал, что в этом качестве гораздо более полезными были бы специальные доклады чиновников, личные сношения монарха с населением и печать. Поскольку лиц, способных к государственной деятельности и разработке законопроектов, немного, следовательно, «вырабатывать и обсуждать законы должны действительно только лучшие люди государства: 1) лучшие опытные чины правительства; 2) лучшие специалисты из общественных классов (ученые и практики) и 3) лучшие государственные люди, призванные государем проверять законопроекты, выработанные в министерствах правительственными и частными специалистами...» [1, с. 73].

Помимо общетеоретических констатаций, В.А. Грингмут предлагал конкретные меры по приспособлению монархической власти к новым веяниям. Содействие царю в законодательной деятельности призваны были оказать члены законосовещательного Государственного совета. Министрам предстояло создать при своих ведомствах комитеты по выработке законопроектов, а администраторам территорий – специальные советы из числа самых авторитетных граждан. В.А. Грингмут стремился укрепить самодержавие за счет перераспределения некоторых функций внутри управленческой системы и ужесточения контроля над бюрократическим произволом. Фактически это означало продолжение курса на приспособление, а не реформирование монархизма в период обострения социально-политической ситуации в России.

Особую позицию по вопросу о практически-политических задачах властей придерживал консервативный публицист В.П. Мещерский. Ссылаясь на моральную деградацию российской бюрократии, он отвергал либеральный тезис о том, что Россия должна стремиться к созданию политических институтов, аналогичных западным: «Россия одна в Европе требует своего пути к развитию и к будущему, и этот путь обратный европейскому пути: он требует строгих рамок для представительства и для

правительства, ибо уже пахнет духовным растлением во всех высших слоях общества, и полной силы и полной свободы Верховной власти, ибо она одна осталась чистой и нетронутой ядом растления, и одна может, опираясь на чистых людей своего народа, быть защитой и опорой каждого русского...» [9, с. 15].

В устремлении политической элиты к компромиссам В.П. Мещерский видел симптом «морального растления», тогда как политическая умеренность ассоциировалась с моральной нечистоплотностью. «... Партия умеренно-правых по отношению к чести и нравственности политической партии правых все равно, что умеренно-честные люди по отношению к общей честности» [8, с. 14]. В.П. Мещерский заявлял, что Россия не нуждается ни в каких партиях, поскольку те лишь отдаляют народ от трона. Судя по всему, ему претили любые формы общественной самодеятельности, даже на местном уровне. Он считал, что для успешного решения локальных проблем требуется усиление административного начала. Можно указать на различия во взглядах на представительство у В.П. Мещерского и В.А. Грингмута: разногласия присутствовали у этих консервативных публицистов, несмотря на одинаковую приверженность фундаментальным устоям монархизма. Редактор «Гражданина» при всем своем критическом настрое все же допускал возможность существования в России представительных институтов и даже мог высказываться против их роспуска. Ход его рассуждений основывался на постулате: если верховная власть не решается ликвидировать Думу, то ее следовало реформировать. Предложение В.П. Мещерского состояло в том, чтобы Дума получила право высказывать свое мнение по поводу законопроектов и делать запросы министрам, а Государственный совет был возвращен в дореформенное состояние. Рассматривая вопросы законодательства, Совет никоим образом не должен быть связанным мнением Думы. В случае разногласий между Думой и Советом или внутри последнего императору представлялось бы мнение Думы, а также большинства и меньшинства Совета: «... Безопасность и порядок в России требуют, безусловно, чтобы за Государем, который <...> Самодержавцем остался, как бы, оставалось право утверждать мнение меньшинства в представительных учреждениях, если он признает оное более соответствующим нуждам своего народа» [10, с. 13].

Соглашаясь с В.А. Грингмутом в том, что лучше бы никаких представительных институтов вообще не было, В.П. Мещерский допускал, «на худой конец», возможность существования

законосовещательного представительства. К признанию такого органа его вынуждала политическая реальность, заставлявшая принимать необходимость законосовещательного представительства, хотя он и стремился избегать использования терминов «представительство» и «представительный». В. П. Мещерский подчеркивал негативные стороны деятельности подобных организаций и ограничивал свои практические советы поиском эффективных способов свести зло к минимуму.

Консерваторы–неославянофилы, наоборот, вполне позитивно относились к посреднической роли законосовещательного института между монархом и народом. А. Г. Щербатов видел идеальный образец такого рода учреждения в хорошо известном в истории России политическом институте, утверждая, что полное осуществление единения Царя с народом должно выразиться в учреждении Земского Собора [20, с. 35]. А. А. Киреев признавал, что «теперь без Думы управлять уже нельзя»: «не будет этой Думы, будет 4, 5, 6-я». По мысли А. А. Киреева, Дума должна была носить не законодательный, а законосовещательный характер. Только такой порядок соответствовал исторической традиции, «исконному самодержавно-совещательному строю». «... Думу настоящую, созданную на исконно русских началах, свободно и гласно контролирующую действия администрации, русский народ признает совершенно необходимым дополнением Самодержавия», — писал он императору в день роспуска II Думы [15, с. 141]. В этом случае можно было сохранить свободу воли самодержца и обеспечить искомую связь власти с народом. А. А. Киреев не отвергал «обновленный строй», но призывал консерваторов примириться с неизбежным. Он воспринимал компромиссы и подчеркивал их историческую необходимость для достижения общестратегических целевых установок.

Оригинальный проект представлен публицистом С. Ф. Шараповым. Исходным началом его построения являлся приоритет власти монарха. В новых исторических условиях неизбежность этого приоритета во многом должна была зависеть от того, насколько удавалось освободить главу государства от решения незначительных вопросов, которые вполне успешно могли решаться на местах. По мнению С. Ф. Шарапова, снижалась результативность управления, препятствуя взаимодействию власти и народа: «Самодержавие государя на глазах у всех обращается в самодержавие министра, последнее обращается в самодержавие директора, начальника отделения, столоначальника» [18, с. 9].

В проекте С. Ф. Шарапова не только постулировался принцип политического верховенства самодержавной власти, в нем четко фиксировались политико-правовые полномочия монарха в сфере внутренней и внешней политики. С. Ф. Шарапов предполагал нормативную регламентацию действий центральных и местных органов власти. Особо подчеркивалось, что главным критерием отбора представителей всех сословий в органы власти на местах и в центре окажутся не происхождение и заслуги, а неординарные способности и умения.

Еще более «радикальными» предложениями и реформаторским духом консервативного обновления политических институтов страны отличался проект П. Е. Казанского. Он считал, что император должен обладать всей полнотой власти, в том числе и законодательной, а представительные институты — играть роль органов, обеспечивающих «присутствие» народа при императорской власти [3, с. 27–28; 16, с. 6, 13]. Многие предложения консервативных идеологов были обусловлены трактовкой Основных Законов 1906 года. Поскольку ряд статей давал возможность различных интерпретаций принципов организации властного механизма, П. Е. Казанский и Л. А. Тихомиров предлагали внести определенные изменения в законодательство о власти. Внимание в этом отношении привлекала 87-я статья Основных законов, которая позволяла Совету министров «во время прекращения занятий Государственной думы» и при чрезвычайных обстоятельствах представлять законодательные акты непосредственно на утверждение царю, превращая их тем самым в чрезвычайные указы Верховной власти. По мнению П. Е. Казанского, достаточно было расширить право императора принимать решения законодательного характера, чтобы снять ограничения, которые налагала 87-я статья.

Л. А. Тихомиров призывал к более основательному пересмотру Основных Законов. Первоначально он предлагал закрепить за Государственным советом, переименованным в Законодательный совет, приоритет в законодательной деятельности. После рассмотрения законопроектов в Совете они поступали бы к императору. В таком случае Государственная дума, переименованная в Народную думу, стала бы, прежде всего, средством связи между монархом и населением. Она сохранила бы право законодательной инициативы и запросов к администрации, однако порядок ее формирования и работы надлежало основательно скорректировать. Депутаты должны были избираться от отдельных групп населения, а вместо длитель-

ных ежегодных сессий предлагалось проводить всего одну — раз в три года, продолжительностью в три-четыре месяца. В чрезвычайных случаях мог созываться Земский собор, в состав которого вошли бы Законодательный совет, Народная дума, министры, носители высшей церковной власти, представители сословий и частные лица с особыми заслугами [16, с. 11–20].

Делая ставку в своих предложениях на умеренность, Л. А. Тихомиров перенес акцент на уточнение полномочий верховной власти, а не на перестройку системы представительства. В законодательство предстояло внести положение о том, что законодательная власть может осуществляться двумя путями, обычным и чрезвычайным. Первый предполагал участие в законодательстве Государственной думы и Государственного совета, второй — принятие законов высочайшими повелениями. Л. А. Тихомиров рекомендовал наделить императора правом принимать любое законодательное предположение, сняв ограничения, предусмотренные 87-й статьей [17, с. 258].

Таким образом, авторы консервативных проектов и предложений предлагали путь мирного, эволюционного, ненасильственного приспособления, а если требовалось,

то и тактического реформирования монархической формы правления в условиях меняющейся социально-исторической ситуации. Незыблемым при этом оставался один императив — абсолютное верховенство власти самодержца. Изменявшиеся обстоятельства требовали изменить механизм взаимоотношений монарха и народа. Для этого в первую очередь надо было очистить этот механизм от бюрократических наслоений. Главное же в том, что оценивая самодержавие как наилучшую форму верховной власти, консерваторы считали, что в новых условиях единовластию более чем любой иной форме правления требуется понимание и поддержка народа. Они рассматривали самодержца как представителя всей нации и главного защитника ее «идеала». В их понимании народное представительство выполняло функции механизма, связующего государство с различными сословиями. Это давало реальную возможность сближения нации и верховной власти, предотвращения порабощения царя и народа бюрократией, не позволяя в то же время выборным представителям узурпировать полноту власти. В конечном итоге российские консерваторы делали ставку на использование неисчерпанного потенциала государственно-властного ресурса.

1. Грингмут В. А. История народовластия. — М., 1908. — С. 26–73.
2. Грингмут В. А. Собр. статей. Вып. 4. — М., 1910. — С. 362–391.
3. Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. Очерки действующего русского права. — Одесса : Изд-во: «Техник», 1913. — С. 4–28.
4. Карцев А. С. Русский консерватизм: модель непарламентского представительства [Текст] / А. С. Карцев // Полис. — 2006. — № 4. — С. 161.
5. Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. — Пермь : Изд-во: «Пермский университет», 2001. — 211 с.
6. Меньшиков М. О. Государственный скандал // Письма к ближним. — 1909. — № 3. — 214 с.
7. Меньшиков М. О. Третья культура [Текст] / М. О. Меньшиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. — М., 2004. — С. 42.
8. Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. — 1910. — № 6. — С. 14.
9. Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. — 1911. — № 15. — С. 15.
10. Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. — 1911. — № 30. — С. 13.
11. Московские ведомости. — 1912. — 28 сентября. — С. 9.
12. Пасхалов К. Н. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Март 1905 — Август. — М. : Университетская типография, 1906. — Т. 1. — 303 с.
13. Пасхалов К. Н. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. — М. : Печатня А. Снегиревой, 1910. — 70 с.
14. Пасхалов К. Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. — М. : Изд-во: «Алгоритм», 2008. — 720 с.
15. Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX вев). — М. : Изд-во: «Готика», 2006. — 424 с.
16. Тихомиров Л. А. Самодержавие и народное представительство. — М., 1907. — С. 6–22.
17. Тихомиров Л. А. К реформе обновленной России (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.). — М.: Типография В. М. Саблина, 1912. — 343 с.
18. Шарапов С. Ф. Россия будущего (Третье издание «Опыта Русской политической программы»). — М., 1905. — С. 9.
19. Шарапов С. Ф. Русские исторические начала и их современное положение. — М., 1908. С. 3–4.
20. Щербатов А. Г. Обновленная Россия. М., 1908. 84 с.

ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО И РОССИЙСКИЕ СИОНИСТЫ: В ПОИСКАХ MODUS VIVENDI (1917–1920-е гг.)

УДК 94:327 (470=571).084

М. Г. АГАПОВ

Накануне Октябрьского переворота 1917 г. Россия являлась крупнейшим центром международного сионистского движения. Уже в год проведения Первого сионистского конгресса (Базель, 1897 г.) в России возникло 373 сионистских общества (свыше 40% от общего числа сионистских объединений во всем мире), в 1899 г. их было 877, а в 1900 г. — 1034. В 1902 г. они объединились в Российскую сионистскую организацию (РСО). Революция 1917 г. способствовала бурному росту сионистского движения в России. За весну 1917 г. его ряды увеличились до 140 000 чел., к октябрю в РСО входило уже 300 000 чел. [6, с. 71, 170, 223]. Данная статья имеет своей целью изучение политики партийно-советского руководства по отношению к российским сионистам в период ее формирования, когда был сконструирован образ сионистов и определены границы временного и весьма условного компромисса с ними.

В первые месяцы после Октябрьского переворота главным параметром оценки партийно-советским руководством деятельности сионистов была позиция последних по вопросу о признании советской власти. Уже 27 октября/9 ноября 1917 г. ЦК РСО осудил «большевистский переворот» и призвал всю еврейскую общественность оказать всемерное содействие тем организациям, которые выступают в качестве законных восприемников власти Временного правительства. Однако заявления ЦК РСО подобного рода носили скорее декларативный характер. В действительности по мере возможности сионисты старались избегать прямой конфронтации с новой властью [5, с. 136]. Символично, что Октябрьский переворот в России совпал по времени с официальной публикацией декларации Бальфура в Великобритании, укрепившей веру сионистов в свою «историческую миссию» и обеспечившей рост их международного признания. В мае 1918 г. ЦК РСО официально объявил о своем нейтралитете в вопросах внутренней российской политики, главной задачей РСО стала пропаганда массовой иммиграции евреев в Палестину.

С целью организации жизни еврейства в соответствии с принципами советской национальной политики и нейтрализации растущего влияния РСО (на выборах в Учредительное собрание она получила 2/3 голосов от общего числа голосов, набранных еврейскими партиями [16, с. 2]) в январе 1918 г. при Наркомнаце был создан Центральный комиссариат по еврейским национальным делам (Евком). В июле 1918 г. были образованы первые Еврейские секции при РКП (б), перед которыми была поставлена задача коммунистического воспитания еврейских масс.

Если аппарат Евкома формировался из членов РКП (б) (С. М. Диманштейн), левых эсеров (И. Г. Добковский), примкнувших к большевикам бывших анархистов (С. Х. Агурский) и беспартийной еврейской интеллигенции (З. Вендров, Д. Чарный и др.), то в Евсекцию РКП (б) вошли бывшие деятели левого крыла Бунда (М. Я. Фрумкина, М. Г. Рафес, А. Вайнштейн) и Объединенной еврейской социалистической партии («Фарейникте») (А. Чемериский, А. Н. Мережин). Руководители Евкома, многие из которых только в 1917 г. вернулись в Россию из продолжительной эмиграции, относились к сионистам гораздо спокойнее, чем их коллеги по Евсекции, принесшие с собой «яркую вражду ко всем сионистским группам, с которыми они в течение ряда лет вели ожесточенную борьбу» [15, с. 327]. В начале 1920 г. Евком был реорганизован в отдел Наркомнаца. Идею и практическое руководство мерами по «советизации» евреев РСФСР сосредоточилось в руках Евсекции РКП (б).

Сионистское направление работы Евсекции РКП (б) имело целью разоблачение «буржуазной» и «контрреволюционной» сущности сионистского движения и его идейно-организационный разгром. Именно деятели Центрального бюро Евсекции (ЦБ ЕС) выдвинули те трактовки сионизма, которые уже в 1920-е гг. приобрели характер концептуальных оценок. Прежде всего, идеологи ЕС разоблачали сионизм как буржуазную («способствует укреплению влияния

еврейского клерикализма и усилению националистических настроений среди отсталых еврейских масс») и, следовательно, контрреволюционную («таким образом тормозится классовое самоопределение еврейских трудящихся масс и проникновение в их среду идей коммунизма») идеологию [12, Д.6. Л.5]. Еврейской буржуазии «во главе с сионистами» приписывалось участие «в организации контрреволюционных нападений на Советскую Россию» [11, Д.85. Л.169]. Летом 1919 г. ЦБ ЕС прямо объявила сионизм формой «контрреволюции среди еврейского населения («еврейская контрреволюция»), так как он отделяет еврейский народ России от революции» и выступило с инициативой «ликвидации буржуазных сионистских организаций» [3, Д.570. Л.1169].

По мере того как страны Антанты, и более всего Великобритания, все глубже вовлекалась в гражданскую войну в России, ЦБ ЕС все решительней обвиняло сионистов в сотрудничестве с британским империализмом. Подчеркивалось, что «кроме идейной и политической близости сионистов с Антантой, сионисты поддерживают ее еще и оружием, что выражается в организации еврейских легионов, участвовавших в английской армии» [12, Д.6. Л.25,38 (об.)]. Действительно, по инициативе одного из лидеров правого крыла СО З. Жаботинского, в начале 1918 г. в составе британской армии был создан Еврейский легион (Jewish Legion), принимавший участие в боевых действиях на Ближнем Востоке в 1918–1920 гг. Однако утверждение ЦБ ЕС о том, что «еврейские легионеры побывали в войсках Англии, выступая против Советской России на Архангельском фронте и в Одессе» [12, Д.22. Л.20] не соответствовало действительности. Тем не менее, этот «факт» активно использовался в антисиионистской пропаганде.

Антисиионистская кампания ЦБ ЕС во многом строилась на разоблачении «палестинской политики сионистской партии». Летом 1919 г. Вторая конференция районных евсекций РКП (б) резюмировала: «Своей палестинской политикой сионистская партия превращается в орудие в руках империалистов Антанты в их борьбе против пролетарской революции» [3, Д.570. Л.1170]. Признание Верховным советом Антанты на конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г. «исторической связи еврейского народа с Палестиной и наличие правовых оснований для восстановления его национального

очага в этой стране» было использовано ЦБ ЕС как еще один довод против сионизма.

В разработанных ЦБ ЕС тезисах «О сионизме» (1920 г.) утверждалось, что сионистское движение представляет собой «исключительно вспомогательную организацию империализма, вдохновленную англо-американской еврейской плутократией» [12, Д.179. Л. 22]. «Империалистический характер» сионизма раскрывался, в частности, через его отношение к арабскому населению Палестины: «Политика сионистов в Палестине и их стремление к созданию государства в Палестине зиждется на самом ярком нарушении всех принципов национальностей, даже в худшем толковании этого понятия, и построено исключительно на порабощении арабов, живущих в Палестине». С целью усиления эффекта антисиионистской агитации идеологи ЦБ ЕС прибегали к актуальным аналогиям: «Сионисты в данном случае ни чем не отличаются от воюющей с нами польской шляхты, требующей присоединения к ней территорий, входивших до 1772 года в пределы Польско-Литовского Королевства, также несообразующейся с «количественным масштабом» польского населения в этих областях» [12, Д.6. Л.38].

Помимо РСО, в России действовали Еврейская социал-демократическая рабочая партия Поалей-Цион (ивр. Рабочие Сиона) (ЕСДРП–ПЦ). В 1909 г. она вышла из СО, «чтобы сохранить пролетарскую независимость социалистического сионизма». Отмежевание от «буржуазного сионизма» являлось важным элементом политической самоидентификации ЕСДРП–ПЦ. В 1917 г. партийные идеологи провели своеобразный ребрендинг партийного дискурса, выразившийся в замене «Сиона» на «Палестину», «сионизма» на «палестинизм». С начала 1918 г. ЕСДРП–ПЦ развернула широкую пропагандистскую кампанию «идеи Палестины в рабочей среде» и сбору средств в Палестинский рабочий фонд [11, Д.458. Л.1, 28–29]. Партия поставила перед собой задачу создать «рабочую переселенческую организацию, которая взяла бы в свои руки организованное переселение еврейской рабочей массы в Палестину». При этом подчеркивалось, что «нормальная палестинская эмиграция и колонизация начнется с того момента, когда во всей Европе установится диктатура пролетариата ... тогда уже не будет эмиграции стихийной, неорганизованной, которая является продуктом капиталистического строя» [11, Д.458. Л. 56–57].

В 1918–1920 гг. во многих городах России были созданы отделения действовавшего под эгидой ПЦ Палестинского рабочего фонда (ПРФ). ПРФ занимался пропагандой «идеи Палестины» среди еврейского пролетариата, сбором средств для еврейских рабочих-переселенцев и организацией иммиграции еврейских рабочих в Палестину [11, Д.458. Л.28].

Революционная риторика и атрибутика лево-сионистских партий, яростная критика ими «буржуазного сионизма» легитимизировала их в глазах местных советов и партийных органов. В 1919 г. в результате раскола ЕСДРП–ПЦ возникла Еврейская коммунистическая партия (ЕКП), призвавшая еврейский пролетариат к «борьбе за образование еврейского коммунистического общества в Палестине». Однако высшее партийно-советское руководство оставалось непримиримым к сионизму в любых его проявлениях. Когда в сентябре 1919 г. Южнорусское бюро III Интернационала отправило «ударную группу поалей-сионистов в Палестину», это вызвало решительный протест Г.В. Чичерина. «Поалей-сионисты служат всем, чем могут, английскому империализму, — телеграфировал нарком иностранных дел председателю ИККИ Г.Е. Зиновьеву. — Как может III-й Интернационал послать их для завоевания Палестины?». В ответной телеграмме Зиновьев полностью поддержал Чичерина, расценил произошедшее как «ошибку» и заверил наркома — «больше не повторится» [12, Д.6. Л.56].

Действительно, партийно-советские органы, особенно на местах, не всегда могли разобраться в многообразии и степени «враждебности» сионистских организаций. ЦБ ЕС докладывало в ЦК РКП (б) в этой связи: «[Постоянное выделение] внутри сионизма все новых и новых групп всевозможных окрасов, от самых мракобесных до якобы коммунистических, особая выработанная веками способность к организации, резко отличающая еврейскую мелкую буржуазию от всякой другой, неуловимость этих многочисленных группировок для осведомленных органов политического надзора, установившаяся регулярная связь с границей и получаемая оттуда значительная материальная помощь ... — чрезвычайно затрудняют борьбу» [12, Д.119. Л.152].

Выступая за превращение Палестины «в очаг гражданской войны, в базу коммунистического строительства», ЕКП

обратилась ко Второму конгрессу Коминтерна (Москва, 1920 г.) с призывом «организовать особую восточно-колониальную секцию при Третьем Интернационале для руководства переселением на Восток трудящихся масс Европы и Америки, и в частности для содействия еврейской социалистической колонизации Палестины». По замыслу ЕКП, еврейский пролетариат должен был возглавить «фронт борьбы трудящихся Ближнего Востока за свое освобождение», включить его в «революционную борьбу международного пролетариата» [14, Д.15. Л.6, 13, 15, 21].

Левые ПЦ рассчитывали на признание их целей Коминтерном и, как следствие, превращение «пролетарского палестинизма» во влиятельную силу в среде российских евреев. Накануне и во время Второго конгресса Коминтерна ЦБ ЕС развернуло масштабную антиссионистскую кампанию. «В великой мировой войне все маленькие нации служили прекрасным орудием для империалистических целей, но кто мог подумать, что экстерриториальная еврейская нация сможет пригодиться на это дело!» — с немалой долей злой иронии вопрошал М.Г. Рафес в опубликованной весной 1920 г. в Москве брошюре «Палестинский погром и палестинская идея» [7, с. 8]. «Еврейский национальный очаг» в Палестине представлялся партийно-советскому руководству исключительно марионеточным образованием, проводником британской империалистической политики. «Созданный на конференции в Сан-Ремо еврейский национальный центр в Палестине ... явится по существу одним из многочисленных центров эксплуатации и грабежа для английского империализма, — писал в статье ««Национальный центр — национальный позор» А.Н. Мережин. — Палестина есть обычная английская колония, и не больше» [12, Д.119. Л. 202].

Итогом обсуждения палестинского вопроса на Втором конгрессе Коминтерна стала «палестинская резолюция» Коминтерна. Этим названием в литературе обозначается «примечание» в подпункте е) пункта 11 принятой конгрессом Резолюции по национальному и колониальному вопросам: «... сионизм ... под видом создания еврейского государства в Палестине отдает в жертву английской эксплуатации фактически арабское трудящееся население Палестины, где трудящиеся евреи составляют

лишь незначительное меньшинство. В современной международной обстановке, кроме союза Советских республик, нет спасения зависимым и слабым нациям» [1, с. 495]. «Палестинская резолюция» очень скоро приобрела значение высшей идеологической санкции для критиков сионизма от РКП (б).

Политика органов советской власти по отношению к сионизму отличалась большим прагматизмом и вследствие этого определенной терпимостью. Так, 21 июля 1919 г. в ответ на жалобу «представителей Сионистской партии [Бруцкуса, Гепштейна и Идельсона] о стеснениях ее организаций на местах» Президиум ВЦИК по предложению М. И. Калинина постановил: «Поскольку партия сионистов не объявлена контрреволюционной партией, и пока культурно-просветительская работа сионистских организаций не противоречит решениям советской власти, Президиум ВЦИК предлагает всем советским учреждениям не чинить препятствий этой партии в ее вышеуказанной деятельности» [2, Д. 135 а. Л.15]. Это решение было продиктовано стремлением советского руководства избежать конфронтации с теми общественно-политическими силами, которые не выступали против советской власти.

Постановление Президиума ВЦИК от 21 июля 1919 г. вызвало резко негативную реакцию со стороны ЦБ ЕС. Арбитром в споре между ними выступил ЦК РКП (б), сформулировавший своеобразный «компромисс»: «принимая во внимание международное признание сионистов и в то же время осознавая, что внутри страны сионизм по идеологическим соображениям принципиально терпим быть не может, одобрить в качестве оптимальной тактику негласной борьбы с РСО путем тайных арестов ее лидеров, административных репрессий и финансового давления» [12, Д.53. Л.149].

Осуществление «негласной борьбы» было возложено на ВЧК–ГПУ–ОГПУ. По данным Секретного отдела ОГПУ, к 1924 г. за сионистскую деятельность и принадлежность к сионистским партиям было «взято на учет 1520 чел.» [10, Д.306. Л.168]. Наибольшую опасность, с точки зрения руководства ОГПУ, представляли ЕКРП–ПЦ, «маскирующая свою националистическую сущность марксистской фразеологией» [9, Д.1015. Л.6], и Цейрей Цион – «по существу меньшевистская партия» [10, Д.326. Л.5]. Как следует из справки Секретного

отдела ОГПУ от 1 июля 1925 г., орготдел ЦК РКП (б) предписывал ОГПУ: «ПЦ ликвидировать не следует, но не нужно давать ей возможности широкого распространения» [9, Д.1015. Л.8].

Главной целью действовавших в это время сионистских групп в СССР была агитация среди евреев в пользу переселения в Палестину и подготовка молодых сионистов к трудовой деятельности на «земле обетованной». Последние вступали во всесоюзное движение Хе-Халуц (ивр. «пионер», «первопроходец»). В 1920-е гг. халуцим принимали активное участие в колонизации Северного Крыма, рассматривая ее «как этап для Палестины». В октябре 1925 г. Крымобластком РКП (б) информировал Симферопольский, Евпаторский и Феодосийский райкомы РКП (б): «Среди еврейского крестьянства и городского населения рабочих и трудящихся (кустарей) ... усиленно ведут работу националистические сионистские группировки и течения» [12, Д.82. Л. Л.205]. В качестве ответной меры ЕС Крымобласткома РКП (б) постановила провести агитационную кампанию среди еврейских рабочих и крестьян, а также кустарей, против сионизма». Как следует из ее отчета, в ходе кампании «на общих собраниях [еврейских колонистов] ставился доклад «О колонизации евреев в СССР и ее экономическом и политическом значении», ... разъяснялась несостоятельность палестинской колонизации и сионизма» [12, Д.82. Л.180].

Особое мнение по вопросу об отношении к сионизму существовало у председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского. В служебной записке от 15 марта 1924 г. он поставил под сомнение целесообразность преследования сионистов: «Посмотрел сионистские материалы. Признаться точно, не пойму, зачем их преследовать по линии их сионистской принадлежности... Их партийная работа для нас вовсе не опасна – рабочие (доподлинные) за ними не пойдут... [Сионисты действуют] среди еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции» [8, Д.326. Л.2]. Аналогичную позицию по вопросу о преследованиях сионистов занимал заместитель наркома по делам национальностей Г. И. Бройдо, настоятельно рекомендовавший ЦБ ЕС «укреплять симпатии еврейской мелкоты к совласти и не отталкивать эту мелкоту бессмысленными репрессиями» [12, Д.119. Л.152]. По мнению председателя ОГПУ, послед-

ствия репрессивной политики в отношении сионистов могли представлять реальную угрозу и для международного положения СССР. «Большая часть нападков на нас опирается на преследование их [сионистов] нами. Они, преследуемые, в тысячу раз опаснее для нас, чем не преследуемые... их крики, связанные с арестами их, долетают до банков и «евреев» всех стран и навредят нам немало» [8, Д.326. Л.2]. В записке Менжинскому от 24 марта 1925 г. Дзержинский приходил к выводу: «Мы им [сионистам] не должны мешать под условием невмешательства в политику нашу... Надо переосмотреть нашу тактику. Она неправильна» [8, Д.326. Л.2,4]. По существу, глава ОГПУ, а с февраля 1924 г. одновременно и председатель ВСНХ СССР, выступал за умеренное ограничение деятельности сионистов внутри страны. Более того, Дзержинский допускал возможность примирения с сионистами: «...Мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов» [8, Д.326. Л.5]. Однако эта позиция не нашла поддержки в Кремле.

На рубеже 1925–1926 гг. партийно-советское руководство окончательно отказалось от какого бы то ни было компромисса с сионистами. В это время Москва выдвинула собственный вариант решения еврейского вопроса, а именно программу «реконструкции социального состава еврейского

населения СССР», под которой подразумевалась переориентация евреев на сельскохозяйственную деятельность, реализация которой должна была обеспечить интеграцию евреев в «семью советских народов» и доказать, что справедливо «еврейский вопрос» может быть решен только в советском социалистическом государстве.

В 1926 г. в разных частях страны начались аресты сионистских деятелей. В результате РСО фактически распалась: ее лидеры (Бруцкус, Либерман, Лурье и др.) были вынуждены покинуть страну, многие сионисты были арестованы [4, с. 71, 75]. В апреле 1927 г. НКВД СССР высказался за ликвидацию Хе-Халуц ввиду того, что последний «помимо ... задач привлечения евреев к труду занимается еще вопросом подготовки участников строительства трудового центра в Палестине и содействует эмиграции евреев в Палестину» [12, Д.86. Л.80 (об.)]. 24 мая 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило постановление Оргбюро от 21 мая 1928 г. «о необходимости ликвидации легально существующей партии ЕКП» [13, Д.6. Л.93]. В соответствии с этим решением в ночь с 25 на 26 июня 1928 г. силами ОГПУ была проведена специальная операция по ликвидации ЕКП и всех ее структурных подразделений. В итоге к концу 1920-х гг. сионизм в России как массовое движение был подавлен.

1. Второй конгресс Коминтерна. — М.: Партиздат, 1934. — 755 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 3.
3. ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1.
4. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. — М.: Международные отношения, 2001. — 784 с.
5. Крапивин М. Ю. Российская сионистская организация и советское государство в первые послереволюционные годы (1918–1920 гг.) [Текст] / М. Ю. Крапивин // Россия и революция 1917 г.: опыт истории и теории: материалы Всероссийской научной конференции (СПб., 12–13 ноября 2007 г.). — СПб., 2008. — С. 134–149.
6. Маор И. Сионистское движение в России. — Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. — 458 с.
7. Рафес М. Палестинский погром и палестинская идея. М., 1920. 30 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84.
10. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3.
11. РГАСПИ. Ф. 272. Оп. 1.
12. РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1.
13. РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 162.
14. РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 2.
15. Шехтман Д. Советская Россия, сионизм и Израиль // Книга о русском еврействе: 1917–1967. — Иерусалим-М.-Мн.: Гешарим, 2002. — С. 325–353.
16. Ziva Galili y Garcia, Boris Morozov. Exiled to Palestine: the emigration of Zionist convicts from the Soviet Union, 1924–1934. — L., N. Y.: Routledge, 2006. — 143 p.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СЛОВАКИИ И СЛОВЕНИИ: ДВА ПУТИ В ЗОНУ ЕВРО

УДК 32 И:9 (43)

А. А. ПОПОВ

Настоящая статья посвящена истории регионального развития и региональной политики двух наиболее успешных стран постсоциалистического пространства, первыми вошедшими в зону евро — Словакии и Словении. Основное внимание сконцентрировано на итогах развития внутренних регионов на хронологическом отрезке с момента обретения независимости двумя государствами в начале 1990-х и до начала международного экономического кризиса в 2008 году. Исторический характер исследования обусловил использование комплексного подхода к анализу проблемы. В данной работе мы стремились, соблюдая хронологию, реконструировать общую картину процесса становления региональной политики.

Вопросы регионального развития и региональной политики в постсоциалистический период истории Словакии изучались следующими исследователями: М. Брусисом, М. Брунчко, Б. Банерьи, М. Ярмужеком и другими. Аналогичную проблематику по отношению к Словении разрабатывали: З. Милнар, А. Черны, И. Стршмник, Ю.К. Князев. Однако сравнительный анализ регионального развития этих двух государств (к тому же в контексте европейской интеграции) до настоящего момента не проводился.

Обретение независимости и формирование институтов региональной политики

Коллапс коммунистических режимов в 1989 году для Словении и Словакии еще не означал обретения независимости, но уже привел к появлению ряда серьезных проблем. Помимо традиционных для всех стран советского блока трудностей, как то падение производства, рост инфляции, рост безработицы, снижение уровня жизни населения, правительства в Любляне и Братиславе столкнулись с проблемами межэтнических противоречий и отсутствия полноценного суверенитета.

В этих условиях вопросы регионального развития и местного самоуправления, не решенные окончательно в рамках федераций, с новой силой зазвучали лишь после обретения независимости.

Словенские национальные власти выбрали бескомпромиссный вариант, провозгласив в одностороннем порядке в 1991 году независимость от Югославии. Эта идея исходила от правящей партии СКС (Союз коммунистов Словении) и была поддержана абсолютным большинством населения. Белград попытался ввести в Словению войска, но встретив ожесточенное сопротивление местного населения, вынужден был признать суверенитет нового государства. После обретения независимости перед политическими элитами встали две традиционные для постсоциалистических стран задачи: во-первых, создание необходимых условий для развития рыночной экономики; во-вторых, переход к демократической организации политической власти [1, с.40]. При этом государство обладало неплохими стартовыми условиями: переход к рынку не сопровождался резким обвалом системы; даже при коммунистическом режиме экономика была в значительной степени ориентирована на западные рынки и сохранила многие прежние экономические связи; Югославия в целом была более свободна и более раскованна в экономическом плане, чем другие страны советского блока [1, с. 42].

Словацкое руководство не стало форсировать развал федерации и прибегать к радикальным мерам. Получив в 1990 году в рамках Чехословакии значительно более широкую автономию, чем Словения в рамках Югославии, и не испытывая столь сильного давления со стороны центра, местные элиты сконцентрировались на демократизации и формировании рынка, выступая единым фронтом с чешскими демократами. Лишь после того как либеральные силы укрепились у власти и утвердились базовые институты рыночной экономики, вновь встал вопрос о независимости. В 1992 году на выборах в Чехии победила Гражданская демократическая партия, а в Словакии — Движение за демократическую Словакию. Эти партии провозглашали различные политические и экономические цели. В результате переговоров было достигнуто понимание невозможности сосуществования и неизбежности разделения, и 1 января 1993 года Чехословакия как единое государство перестала существовать.

В первой половине 1990-х гг. правительства Словении и Словакии отличались особой стабильностью. Так, в Словении у власти, хотя и во главе демократических партий, оказались бывшие руководители СКС: М. Кучан избирался президентом с 1993 по 2002 гг., а главой правительства четырежды за первое десятилетие существования независимого государства становился Я. Дрновшек. Резкого перелома в политике властей не произошло, поскольку был продолжен курс на реформирование хозяйственной и политической жизни, начатый еще в составе Югославии [1, с. 42]. Одной из основных задач словенских властей было сохранение единства общества, а потому реформирование шло весьма осторожно и его темпы время от времени искусственно замедлялись. Во главе Словакии в период 1994–1998 гг. стоял В. Мечьяр, политика которого была направлена на централизацию власти, причем проводилась в недемократическом стиле [9, с. 1].

Отдельно необходимо остановиться на истории регионального планирования в Словении и Словакии. Этот аспект региональной политики, как ни странно, менее других был подвержен коренным изменениям. В начале 1990-х в обеих странах продолжали действовать программы регионального развития, принятые при коммунистических режимах. Под влиянием этих программ с одной стороны и целей Европейской хартии регионального планирования – с другой, национальные правительства попытались создать первые документы, определяющие особенности планирования. Так, например, в Словацкой Республике еще в 1991 году была принята Резолюция № 390/1991 о принципах региональной экономической политики, предполагавшая трехступенчатую систему планирования, основанную на Стратегии регионального развития, Концепции социально-экономического развития регионов и конкретных местных программах развития [9, с. 2]. С обретением независимости основная нагрузка по региональному планированию пала на плечи отраслевых министерств и редко носила комплексный характер.

В Словении, как уже было сказано, не произошло резкого слома существовавшей системы, поэтому долгое время сохранялись институты, созданные еще при предыдущем режиме. Лишь в 1993 году был принят Закон о местном самоуправлении. Компетенции местного самоуправления четко были определены еще позже в соответствии

со стандартами Европейской хартии о местном самоуправлении, которая в Словении была ратифицирована в 1996 году, а вступила в силу с 1997 года. В 1994 году была частично реформирована система административно-территориального деления, через создание 147 муниципалитетов. В 1998 году к ним прибавилось еще 45 муниципалитетов. Таким образом, общее количество регионов нижнего уровня достигло 192, из которых 11 имели статус городских.

В Словакии реформы местного самоуправления начались в том же 1993 году. Но связаны они были с распадом Чехословакии на два независимых государства. Тогда же в Конституции государства появились строки о создании территориальных самоуправляемых единиц высшего уровня [4, с. 90]. Но реальное учреждение регионов высшего уровня затянулось вплоть до марта 1996 года, когда словацкий парламент одобрил предложенный правительством Мечьяра законопроект о разделении страны на восемь регионов. Однако эти меры не только не привели к усилению роли регионов в жизни страны, но и, наоборот, способствовали усилению централизации Словакии, поскольку одновременно на местах были созданы местные офисы национальной администрации как основа местных территориальных администраций. К тому же нужно учесть, что еще в 1993 году местное самоуправление понесло тяжелый удар и, по сути, распалось на несколько относительно независимых структур, поскольку медицина, пожарная служба, образование, защита окружающей среды были переданы специально созданным государственным ведомствам.

Начатые в 1996 году реформы предполагали параллельное проведение радикального территориального передела и широкомасштабные изменения органов государственной администрации. Законом 221/1996 определялось, что базисным уровнем независимого и представительного самоуправления являются муниципалитеты, в число которых вошли 14 городов и 4 военных округа [9, с. 2]. А также определялись условия создания 79 округов (окресов) и 8 регионов (краев) – второго и третьего уровней самоуправления. Эти регионы провозглашались основными объектами региональной политики, хотя за правительством и местными властями оставлялось право учреждения специальных территорий для оказания адресной поддержки по решению специфических проблем. Следующим законом 222/1996 региональные и окружные

администрации самоуправления были признаны «первыми среди равных», оставаясь при этом подконтрольными правительству как высшему органу исполнительной власти [3, с.3]. Развитие самоуправления и региональной политики и в дальнейшем шло в направлении сдерживания самостоятельности регионов при значительном контроле со стороны столицы вплоть до 1998 года, когда на выборах возглавляя коалицию из четырех партий, победил Миколош Дзуринда.

Европеизация региональной политики

С распадом советского блока страны Восточной и Центральной Европы начали переориентацию во внешней политике. Переход к рыночной экономике и демократической форме организации политической жизни привлек большое внимание к социальному устройству развитых западноевропейских стран. Огромный интерес у новых политических элит вызывали и расширяющиеся процессы европейской интеграции. Поэтому неудивительно, что почти одновременно с подписанием в 1992 году Маастрихтского договора об учреждении Европейского Союза в составе пятнадцати государств (далее ЕС-15) многие восточноевропейские страны выразили желание стать его членами. Первые официальные заявления о намерении вступить в ЕС прозвучали уже в 1994 году.

В 1995 году в Мадриде Европейский Совет принял решение «запустить процесс переговоров о присоединении стран, претендующих на членство в Европейском Союзе» [2, с.11]. После полугодия консультаций в рамках Межправительственной конференции, в 1996 году в Люксембурге рядом стран были поданы официальные заявки на членство в Европейском Союзе. В 1998 году в список стран-кандидатов попала Словения, в 1999 году — Словакия. А уже с 1 января 2004 года оба государства официально стали членами Европейского Союза.

Однако расширение ЕС не было чисто юридическим вопросом. Еще в 1997 году Европейский Союз в официальном документе «Соглашение 2000» выдвинул ряд требований (*acquis communautaire*), соответствие которым было обязательным условием для получения членства в Союзе. Прежде всего, речь шла о политических и экономических условиях, среди которых главными были демократизация политической сферы и укрепление основ рыночной экономики. Кроме того, данный документ определил условия выделения

специальных средств из структурных фондов и Фонда сближения странам-кандидатам, в том числе и на реформирование администрации, территориальное деление и реорганизацию местного самоуправления в соответствии со стандартами ЕС, а так же для преодоления неравномерного развития регионов и повышения их конкурентоспособности. В соответствии с этими требованиями правительства Словакии и Словении должны были начать масштабные преобразования во внутренней политике, в том числе и в области осуществления региональной политики с 2000 года.

В Словацкой Республике начало этого этапа совпало со сменой правительства и победой на выборах либеральной коалиции во главе с Миколошом Дзуриндой. Выборы 1998 года были чрезвычайно важным событием, в том числе и для успешной европейской интеграции, поскольку до этого момента и некоторое время после него основным объектом критики со стороны Европейской Комиссии была именно недостаточная демократичность политического устройства [11, с.33]. В Словакии с этого времени начинается пересмотр системы местного самоуправления в пользу большей самостоятельности регионов и расширения их полномочий, в соответствии с европейским принципом субсидиарности. Правительство Дзуринды столкнулось с весьма сложной проблемой, поскольку вместе с демократизацией общества рос и накал в обсуждении реформы регионального самоуправления [5, с.185]. Вновь встал вопрос о количестве регионов, которые к тому же предстояло переделить в соответствии с общеевропейской системой NUTS (номенклатурных единиц территориальной статистики). В апреле 2000 года правительство разработало концепцию децентрализации и модернизации системы общественного администрирования, но не спешило выставлять ее на суд парламента. Дело в том, что даже внутри коалиции не было единства по вопросу количества регионов [10, с.16]. В июле 2001 года все-таки удалось достичь компромисса, в том числе и по весьма острому вопросу венгерского меньшинства. В итоге сохранилось территориальное деление на восемь регионов, предложенное администрацией Мечяра, но при этом были значительно расширены полномочия субъектов всех уровней. В декабре 2001 года прошли первые выборы в местное самоуправление. В 2002 году правительством была утверждена система деления страны в соответствии с классификацией NUTS Европейского Союза.

Окончательный вариант регионального деления имел следующий вид: NUTS1 – 1 регион, NUTS2 – 4 региона, NUTS3 – 8 регионов.

Аналогичные процессы наблюдались и в Республике Словения. В 1998 году было принято несколько поправок к актам, регулирующим местное самоуправление (например, к Акту о финансировании местного самоуправления), направленных на децентрализацию системы [12, с. 44]. Однако административно-территориальная реформа на тот момент не была.

Большие изменения претерпела и система планирования регионального развития и региональной политики. Еще в ноябре 1997 года Словакия приняла План государственной региональной политики, который определял принципы региональной политики, а также предсказывал создание национальной стратегии, закона о региональном развитии, национального агентства по региональному развитию и специальных фондов. В марте 2001 года был принят Национальный план развития на 2002–2006 гг., который стал основой для принятия планов развития Правилами структурных фондов. В июне того же года было учреждено Агентство по осуществлению регионального развития. В 2002 году были разработаны и приняты акты, регулирующие механизмы распределения субсидий из структурных фондов и Фонда Сближения. В конце 2003 года региональная политика Словакии уже соответствовала основным требованиям ЕС институционально и юридически и признавалась годной к работе с программами Структурных фондов и Фонда сближения [6, с.40].

Между тем, сложная политическая обстановка отвлекала правительство Словении от решения проблем соответствия региональной политики европейским стандартам [8, с.110]. В 1998 году в ежегодном Докладе Европейской Комиссии об успехе подготовки Словении к вступлению отмечалось, что региональная политика в стране фактически еще не сформирована: закон о региональном развитии отсутствовал, экономические инструменты осуществления политики были ограничены, мониторинг не проводился [12, с.56]. Лишь в 2000 году было расширено Национальное агентство региональной политики, чтобы после вступления в ЕС передать ему ответственность за применение средств структурных фондов и Фонда сближения. В декабре 2001 года был принят Национальный план развития на 2001–2006 гг. На основе принципа партнерства с ЕС был

учрежден Комитет мониторинга, начавший работу с 2002 года. В декабре 2002 года для будущей работы со Структурными фондами и Фондом сплочения был учрежден Правительственный Офис структурной политики и регионального развития. Кроме того, Словения по настоянию Европейской Комиссии вынуждена была привести территориальное деление в соответствие с системой NUTS, хотя затянула этот процесс до 2005 года. Территориальное деление в Словении приняло следующий вид: NUTS1 – 1 регион, NUTS2 – 2 региона, NUTS3 – 12 регионов. Но Европейская Комиссия отметила, что регионы второго уровня (которые в рамках Союза считаются базовыми) до сих пор выполняли в Словении исключительно статистическую функцию [8, с. 40]. Основные законы о функционировании регионов первого и третьего уровня были приняты лишь в 2006 году.

До вступления в ЕС значительные средства на реформирование и развитие социальных, политических и экономических институтов Словакия и Словения получали по европейским инвестиционным и субсидиарным программам, таким как PHARE (с 1998 годов), SAPARD и ISPA (обе с 2000 года), направленным на поддержку развития отдельных аспектов экономической, политической и социальной сфер, а также INTERREG и CROSSBORDER, направленным на создание и развитие специальных трансграничных регионов и развитие приграничных территорий. Часть средств по этим программам шла и на решение задач регионального развития, составив значительную долю всех инвестиций (до 70%), направленных в эту область [13, с.195].

С 1 января 2004 года Словакия и Словения стали членами Европейского Союза. С этого момента вопросы региональной политики и регионального развития стали решаться в рамках общеевропейских программ и на средства Сообщества. В соответствии с правилами фондов наиболее слабо развитые регионы, чей ВВП на душу населения не превышает 75% от среднего по Евросоюзу, должны быть отнесены к «цели 1» региональной политики, которая предполагает усиленное субсидирование с целью сокращения отставания данных регионов. Расширение 2004 года представляло собой большую угрозу стабильности региональной политики ЕС, поскольку новые члены попадали под «цель 1» почти полностью и могли вытянуть все средства фондов. Поэтому еще на стадии обсуждения условий присоединения оговаривалось, что новые

члены смогут полноценно участвовать в субсидиарных программах лишь с 2006 года (хотя изначально назывался 2010 год, но срок был передвинут из-за протестов стран-кандидатов), до этого периода в 2004–2006 гг. средства выдавались в ограниченном масштабе в рамках финансовой перспективы на 2000–2006 гг. Была установленная верхняя планка субсидирования программ – не более 4% от национального ВВП страны [9, с.4]. В соответствии с этими условиями все регионы Словении и почти все (за исключением Братиславы и ее окрестностей) регионы Словакии были отнесены к «цели 1». Правда, Словения не смогла освоить субсидии в полной мере, поскольку до последнего затягивала переход на стандарты ЕС. Полноценное участие это государство начало принимать в работе Структурных фондов с 2007 года, когда субсидирование обеих стран стало осуществляться в соответствии с финансовой перспективой на 2007–2013 гг., а его объемы были существенно увеличены.

Все эти меры привели к активизации регионального развития, причем Словакия по этим темпам опережала Словению [3, с. 25]. В результате к 2008 году обе страны были в числе экономических лидеров региона, а вскоре их успех был отмечен включением в зону евро.

Подводя общий итог, мы можем заключить, что Словакия и Словения являются отличным примером того, как государства Восточной и Южной Европы могут двумя различными путями достичь экономического успеха. Разница в подходах, в частности, видна на примере формирования региональной политики. Так, Словакия добилась успеха в том числе за счет активного и своевременного реформирования всех сфер региональной политики и благодаря успешной интеграции в аналогичные системы Евросоюза. А Словения – за счет более выгодных стартовых условий, притом что формирование механизмов региональной политики происходило медленно, а на последних этапах еще и под сильным давлением Брюсселя.

1. Князев Ю. К. Словения: через реформы к государству благосостояния // Новая и новейшая история, 2002. № 6. С. 37–56.
2. Agenda 2000. For a Stronger and Wider Union. Brussels. 1997. 139 p.
3. Banerjee B., Jarmuzek M. Anatomy of Regional Disparities in the Slovak Republic // IMF Working Paper, No 145. 2009. 29 p.
4. Brusis M. Regionalisation in the Czech and Slovak Republics: comparing the influence of European Union // Keating M., Hughes J. (Eds.) The Regional Challenge in Central and Eastern Europe. Territorial Restructuring and European Integration, Presses interuniversitaires européennes / Peter Lang, 2003, P: 89–105.
5. Bruncko M. Real Convergence in the Slovak Republic and European Union Regional Funds // Funck B., Pizzati L. (Eds.) European Integration, Regional Policy and Growth. Washington, The World Bank Press, 2003. P: 183–194.
6. Comprehensive monitoring report on Slovakia's preparations for membership. Brussels, European Commission, 2003.
7. Comprehensive monitoring report on Slovenia's preparations for membership. Brussels, European Commission, 2003.
8. Černe A. Regional Development Perspectives of Slovenia // Dela, 2003, No19, P: 107–121.
9. Nianský V., Šírák M. Regional policy and regional potential in Slovakia // Martin Brusis (Ed.): Central and Eastern Europe on the Way into the European Union: Regional Policy-Making in Bulgaria, the Czech Republic, Estonia, Hungary, Poland and Slovakia, CAP Working Paper, Munich, 1999. URL: http://www.cap-lmu.de/publikationen/1999/cap_regional_policy_making.php.
10. O'Dwyer C., Kovalčík B. And the Last Shall be First: Party System Institutionalization and Second-Generation Economic Reform in Postcommunist Europe // Studies in Comparative International Development, 2007. Vol. 41. No. 4. P: 3–26.
11. Regular report from the Commission on Slovakia's progress toward accession. Brussels, European Commission. 1998–2002.
12. Regular report from the Commission on Slovenia's progress toward accession. Brussels, European Commission. 1998–2002.
13. Strmšnik I., The Role of EU Regional Aid in the Economic Convergence in Slovenia // Funck B. and Pizzati L. (Eds.) European Integration, Regional Policy and Growth, Washington, The World Bank Press, 2003. P: 195–200.

ВЛАСТЬ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В УСЛОВИЯХ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО КРИЗИСА 1927/28 г.

УДК 93/99+342.5(5-012)

С. М. СТАСЮКЕВИЧ

Региональные аспекты хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. до настоящего времени практически не изучались дальневосточными историками. Имеющиеся публикации ограничиваются кратким изложением общероссийских концепций и приводят отрывочные сведения о ситуации на Дальнем Востоке, на основании которых невозможно составить адекватное представление о развитии событий [17, с. 108–110; 18, с. 190–192]. Поэтому важной исследовательской задачей является восстановление событийного ряда и выявление особенностей развития кризиса на Дальнем Востоке.

Ситуация на Дальнем Востоке осенью 1927 г. отличалась от других районов страны повышенным урожаем, наличием у крестьян значительных нереализованных запасов зерна производства 1926 г. В условиях объективно ограниченного регионального рыночного пространства, характеризовавшегося разреженностью населения, рассредоточенностью деревень, их удаленностью от торговых и промышленных центров, это способствовало относительно ровному ходу кампании осенью — в начале зимы 1927 г. В это время Далькрайком ВКП (б), окружкомы партии отмечали удовлетворительное выполнение планов хлебозакупа и весьма осторожно относились к попыткам обострить отношения с деревней [2, л. 1–2].

Подходы местной власти* к проблеме хлебозаготовок резко изменились в самом начале 1928 г. под влиянием новых установок центра. 24 декабря 1927 г. партийным организациям страны была направлена директива ЦК ВКП (б), содержащая требования сконцентрировать все усилия на обеспечении перелома в ходе заготовок. В регионы отправлялись уполномоченные ЦК и СТО, наделенные широкими правами вмешательства в деятельность местных органов власти [16, с. 219–220]. 9 января 1928 г. состоялись заседания дальневосточных окружкомов ВКП (б), принявшие директиву ЦК к исполнению и признавшие темпы хлебозакупа уже крайне недостаточными. Персональная ответственность за выполнение планов хлебозаготовок возлагалась на секретарей

партийных организаций. Комплекс мероприятий по обеспечению хлебозаготовок предусматривал как усиление мер экономического давления на держателей хлеба, так и применение чрезвычайных мер, направленных на ограничение рыночного оборота зерна и принуждение крестьянства к продаже хлеба государству по ценам ниже рыночных [9, л. 9; 2, л. 6–7; 11, л. 5]. Основная репрессивная мера, широко применявшаяся в ходе кризиса 1927/28 г. по всей стране, — привлечение крестьян за сокрытие зерна к уголовной ответственности по ст. 107 УК — спекуляция.

На Дальнем Востоке ужесточение заготовительной политики вплоть до весны 1928 г. не выходило за рамки привычных для крестьян, нередко применявшихся и в условиях нэпа приемов. 10 января в хлебопроизводящие районы выехали уполномоченные окружных советских и партийных организаций. Отменялись отсрочки по налогам, задолженностям по страховым сборам, семенным ссудам, паевым взносам, в деревнях работали выездные сессии окружных судов по рассмотрению дел неплательщиков [2, л. 6–7, 9]. Несмотря на это, в целом ситуация в дальневосточной деревне оставалась относительно стабильной, работали все местные и окружные рынки, сохранялась свобода торговли зерном и хлебопродуктами. Эскалация репрессивного воздействия на местное крестьянство началась лишь в апреле-мае 1928 г., когда произошло повторное увеличение краевого заготовительного плана, в результате чего задания для Дальнего Востока были доведены до 2 668 100 ц. зерна, что было в 2,2 раза больше, чем в 1926/27 г. [12, л. 110; 7, л. 34; 8, л. 19; 2, л. 59]. Подчеркнем тот факт, что ДВК всегда был хлебодефицитным регионом. До 1928 г. край даже не включался в общесоюзный план хлебозаготовок. В 1920-х гг. недостаток собственного зерна регион покрывал за счет завоза из Сибири. В 1928 г. сложившийся механизм поставок сибирского хлеба на Дальний Восток был разрушен, ситуация на продовольственном рынке региона стремительно ухудшалась. В этих условиях повторное увеличение плана в начале апреля 1928 г. власть прямо объяснила

* Под властью понимается система государственных органов. Подчеркнем, что в рассматриваемый период в отечественной мысли понятие «власть» практически отождествлялось с государственной властью [1; 19].

необходимостью пополнения истощенных зерновых ресурсов [22, л. 53–55; 12, л. 88].

13 апреля 1928 г. Далькрайком ВКП (б) направляет телеграмму окружным партийным комитетам, предписывавшую «решительно усилить нажим на заготавливающие организации в сторону полного выполнения задания» и расширить применение 107 статьи [12, л. 70, 88]. Вскоре в дальневосточных округах нормы выявленных хлебных излишков, на основании обнаружения которых крестьяне привлекались к уголовной ответственности, были снижены с 1000 до 700 пудов [4, л. 1–1 об; 10, л. 39]. Одновременно были расширены полномочия окрторгов, прокуратуры и ГПУ по хлебозаготовкам. Кроме окружных уполномоченных, в села направлялись все наличные кадры райкомов партии. В основные хлебные районы выехали и представители Далькрайкома ВКП (б) и Далькрайисполкома [4, л. 2 об, 32; 9, л. 191]. Органами ОГПУ и милиции проводились систематические рейды по проверке организации хлебной торговли и выявлению излишков хлебных ресурсов у кулацко-зажиточного элемента. На крупнейшем во Владивостокском округе Никольском рынке, куда стекалось зерно Суйфунского, Михайловского, Покровского, частично Ивановского и Ханкайского районов и где всегда активно работали частные заготовители, в мае 1928 г. было установлено постоянное наблюдение со стороны 58 Погранотряда ОГПУ, уголовного розыска и райгормилиции, в задачу которых входило выявление лиц, скупавших зерно по завышенным ценам. Все задержанные по данному обвинению немедленно заключались под стражу, где и содержались до суда или особого распоряжения прокурора. На райуполномоченных ОГПУ возлагалось выявление особенно крупных утаек, в случае обнаружения которых ведение дела передавалось в районные отделения милиции. Все дела по хлебозаготовкам были поставлены под усиленный прокурорский надзор и направлялись в суды вне всякой очереди [11, л. 26]. Под надзор милиции была поставлена заготовительная работа кооперативных организаций [10, л. 39].

Весной 1928 г. дальневосточное руководство еще рассматривало применение 107 статьи лишь как исключительной меры, нацеленной на побуждение крестьян выбрасывать имеющиеся хлебные запасы на рынок. Постановления окружных комитетов постоянно подчеркивали недопустимость массовых или необоснованных обысков в крестьянских хозяйствах и незаконного вывоза зерна у крестьян, имевших излишки менее установленных норм. Представители

силовых ведомств обязывались получать санкцию райкомов партии на начало любой операции по выявлению излишков и привлечению крестьян к ответственности [11, л. 24–25; 4, л. 3].

По сведениям с мест, применение 107 ст. УК давало определенный эффект: приток зерна на заготовительные пункты заметно увеличился. Например, в июне 1928 г. в Михайловском районе Амурского округа, после того как были описаны 11 кулацких дворов, крестьяне в течение только двух дней поставили на Полярковский заготпункт более 15 000 пудов. В селе Лохвицы Александровского района один из хозяев, оказавшийся под угрозой суда, в течение 5 дней вывез 2000 пудов. В другой деревне этого же района зажиточный, в то время как шел суд над другим кулаком, сразу на 9 подводах повез сдавать хлеб. В с. Покровка Владивостокского округа информация о персональных «беседах», проводимых уполномоченными с держателями запасов в присутствии начальника районной милиции, заставила часть остального населения сдать дополнительно по 300 пудов зерна [10, л. 51]. Особенно интенсивно крестьяне стали сдавать зерно государству после 15 июня, когда в печати появилось сообщение о привлечении к уголовной ответственности кулачества и спекулянтов, укравших хлеб, и стали известны факты привлечения к суду [4, л. 2 об.; 5, л. 1].

Большинство крестьянства выступало против ужесточения заготовительной политики, пытаясь сначала отстаивать свои позиции с помощью экономических аргументов. Жители с. Белый Яр Завитинского района заявляли уполномоченным, что принудительное изъятие излишков противоречит новой экономической политике. Зажиточные Тамбовского района подчеркивали: «Торговля вольная, и мы не знаем, какое количество [хлеба] государство признает излишком». Крестьяне в разговорах с уполномоченными и в выступлениях на собраниях открыто говорили, что в связи с применением 107 статьи вынуждены будут значительно сократить посевы, что приведет к падению заготовок в следующем году [4, л. 1–2]. Особенно остро деревня реагировала на ценовую политику, открыто высказывая недовольство увеличивающимся разрывом цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, несоответствием цен на зерно ценам на муку и печеный хлеб, растущим расхождением между рыночными и заготовительными ценами на зерно. «Цены на промышленность расходятся с ценами сельского хозяйства (за пуд ржи не купишь метра ситца). Пшеницу и рожь принимают госорганы дешево, а муку продают тем же крестьянам дорого», — упрекали

уполномоченного по хлебозаготовкам жители приморских хуторов Баев и Сахнов в июне 1928 г. [10, л. 51, 56]. В Завитинском районе Амурского округа в начале лета 1928 г. крестьянин мог продать овес на рынке в среднем на 37,5% дороже, чем кооперации, гречу — на 46,2%. В Амурско-Зейском районе рыночная цена овса в 2,5 раза превышала заготовительную [4, л. 1 об.]. Естественной реакцией крестьянства стало стремление не столько придержать хлеб, сколько продать его по более выгодным ценам. В результате попытки ограничить рыночный оборот в деревне чрезвычайными мерами обернулись расширенным сбытом зерна на вольном рынке в обход плановых заготовителей. В хлебопроизводящих округах Дальнего Востока крестьянство реализовывало большие партии зерна на городских базарах вплоть до мая 1928 г., а в предпраздничные дни активная торговля хлебопродуктами велась и на всех районных рынках, включая базары дефицитных округов [15, с. 2; 3, л. 2 об.].

Начавшиеся изъятия хлеба поставили под угрозу обеспечение бедняцких и маломощных дворов, традиционно приобретающих зерно у своих более зажиточных соседей, основными продуктами питания, посевными материалами. Особенно тяжелое положение складывалось в неурожайных районах, население которых вынуждено было самостоятельно изыскивать источники пропитания. Весной 1928 г. мешочки из неурожайных в 1927 г. Шмаковского, Яковлевского районов Владивостокского округа и особенно Калининского района Хабаровского округа скупали зерно в Спасском районе, где в результате резко сократилась сдача хлеба на государственные и кооперативные заготовительные пункты [9, л. 191]. В дальневосточной деревне развернулась агитация против принудительного изъятия хлеба как мероприятия, ставящего под угрозу снабжение продовольствием и семенами бедноты и маломощных [6, л. 26].

Результатом чрезвычайных мер давления на деревню стала политизация крестьянского общественного сознания, возрождение некогда популярной идеи создания союза хлеборобов. Вопрос «Почему не допускают союза крестьян для защиты своих интересов, тогда как рабочие и служащие все в союзах?», — нередко звучали на деревенских сходах Амурского округа в первой половине 1928 г. «Вот создадим крестьянский союз, тогда мы покажем, как проводить вопрос о хлебозаготовках» (д. Васильевка, Амурский округ) [13, л. 32]. Подчеркнем тот факт, что деревня понимала «Крестоюз» как организацию, преследующую в первую очередь социально-экономические, а не политические

цели. По данным информационных сводок ЦК ВКП (б) из 710 сообщений о понимании крестьянами сути Крестоюза, в 605 (85%) случаях ему придавались функции регулирования цен и налогов, профсоюза [22, л. 15–19, 21]. Широкое распространение получают негативные оценки крестьянством собственного социального статуса. «Зачем сеять, бросить все и превратиться в рабочих, которым живется хорошо», — сетовали в дальневосточной деревне [4, л. 102].

В то же время часть бедняцко-средняцкого населения не только сочувствовала, но и активно содействовала государственной заготовительной политике. Весной-летом 1928 г. резолюции в поддержку хлебозаготовок принимались на общих собраниях амурских деревень Толстовка, Гомелевка, Малиновка, Долдыкин и др. В деревнях создавались комиссии по выявлению излишков, принимались встречные повышенные обязательства, вызвались на своеобразное соревнование по заготовкам соседние средняцкие поселения. В селе Толстовка Тамбовского района общее собрание постановило: «Излишки хлеба сдать на приемные пункты. Приступить к вывозу немедленно и закончить не позднее 1 августа». На другой день в город действительно выехало 40 подвод с зерном. Вовлечению бедняцких и маломощных слоев деревни в поддержку аграрной политики и активные действия против кулачества способствовало решение об отчислении 25% конфискуемого в порядке 107 статьи хлеба в пользу ККОВ. Беднота, зачастую не решаясь открыто выступать на собраниях в поддержку чрезвычайных мер, в частных беседах, тем не менее заявляла: «Так им, кулакам, и надо. Хоть бы поскорей приговор утвердили, тогда можно бы за счет кулацкого овса зеленки посеять» [4, л. 1–1 об., 3]. Факты поддержки частью крестьянства принудительного изъятия хлеба у зажиточных слоев отмечались и в Приморье. Резолюции крестьянских собраний весны-начала лета 1928 г., выносившиеся в присутствии районных и окружных уполномоченных по хлебозаготовкам, конечно, были выдержаны в лояльных государственной политике выражения. Собрания, проводившиеся крестьянами самостоятельно, нередко высказывались против дополнительной сдачи хлеба государству. Например, в с. Струговка Покровского района Владивостокского округа общее собрание, проведенное 17 июня 1928 г., накануне прибытия уполномоченных приняло отрицательное решение по хлебозаготовкам [10, л. 55–59].

В ходе кампании 1927/28 г. началась мобилизация партийно-государственной вертикали. К концу 1920-х гг. позиции правящей партии

в деревне не были еще достаточно прочными. На Дальнем Востоке из 2117300 населения только 17359 чел. были коммунистами, 7749 — кандидатами в члены партии, 43000 чел. — комсомольцами. Ко всему населению члены партии составляли 1,2%, комсомольцы — 2,1%. Партийные ячейки в крае имелись только в 14,9% всех населенных пунктов, ячейки ВЛКСМ — в 23,8% [6, л. 13]. В этих условиях решающее значение придавалось консолидации партийных и советских работников, недопущению разногласий.

Переход к чрезвычайным мерам в деревне вызвал неоднозначную реакцию среди рядовых коммунистов. Информационные сводки ЦК ВКП (б), составленные в том числе и на материалах Амурского, Владивостокского, Читинского окружкомов и Далькрайкома ВКП (б) за январь-март 1928 г., свидетельствуют о том, что ряд деревенских парторганизаций слишком быстро перешли к военно-коммунистическим методам проведения хлебозаготовок. В адрес крестьянства обычными стали угрозы: «мы вам припомним 1918 г., заткнем глотку», вызовы на допросы и даже избиения. Вместе с тем, среди отдельных коммунистов на селе довольно широко распространились настроения, характеризующие партийным руководством как «хвостистские». Люди уклонялись от сдачи собственных излишков зерна, высказывали отрицательное отношение к нажиму на кулаков или наоборот, отмалчивались на собраниях и сходках, посвященных самообложению и займам [21, л. 10]. По сути это был молчаливый отказ части рядовых членов партии от поддержки нажима и участия в нем. Весной-летом в самом хлебом дальневосточном округе — Амурском — продолжали фиксироваться многочисленные факты слабого участия в хлебозаготовках низовых партийных организаций и советского аппарата. Определился и политический аутизм — партийная организация Завитинского района, которая признала ход заготовок вполне удовлетворительным и не согласилась с мнением уполномоченного окружкома о недостаточности хлебозаготовительной работы в районе. Ряд коммунистов позволяли себе критиковать действия окружных властей и предлагать другие, экономические, меры стимулирования хлебосдачи. Например, член Мазановского райкома Урманов предлагал: «Цены на зерно надо повысить. Условия района говорят за это. Округ знает об этом, но молчит» [4, л. 1–3]. Колебания в среде партийных работников всех уровней, негативно воспринимавших нажим на деревню и пытавшихся защищать крестьянство, отмечались и во

Владивостоком округе [8, л.3]. Однако окружкомы, несмотря на все резолюции и директивы о недопустимости поголовных обысков и изъятий хлеба, резко возражали против попыток местных работников пойти навстречу крестьянству. Во время выездов уполномоченных в районы и села началось выявление «неблагонадежных» работников. Решение о применении репрессивных мер в отношении должностных лиц, «не проявивших достаточной энергии в деле взыскания» хлеба, Амурский окружком принимает уже 9 января 1928 г. [2, л.6–7,9]. В июне недопустимой была признана практика прекращения преследования крестьян в судебном порядке в тех случаях, когда хлеб вывозился на ссыпные пункты уже после составления актов об утайках. Амурский окружком в этой связи настаивал: «Злостных спекулянтов необходимо не страшать, а предавать суду, как это указывается в директивах окружкома». При этом речь шла о хозяйствах, в которых было описано 400–500 пудов хлеба [4, л. 3]. К лету 1928 г. и сами низовые партийные организации, поставленные перед необходимостью выполнять увеличенный план заготовок в условиях, когда хлеб из крестьянских хозяйств был практически вычерпан, нередко просили о снижении величины излишков, подлежащих изъятию, с 700 до 400–500 пудов. Тогда же в лексиконе партийных работников процесс хлебозаготовок вновь получает название — «разверстка», что свидетельствует об изменении их политических установок [5, л. 1].

Чрезвычайные меры в деревне были отменены решением июльского пленума ЦК ВКП (б). 17–19 июля 1928 г. постановления о прекращении применения 107 ст. УК принимают дальневосточные окружкомы. Советские и судебные органы обязывались остановить производство дознаний и рассмотрение судом уже заведенных уголовных дел. Опечатанный хлеб в хозяйствах, по которым производство дела прекращалось, предписывалось немедленно возвратить владельцам. Временное отступление от политики нажима на крестьянство летом 1928 г. совершенно не коснулось ответственных работников. Райкомы были предупреждены о недопустимости снижения темпа заготовок и необходимости выполнения летнего плана в установленные сроки. Продолжались преследования ответственных партийных и советских работников, допустивших колебания в ходе хлебозаготовительной кампании. 17 июля, одновременно с принятием решения об отмене чрезвычайных мер, Амурский окружком партии отстранил от должности председателя Завитинского

райисполкома Журавлев за ненадлежащее руководство хлебозаготовками. Коммуниста Чернышева (Тамбовский район) отстранили от работы в деревне «за проявление недопустимых уклонов, сводившихся к защите явного кулака, подвергнутого 107 ст. УК». Дело Чернышева было передано в контрольную комиссию [6, л. 58, 63].

Общий итог кампании 1927/28 г.: в ДВК было заготовлено 2448,4 тыс.ц. зерновых, что было в 1,7 раза больше, чем в 1926/27 г. Согласно официальным отчетам, хлебозаготовительные планы были выполнены на 95,5%. В данном случае речь идет об окончательных плановых заданиях. По нашим подсчетам, первоначальный план заготовок на Дальнем Востоке был перевыполнен на 6,7% [14, л. 6–7]. Насколько выполнение плана было обусловлено репрессиями в деревне? В целом по Дальнему Востоку в кампанию 1927/28 г. по 107 статье УК было осуждено всего 104 человека. Сами власти полагали, что до «сколь-нибудь массовой репрессии и применения чрезвычайных мер» в 1927/28 г. в ДВК дело не дошло [22, л. 55]. Большая часть привлеченных к уголовной

ответственности — амурчане. По данным Амурского окружного суда, к июлю 1928 г. по ст. 107 УК были осуждены 60 домохозяев и 6 китайских подданных. Нажим на деревню в первой половине 1928 г. не произвел должного впечатления и на дальневосточное крестьянство. Кулаки Тамбовского района, например, полагали, что «это коммунисты для примера стукнули несколько человек по 107 статье, а дальше не будут производить обыски» [4, л. 2 об]. Таким образом, в выполнении плана хлебозакупа в крае чрезвычайные меры играли далеко не главную роль.

Подведем некоторые итоги. На наш взгляд, региональных причин для хлебозаготовительного кризиса на Дальнем Востоке не было. Кризис был спровоцирован общесоюзной ситуацией, и сначала положение в ДВК характеризовалось меньшей остротой и меньшей степенью противостояния крестьянства и власти, нежели в целом по стране. Однако изменения хлебозаготовительной политики в полной мере сказались и на региональной деревне, на которую к весне 1928 г. была переложена вся тяжесть последствий нового аграрного курса государства.

1. Балобанов Я. В. Категория «государственная власть» и современность [Электронный ресурс] / Я. В. Балобанов. — URL: <http://pravovestnik.ru/?p=45> (дата обращения: 26.10.2011).

2. ГААО (Государственный архив Амурской области), ф. п-5 — Амурский окружной комитет ВКП (б) (1926–1930 гг.), оп. 1, д. 223.

3. ГААО, ф. п-5, оп. 1, д. 224.

4. ГААО, ф. п-5, оп. 1, д. 238.

5. ГААО, ф. п-5, оп. 1, д. 277.

6. ГААО, ф. п-17 — Белогорский районный комитет КПСС, Амурская область (1926–1962 гг.), оп. 1., д. 43.

7. ГАПК (Государственный архив Приморского края), ф. п-67 — Владивостокский окружной комитет ВКП (б) (1926–1930 гг.), оп. 1, д. 75.

8. ГАПК, ф. п-67, оп. 1, д. 145.

9. ГАПК, ф. п-67, оп. 1, д. 146.

10. ГАПК, ф. п-67, оп. 1, д. 154.

11. ГАПК, ф. п-67, оп. 1, д. 185.

12. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), ф. п-2 — Дальневосточный краевой комитет (Далькрайком) ВКП (б), 1925–1938 гг., оп. 1, д. 63.

13. ГАХК, ф. п-341 — Хабаровский окружной комитет ВКП (б) (1924–1930 гг.), оп. 1, д. 178.

14. ГАХК, ф. п-353 — Комитет по экономике администрации Хабаровского края (1926 г. — по наст. время), оп. 1, д. 10.

15. Дальневосточная краевая плановая комиссия. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК за первое полугодие 1927/28 г. — Б. м. — Б. и. — 36 с.

16. Ильиних В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.) [Текст] / В. А. Ильиних. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. — 284 с.

17. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. : Очерки истории / под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. — 416 с.

18. Лыкова Е. А. Деревня Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX века : Коллективизация и ее последствия [Текст] / Е. А. Лыкова, Л. И. Проскурина. — Владивосток: Дальнаука, 2004. — 188 с.

19. Политология / под общ. ред. Ю. В. Исаева [Электронный ресурс]. — URL: http://www.uvauga.ru/HSD_chair/Political_science/T2_4.htm (дата обращения: 26.10.2011).

20. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), ф. 17 — Центральный комитет ВКП (б) (1898, 1903–1991), оп. 32, д. 66.

21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 32, д. 125.

22. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока), ф. п-2413 — Дальневосточный краевой исполнительный комитет советов депутатов трудящихся (Далькрайисполком), г. Хабаровск, 1923–1938 гг., оп. 4, д. 1225.

ЭССЕ О «ФИЛОСОФСКОМ ВЕКОРДИЗМЕ» (МЫСЛИ, НАВЕЯННЫЕ СТАТЬЕЙ М. В. ЧЕКМАРЁВА И А. С. ЧУПРОВА «ВЕКОРДИЗМ, ИЛИ МИРООЩУЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ»)

УДК 101.9

С. В. БОРИСОВ

Казалось бы, в обыденном понимании с безумием не может быть связано ничего хорошего и тем более оптимистичного. Безумие — состояние безысходности, ситуация тупика, загланности в постоянное противоречие и конфликт между мной и миром. У безумного «не все дома», потому что он сам не может обрести дом в себе. Его все время что-то гонит «из себя», все время что-то мешает установить душевное равновесие и найти тем самым мир и покой. Но именно этим безумный чем-то напоминает философа. Об этом писал Ясперс. «В начальный период некоторых душевных болезней имеют место совершенно потрясающие метафизические откровения, которые, правда, по форме и речевому выражению являются всегда настолько шокирующими, что их оглашение не может иметь какого-либо объективного значения, за исключением таких редких случаев, как поэт Гёльдерлин или художник Ван Гог. Однако тот, кто присутствует при этом, не может избежать впечатления, что здесь разрывается покров, под которым обыкновенно проходит наша жизнь» [4, с. 226–227]. Ясперс подчеркивает, что «творящая изначальность, которой мы обязаны великим философским мыслям», находится вне области мышления повседневности. Наивное философствование безумных лишь «срывает» покров повседневности с глубоких философских проблем и «застывает» на границе «знание–незнание» в мучительной для здравого смысла рефлексивной паузе.

Те откровения, которые даны человеку в пограничных ситуациях, как бы на время срывают «покрывало Майи» с мира, его подлинность открывается душевному взору, в речах безумца звучит правда. Но потом повседневность вновь затуманивает этот взор, и слова правды сменяются бессвязным бредом. Что помогает философу удержаться на грани безумия и не скатиться во мрак тяжелого душевного недуга? Думаю, только его «философская вера» в разумный порядок вещей. В его устах даже абсурд получает разумное обоснование. Философ твердо верит в то, что во всем находится разумное начало, что разум — синоним добра, а добро в свою очередь — синоним красоты и т.д. Все эти атрибуты философского «символа веры» у подавляющего большинства людей вызывают лишь скептическую усмешку. Бердяев прав, философа никто

не любит, и современная культура относится к философии как к бесполезной, никому не нужной, пустой игре мысли [1, с. 230]. Правда этот скепсис «счастливого большинства» происходит не от большого ума. Он — следствие и проявление того, что Лейбниц именовал «ленивым умом».

Ведь дело не только в том, чтобы ясно мыслить и всегда совершать рациональный выбор; дело в том, что для такого выбора нужна энергия воли, а ее-то и может перебивать беспокойство повседневных желаний. В зазоры нашего мышления мгновенно внедряется мощный поток иррациональных мотивов и желаний, и мы подчиняемся ему, засыпая наяву и уносясь на крыльях грез. Внимание рассеивается, воля сменяется слепым желанием. Мы не хотим мыслить. Так обнаруживается «ленивый ум» [2, с. 54–62]. Итак, во-первых, это наше нежелание мыслить, во-вторых, это наше притворство (ведь мы осознаем, что спим наяву), в-третьих, это наша привычка не мыслить, мы не в состоянии побороть собственную лень. По мысли Лейбница, есть только один способ бороться с «ленивым умом» — нужно везде и всегда мыслить до конца. Если мы мыслим до конца, мы получаем особое наслаждение от процесса мышления, которое сохраняется в памяти.

Разум — это «орудие труда» философа. Подобно пауку, он тклет из самого себя паутину слов и смысловых звеньев. Его творение завораживает своей красотой и совершенством формы. «Игра в бисер» предполагает тонкое знание множества смысловых переходов, по которым можно блуждать в поисках все более совершенного порядка. Этот труд полон эротизма (жизненной энергии), приносит философу огромное наслаждение, дает ощущение гармонии, ощущение причастности к величию Логоса. Философия — это религия, печать которой можно обнаружить у любого представителя этого «ордена», кто по-настоящему глубоко исповедует философскую веру. Но слаба та вера, которая не находится в согласии с разумом, и слаб тот разум, который не одухотворен верой. Поэтому среди «нашего брата» немало догматиков, путаников, «чиновников от науки», да и просто самых обыкновенных (клинических) безумцев. Исторически являясь «служанкой» то богословия, то науки, то идеологии, философия как «научная дисциплина»

безнадежно дискредитировала себя. Это не удивительно. Удивительно то, что несмотря на такую «вековую» дискредитацию, философия еще кажется обыденному сознанию чем-то важным, таинственным. Может, ее считают важной, потому что она таинственна, а может, чем черт не шутит, те «истоки философии», о которых писал Ясперс, действительно живут в каждом человеке, и философствование является атрибутивным свойством мышления, предшествуя всем другим «институализированным» формам. Будем надеяться, что философ в современном мире может говорить не только потому, что «не может молчать», но и потому, что его хотят услышать.

Векордизм — способ защиты. «Философский векордизм» — это тоже защита, уход от повседневности, даже если при этом философ и рассуждает о повседневности. В зависимости от настроения философа оценки повседневности могут варьироваться от обличительных и трагичных до благодушных и оптимистичных. Причем само это настроение философа меняется по ходу его рассуждений, по мере того, как философу открывается скрытая суть вещей. От абсолютного протеста он может прийти к абсолютному примирению. От жестокой хандры и мизантропии он может перейти к эйфории катарсиса и счастья. Чем это можно объяснить? Почему «злой» философ может вдруг «подобреть»? Потому, что ему открылась мудрость или потому, что он просто рад за себя и его переполняет гордость и самолюбование? Согласитесь, философствуя, трудно быть беспристрастным, и особенно по отношению к себе. Ведь за «холодным» разумом философа скрывается его «горячее» сердце.

Повседневность требует от философа повсеместно явно или скрыто «изменять» своему философскому ремеслу, отказываться от своей философской веры. Изобличая пороки мира сего, философ тем самым изобличает и борется со своими пороками. «Философский векордизм» становится способом самозащиты. «В самом деле, — пишет Ницше, — толпа долгое время не узнавала философа и смешивала его то с человеком науки и идеальным ученым, то с религиозно-вдохновенным, умертвившем в себе все плотское, “отрекшимся от мира” фанатиком и пьянчужой Божьим. И если даже в наши дни доводится услышать, что кого-нибудь

хвалят за то, что он живет “мудро”, или “как философ”, то это означает не более как “умно и в стороне”» [3, с. 326–327].

В современном мире, в век глобализации «жить умно и в стороне» — непозволительная роскошь. У философа должно быть свое собственное отношение к современности, и это отношение должно быть так или иначе выявлено или высказано. Он должен «дружить» с современностью, жить в современности, быть современным. Ни реверсионизм, ни тотальное отрицание, ни добровольное заточение «в башню из слоновой кости», ни упрости́тельство, ни уход в другую «языковую профессию» не могут быть оправданием философу за бегство от современности. Ничто из перечисленного не снимает его ответственности за право быть свободным в несвободном мире, которое дает ему это «звание» (разумеется, не научное) философа. Философ не может быть равнодушным. Забота философа о себе есть его забота о человеке. Бегая по глобальному миру со своим «фонарем», ища человека, он тем самым приносит пользу не только себе. Он в состоянии сделать нечто важное, уникальное, что не сможет сделать ни один из представителей современных и древних профессий, он может вдохновить своей философской верой, он может научить любить.

Современность до предела обострила противоречие между двумя крайностями — сциентизмом и антисциентизмом. Сциентизм науки пугающе рационален без духовности, а антисциентизм повседневности беден разумом и верой. Философ — друг, психолог, попучик, жизненный советчик, человек «без профессии» и без социального статуса — это та фигура, которая может стать посредником между наукой и жизненным миром, которые в современных условиях отнюдь не склонны к коммуникации. Ответственность философа — быть свободным, быть собой, заботиться о себе и заботиться о том, какую заботу о себе проявляет его собеседник. Если векордизм как способ защиты способствует сохранению человеческого в человеке, является своеобразным «коконом», в котором вынашивается личность, то пусть этот векордизм будет философским, тогда и самозащита окажется эффективнее, и «кокон» крепче, и личность, формируемая в нем, будет воспринимать свое будущее освобождение как награду, а не наказание.

1. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994.

2. Лейбниц Г. В. Опыт теодицеи о благодати Божьей, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. М., 1989. Т. 4.

3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2.

4. Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. М.; СПб., 2001.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУРБУЛЕНТНЫЕ ВРЕМЕНА*

«Русский форум» в работе X Конференции ESA Европейской социологической ассоциации в г. Женева (Швейцария) 7–10 сентября 2011 г.

УДК 316.4.051

Второе заседание «Русского форума» под руководством директора Института социологии, чл.-корр. РАН М. К. Горшкова состоялось 8 сентября 2011 г. Основные докладчики: Ю. Волков, директор Института повышения квалификации (Ростов-на-Дону), Р. Хунагов, ректор Адыгейского университета, С. Мареева (ИС РАН), Е. Наколаева (ГУ-ВШЭ), Н. Е. Покровский – (ГУ-ВШЭ) член исполкома ESA и другие.

С докладом о социально-политической ситуации в современной России выступил директор Института повышения квалификации в Ростове-на-Дону Ю. Г. Волков. Докладчик затронул вопрос о консолидации российского общества и отметил, что консолидация не всегда удается (о чем сообщалось в одной из статей в «Российской газете»). Участие докладчика на конференциях в Австрии, Словении обозначено поисками современной социологической мыслью «прорывных категорий» — поисков вокруг проблемы «креативного класса». В ходе дискуссий отмечалось значение для социума «креативной личности». Данные проблемы отражены в СОЦИС е № 6 за 2011.

Ситуация в обществе меняется. За последние три года в два раза понизилось миролюбие населения, в отношениях нарастают настроения озлобленности. За этот краткий период США поменяли правительство пятидесяти стран. З. Безинский прочертил идеологическую мифологию: «США легче идти на разрушение устоев государств, чем на вложения в развитие демократий в тех или иных странах». За XX век трижды поменяли режимы в России. В последней смене строя упор сделан на сетевые войны. Ведется воздействие на умы поколений. Что делать ученым, что делать народам? Необходимо объединить исторический субъект.

Проблема эта не нова. Во все времена поднималась проблема исторического субъекта — масс и героев Великой французской революции, фашизма в Европе, исламизма в Азии и Африке. Каков этот субъект в России? Со всей остротой встает проблема креативного класса. Его роль становится все более значимой в плане безопасности России. Вместе с тем совершенно ясно, что методологического определения «креативного класса» не существует.

С понятием «креативный класс» связаны проблемы свободы, независимости, творчества. Средний класс составляют люди, не нищие по своему социальному положению. Это предприниматели, бизнесмены, чиновники, врачи, т. е. образованные слои общества. Избирательная система предполагает выбор четырех из семи имеющихся крупных партий в Государственную Думу. Огромное число ученых стоит в стороне от партий. Ведущиеся в стране выборы через партии не отвечают сегодняшней ситуации в России. В правительственные органы власти должны быть избраны представители левых сил и ученые.

Необходимо креативное образование. Для этого необходимо выдвинуть на первый план креативных учителей, креативных преподавателей. Сейчас резко встала проблема неравенства в обществе, сложился разрыв между тем, кто учит, кого учат и чему учат. Противоречие лежит в сопоставлении креативности и имитации креативности. Многие в условиях современной цивилизации находится на грани имитации. В большинстве стран наблюдается неудовлетворенность системой образования.

Российское образование востребовано в мире. Один миллион наших специалистов работает в США, один миллион на постоянной основе работает в Германии, пятьсот тысяч — в Израиле. В этом году целый выпуск ФИЗТЕХа выехал в США. Сколково покупает представителей иностранных научных школ с именами. Однако для нового научного продукта-патента на выходе в России нет экспериментальной площадки. Сколково — фабрика мысли для западных технологий. Две нефтяные трубы на Запад уводят из страны ресурсов на один триллион долларов, это составляет 30% ВВП РФ.

Создание «креативного класса» столкнется с имитацией и «выворачиванием» процесса. Есть притча: «В старые времена ночью была отравлена вода во всем городе, но людям предложили назвать воду неотравленной, т. е. черное называть белым. А один купец запасся водой и упорно называл черное черным, а белое белым. Его признали сумасшедшим». Нужно право, чтобы иметь возможность делать правильную жизнь в обществе. Иначе креативные люди превращаются в изгоев.

* Окончание. Начало в № 4, 2011.

Профессор Подберезкин (МГИМО) выдвинул идею креативного класса. В изданном им трехтомнике отслеживается история креативных идей и их влияний на общество, начиная с Серебряного века.

На сегодняшний день в России наблюдается стабильность, а в Институте социологии РАН выявляют 10 уровней, определяющих методом самоидентификации отнесения себя к тому или иному слою в обществе. Следует ли тревожиться о движениях фашизма, коммунизма, исламизма, если утверждается, что средний класс существует?

Даже в США происходит размывание среднего класса в обществе (20%: 80%). В Латинской Америке, США и в России средний класс не выступает как субъект политического действия. В целом в мире идет не модернизация, а маргинализация общества. Необходимо найти субъект политического действия.

Маршак А.Л. призвал вернуться к основной теме: неустойчивому развитию общества в турбулентное время. Данный конгресс ESA посвящен проблемам турбулентности и бифуркациям общества. Аналья Торес и представители Италии на конференции ставят вопрос о том, как преодолеть бифуркации. Мы хотим найти точки соприкосновения России и Европы. Показателями неустойчивого развития отношений в обществе являются следующие: национальная рознь, конфликт новых и старых поколений, терроризм. Что собой представляет современный мир — объект или субъект? Терроризм и национализм как явления существовали и прежде, а старшее поколение всегда с предубеждением относилось к младшему. А.Г.Эфендиев также утверждает, что коррупция — явление не новое: однако создается новый уровень коррупции, коррупция перерастает в институт, у молодежи формируется коррупционная идеология. Создание «Народного фронта» в РФ — та же коррупционная система. Необходимо кардинально бороться с коррупцией.

У М. Булгакова профессор Преображенский говорил о том, что развал надо искать не в клозетах, а в головах. Необходимо провести ряд фундаментальных исследований, выявить реальную составляющую современного мира. Изучение эмпирических явлений в научных центрах должно вести к формированию научного сознания в обществе. Мы мало пропагандируем знание общества о самом себе. Необходимо посмотреть на социальную защиту в западно-европейском мире. Нам нужна не изоляция от Европы, а преемственность. Часто мы стоим на умозрительных позициях. Нами в достаточной мере не изучен ни субъективный фактор, ни объективная реальность.

Хунагов Р. — ректор Адыгейского университета — отметил, что Адыгейский университет в социокультурном плане решает две проблемы: сохранение национальной (адыгейской) и русской культуры. Решить стратегические задачи сохранения культуры — значит решить вопрос о северокавказском регионе, его политическом, человеческом и природном ресурсах. Социальное и политическое спокойствие на Северном Кавказе возможно, если народами принимается российская идентичность. Университет как социальный институт позволяет преодолевать негативные тенденции, которые приводят к конфликтам и кризисным состояниям. При отсутствии стратегических целей общества роль образования ослабевает. Образование из духовной ценности превращается в один из видов услуг, выступает как фактор экономики. Образование превращается в элемент технократической культуры. В современных программах образования забывают такими понятиями, как функциональность и дисфункциональность личности. Необходимо формировать новый элитный класс, который обеспечивал бы развитие общества. Единое ментальное пространство может обеспечить университет. Необходима Всероссийская конференция по модернизации образования. Роль государственных университетов на Северном Кавказе заключается в создании целостного единства многочисленных народов с целью развития региона. Федеральные университеты — неумная идея создания альтернативного образования. Попытка создания университета в Ростове с разделением преподавания по этническому признаку спроектирована на ошибочном основании. Университеты должны быть в авангарде консолидации в молодежной среде.

Наколаева Е.Г. (ГУ-ВШЭ) — участница «Угорского социального проекта» (исследование деревень Костромской области) выступила с докладом «Трансформация северной деревни». Объяснение архаичных отношений в турбулентное время сведено автором к принятию позиции, что социализм — разновидность азиатского способа производства. Докладчицей разделяется позиция К. Поппера о редистрибуции, т.е. восстановлении докапиталистических разнообразных отношений. В России сейчас действуют неустраиваемые паразитарные группы, извлекающие «откаты», устраивающие «родственников» на работу, осуществляющие дарообмены и престижные пиры. Полупаразитарный класс блокирует нормальное развитие страны. Социальные ткани разорваны. Российская деревня никогда не возродится. Коррупцирование проявляется в том, что реализация сельскохозяйственной

продукции страны перекрыта через поставку импортной продукции.

Покровский Н.Е. — (ГУ-ВШЭ) член исполкома ESA. Россия регионально разнообразна, поэтому невозможно говорить о России в целом. Регион Ближнего Севера характеризуется дезинтеграцией и тотальным исчезновением сел. Ежегодно умирает 1–2 деревни. Природа отбирает у цивилизации то, что много веков обрабатывалось людьми. Реакцией на жизнь в мегаполисах стало явление *Daunschiffing a* — понижение передачи скорости человеческой жизни, сознательный уход личности от «крысиных бегов» за статус в обществе. Современные мегаполисы, как отмечал в основном докладе данной конференции профессор Дж. Ури, приходят к самоисчерпанию. Ни смена правительств, ни смена мэров не останавливают кризис экологии и культуры. Происходит заселение периферийных зон. Люди физически покидают город. Заселение вызывает экологический и архитектурный хаос. Молодежные группы связаны с IT-технологиями. Сколково-2 выживает. В рамках исследования «Угорский проект» исследовательская группа (ГУ-ВШЭ) обнаружила, что дома в пригородах Москвы и Санкт-Петербурга раскупаются московско-петербургской профессурой. Обычное явление при этом в образе жизни: в доме — компьютер, действует широкополосный Интернет. Идут интернет-конференции. Осуществляется переход от продолжительного пребывания в пригородном жилье к постоянному проживанию в пригороде. Назревает новая реколонизация деревни. Естественнотехнические формы перехода к продуктивной цивилизации ведут или к тупиковым состояниям, или к экспорту интеллектуального потенциала.

С основательной версией «Спорт как способ разрешения межнациональных противоречий» выступила Л.Н. Вдовченко. На секции возникло предложение открыть рубрику «Социология спорта» в ESA. Однако последовало возражение, что такие конференции собираются на другой крупной финансовой базе.

Следующее заседание сессии на английском языке под руководством Клер Уоллес состоялось 9 сентября. Людмила Мурзе, работающая в Лондонском университете, отметила, что проведено крупное межстрановое исследование по проблеме идентичности — «Европейская идентичность в современном обществе. История биографии народов, президентов и политиков». Феномен идентичности — методологическая проблема нового знания. Необходимо формировать качественные принципы и структурные объекты анализа. Разработаны методы конструирования качественных актов новых изучения установок-аттитуудов. В исследовании идентичности необходимо включение

политэкономического языка, детерминации и трансляции культур, политического гендера, применить системный анализ к политико-административной системе, выявить проблемы оппозиции в политике, провести детализацию ново-поли-национальных технологий. Исследовать легитимацию в политической практике, дать оценку персоналий, известных общественности.

В ходе исследований изучаются групповые диаспоры, их прошлое—настоящее—будущее, исследуется транскрипция биографий и семей, используются интервью-биографии, изучаются костюмы поколений семей.

Доклад показал многомерность и многосторонность методов исследования при анализе европейской идентичности, ведущее место качественных методов исследования.

На следующий день, 10 сентября Ж. Стайверт изложила влияние энергетической теории Оствальда на социологию: оствальдовскую концепцию энергии дома, соотношение социологии и энергетики. В оглавлении работы Оствальда поставлены проблемы человека, работы и цены рабочей силы. Использование Максом Вебером понятия «энергетика» «теории культуры» испытало влияние теории энергетики Оствальда.

Интернационализация швейцарской бизнес-элиты — так назывался доклад молодых швейцарских социологов местного университета. Вначале швейцарская бизнес-элита характеризовалась традиционными формами накопления человеческого капитала. На первых этапах преобладали технологии французских инженерных решений и разработки технических университетов. В начале XX века доминируют старые французские университеты в процессе формирования швейцарских бизнес-элит. Действует свой Цюрихский университет в 1980 г. Начиная с 2000 г. уже Швейцария распространяет свои знания и технологии по всему миру. В 2010 г. швейцарский топ-менеджмент связывается с американским топ-менеджментом. Участникам сессии продемонстрированы схемы перемещения энергии менеджмента и бизнес-элит.

Конференция ESA показала поиск предотвращения турбулентных ситуаций современного общества. Сильва Вяльбе, работающая в Лондонском университете, в своем заключительном докладе выделила несколько характеристик кризиса современного капитализма: экономический, политический, экологический (углеродный), социальный. X Конференция ESA «Социальные отношения в турбулентные времена» выявила многомерную современную социальную реальность. Следующая XI Конференция ESA состоится в Турине (Италии) в 2013 г.

С. П. ПАРАМОНОВА

Зырянов С.Г. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области. В статье анализируется социальная структура одного из южноуральских регионов – Челябинской области. На основе данных статистики и социологических исследований раскрываются процессы материального расслоения населения Челябинской области в 2000-е годы, а также с применением таких критериев, как власть и образование, дается характеристика социальной стратификации населения Челябинской области.

Ключевые понятия: социальная структура, материальное расслоение, социальная стратификация.

Киселев С.В. Аналитико-игровые подходы исследования систем социального управления. В статье рассматриваются возможности исследования систем социального управления с позиций аналитико-игрового структурирования социальных процессов, основанных на соперничестве и преследовании общих целей конкурирующих сторон. Проводится сравнение рационально-последовательного и интуитивно-игрового выбора эффективных стратегий по оптимизации целеориентированного социального поведения.

Ключевые понятия: игра, рациональный анализ, интуитивный выбор, конфликт интересов.

Попов В.Г., Климов В.Н. Социальная сущность предпринимательства: проблемы становления в условиях общественной трансформации. С позиций социоисторического подхода проанализирована роль предпринимательства в развитии социума в условиях трансформации добуржуазного и буржуазного общества. Становление субъектности предпринимательства в современном российском социуме рассматривается как процесс сочетания индивидуально-личных и общественных интересов. В основе данного процесса – рост социально-экономической активности населения, повышение эффективности предпринимательства в освоении человеческих ресурсов и мобилизации человеческого капитала.

Ключевые понятия: предпринимательство, социальный субъект, социум, социальная сущность предпринимательства.

Филипповская Т.В. Отторжение знаний и регрессивная мобильность интеллигенции: актуальные практики. Представлен инновационный аспект осмысления актуального состояния и перспектив позиционирования интеллигенции в социуме в ракурсе регрессивной мобильности интеллигенции. Определены понятия «антидеривация» и «отторжение знаний», структурными составляющими которого являются отказ от знаний и отчуждение знаний.

Ключевые слова: интеллигенция, регрессивная мобильность интеллигенции, отторжение знаний, отказ от знаний, отчуждение знаний, антидериваты, функциональная неграмотность, фрагментаризация процесса мыслительной деятельности (дискретность мышления), потребительское сопротивление.

Грунт Е.В., Юрьева А.В. Факторы формирования театральной потребности населения малого уральского города. Статья посвящена анализу факторов формирования театральной потребности населения малого уральского города. Анализ социальных, экономических, культурных факторов формирования потребностей населения в театре позволил авторам выделить три группы факторов: межинституциональные, внутриинституциональные и внеинституциональные, определить их взаимосвязи.

Ключевые понятия: театральная потребность, факторный анализ.

Zyryanov, S.G. Social Stratification and Social Mobility of the Chelyabinsk Region Population. The article analyzes the social structure of one of the South Ural regions – the Chelyabinsk Region. The processes of pecuniary stratification of the population of the Chelyabinsk Region in the 2000's are revealed on the basis of statistical data, sociological research, and the use of such criteria as power and education. Description of social stratification of the Chelyabinsk Region population is given.

Key concepts: social structure, pecuniary stratification, social stratification.

Kiselev, S.V. Analytical and Gaming Approaches to Research of Social Administration Systems. The article discusses possibilities of studying social administration systems in terms of analytical and gaming structuring of social processes based on competition and pursuit of common goals of the competing parties. Comparison of rational and consecutive, and intuitive and gaming choices of efficient strategies to optimize targeted social behavior is implemented.

Key concepts: game, rational analysis, intuitive choice, conflict of interests.

Popov, V.G., Klimov, V.N. Social Essence of Entrepreneurship: Issues of Formation in the Social Transformation Environment. The role of entrepreneurship in society development in the environment of transformation of pre-bourgeois and bourgeois society is analyzed in terms of the socio-historic approach. The formation of entrepreneurship subjectivity in modern Russian society is regarded as a process combining individual and personal, and public interests. The growth of socio-economic activity of the population and the increase of efficiency of entrepreneurship in development of human resources and mobilization of human capital are at the heart of this process.

Key concepts: entrepreneurship, social subject, society, social essence of entrepreneurship.

Filippovskaya, T.V. Rejection of Knowledge and Regressive Mobility of the Intellectuals: Current Practice. An innovative aspect of understanding the current state and prospects of positioning the intellectuals in a society in terms of regressive mobility of the intellectuals is presented. The concepts 'antiderivation' and 'rejection of knowledge' the structural components of which are abandonment of knowledge and alienation of knowledge are defined.

Key concepts: the intellectuals, regressive mobility of the intellectuals, rejection of knowledge, abandonment of knowledge, alienation of knowledge, antiderivatives, functional illiteracy, fragmentation of the mental activity process (thinking discretion), consumer resistance.

Grunt, E.V., Yurieva, A.V. Factors of Formation of the Need for Theatre among a Small Ural Town Population. The article analyzes the factors of formation of the need for theatre among a small Ural town population. The analysis of social, economic and cultural factors of formation of the population's need in going to the theatre allowed the authors to distinguish three groups of factors: inter-institutional, intra-institutional, and extra-institutional ones; as well as to define their interconnections.

Key concepts: need for theatre, factor analysis.

Зайцев А.В. Диалог государства и гражданского общества как социально-политическая категория. В статье сопоставляется диалоговая коммуникация государства с гражданским обществом в современной России с гражданским диалогом в странах ЕС. На этой основе автором «диалог государства и гражданского общества» рассматривается и формулируется как новая социально-политическая категория.

Ключевые понятия: государство, гражданское общество, диалог, коммуникация, взаимодействие.

Лобжанидзе А.А. Политическая мифология: проблема иррациональности. В статье проводится критический анализ некоторых концепций, отождествляющих мифическое и иррациональное, подчеркивающих иррациональную сущность мифа. Предлагается общая концепция иррационального в политике, позволяющая исследовать политические мифы как попытку объяснения политической реальности в условиях, когда реальность представляется непостижимой. Явление «мифотворчества» рассматривается в том числе на примере детского фольклора. Анализируется влияние политической мифологии на политическую науку и практику.

Ключевые понятия: иррациональное в политике, связь политической мифологии и реальной политики, детская политическая мифология.

Гурарий Е.М. Динамические аспекты развития политического пространства. Статья посвящена проблеме, связанной с пониманием процесса формирования политического пространства. На основании анализа научных концепций, рассматривающих феномен пространства, автор исследует отличительные черты процесса перехода от одного вида пространства к другому, создает модель, способствующую пониманию предназначения и роли политического пространства.

Ключевые понятия: политическое пространство, системообразующий фактор, флуктуация, культура, система, целое.

Мухаметов Р.С. Актуальные проблемы российско-европейских отношений на современном этапе. В статье говорится о современном состоянии отношений между Россией и Евросоюзом. В работе излагаются основные проблемы российско-европейских отношений. Автор затрагивает вопросы подписания нового Договора о европейской безопасности, нового СПС и отмены визового режима между РФ и ЕС. Много внимания уделено российской военной операции в Грузии в контексте отношений между Москвой и Брюсселем.

Ключевые понятия: внешняя политика России, Европейский союз, страны СНГ и Балтии.

Хрыкин А.А. Сетевые политические коммуникации: потенциал влияния. В статье рассматривается новое для политической науки явление сетевых политических коммуникаций. Автор анализирует политологические, коммуникативные и социологические точки зрения на возможности политических коммуникаций в сети Интернет, социальных сетях и сетевых сообществах.

Ключевые понятия: сетевые политические коммуникации, социальные сети, сетевые сообщества.

Кирдяшкин И.В. Государственная молодежная политика: смысловые константы. В статье обозначаются ведущие значения появления и актуализации молодежной политики как отрасли государственного управления. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что эта отрасль происходит из усиливающейся потребности социума вырастать из своих самоописаний, задающих нормативные основы социального порядка.

Ключевые понятия: молодежь, государственная молодежная политика.

Zaitsev, A. V. Dialogue between the State and Civil Society as a Socio-Political Category. The article compares the dialogue communication between the state and civil society in contemporary Russia and the civil dialogue in the EU member-states. On this basis, the author considers the 'dialogue between the state and civil society' and formulates it as a new socio-political category.

Key concepts: state, civil society, dialogue, communication, interaction.

Lobzhanidze, A. A. Political Mythology: the Issue of Irrationality. The article presents a critical analysis of some concepts identifying the mythical with the irrational, emphasizing the irrational essence of a myth. A general concept of the irrational in politics is given allowing to study political myths as an attempt to explain the political reality in the circumstance when reality seems incomprehensible. The phenomenon of 'myth creation' is also considered in its form of children's folklore. The impact of political mythology on political science and practice is analyzed.

Key concepts: the irrational in politics, connection of political mythology and real policy, children's political mythology.

Gugariy, E. M. Dynamic Aspects of the Political Space Development. The article is devoted to the issue of understanding the process of formation of political space. Basing on the analysis of scientific concepts considering the phenomenon of space, the author studies the distinctive features of the transition from one type of space to another, creates a model that facilitates the understanding of the purpose and role of political space.

Key concepts: political space, system-forming factor, fluctuation, culture, system, the whole.

Mukhametov, R. S. Topical Issues of Russian-European Relations at the Contemporary Stage. The article describes the contemporary state of relations between Russia and the European Union. The paper outlines the main issues of Russian-European relations. The author addresses issues of signing a new Treaty on European Security and the abolition of the visa system between Russia and the EU. Much attention is paid to the Russian military operation in Georgia within the context of relations between Moscow and Brussels.

Key concepts: Russia's foreign policy, European Union, CIS and Baltic states.

Khrykin, A. A. Network Political Communication: the Impact Potential. The article discusses the phenomenon of network political communication which is new for political science. The author analyzes viewpoints on the possibilities of political communication on the Internet, social networks and online communities in terms of political science, communication and sociology.

Key concepts: network political communication, social networks, online communities.

Kirdyashkin, I. V. State Youth Policy: Semantic Constants. The article indicates the main roles of appearance and actualization of youth policy as a branch of state administration. A working hypothesis is put forward: this branch comes from the increasing demand of the society to grow out of its self-descriptions defining the regulatory framework of the social order.

Key concepts: youth, state youth policy.

Липская Л. А. Молодежь и политика: проблема повышения политической активности. В статье рассматривается отношение современной российской молодежи к политике, к политическим партиям, анализируются различные формы ее участия в политической жизни, в том числе участие в выборах, выявляются внешние и внутренние факторы способствующие повышению ее политической активности.

Ключевые понятия: политическое поведение, апатичность, политическая активность, политические предпочтения, политический выбор.

С. М. Панарин, Д. К. Булатова Анализ достоверности результатов выборов третьего и четвертого электоральных циклов на примере Тюменской области. В статье анализируется достоверность результатов выборов последних двух электоральных циклов. С помощью методов электоральной статистики выявляются локальные искажения в выборном процессе на примере Тюменской области. Наличие подобных отклонений позволяет сделать вывод об электоральной управляемости региона.

Lipskaya, L. A. Youth and Politics: the Issue of Increasing Political Activism. The article considers the attitudes of modern Russian youth to politics, to political parties. Various forms of political participation, including participation in the elections are analyzed. External and internal factors contributing to the increase of their political activism are identified.

Key concepts: political behavior, political apathy, political activism, political preferences, political choice.

Panarin, S. M., Bulatova, D. K. Analysis of Validity of Elections Results of the Third and Fourth Electoral Cycles Based on the Tyumen Region Example. The article analyzes the validity of the elections results of the last two electoral cycles. Using the methods of electoral statistics, local distortions in the electoral process are revealed by the example of the Tyumen Region. The presence of such fluctuations allows drawing a conclusion that the region can be subject to electoral control.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Лапаева А. В. Соотношение государства, права и нравственности в воззрениях С. А. Котляревского. В статье исследуется проблема соотношения понятий государства, права и нравственности в воззрениях одного из виднейших теоретиков российского конституционализма начала XX столетия С. А. Котляревского. Особое внимание уделяется категориям «государство», «право» и «нравственность», типам государств. Статья сосредотачивается на анализе теории происхождения государства и права, их сущности и значения.

Ключевые понятия: правовое государство, право, власть, нравственность, справедливость, государственное регулирование.

Красняков Н. И. Императив национально-этнического компонента государственности в реализации государственной власти в России второй половины XVII — начала XX вв. В статье утверждается, что государственное управление в империи основано на учете многоукладности традиций различных этносов. Россия адаптировала совокупность множества социальных иерархий к общегосударственным делам. Имперская бюрократия нивелирует самобытность и автономизм народов, разрушая единое политико-правовое пространство.

Ключевые понятия: власть, управление, этнос, Россия, империя.

Дубровин О. В. Некоторые вопросы о муниципальной собственности. В статье анализируются особенности объектов муниципальной собственности, в том числе зависимость перечня объектов, которые могут находиться в муниципальной собственности, от вида муниципального образования.

Ключевые понятия: муниципальная собственность, объекты муниципальной собственности.

Суслова С. И. Формирование и удовлетворение жилищной потребности (цивилистический аспект). В статье исследуется понятие «жилищная потребность», раскрываются ее особенности как объективного и субъективного явления. Автором предлагается рассматривать жилищную потребность в широком и узком смысле, что дает основание для разграничения между терминами «нужда» и «прихоть». Анализ специфики разумных и неразумных жилищных потребностей позволил автору сформулировать ряд предложений по совершенствованию жилищного законодательства.

Ключевые понятия: жилищная потребность; потребность в проживании; нужда и прихоть; разумная и неразумная потребность.

STATE AND LAW

Лапаева, А. В. Correlation of the State, Law and Morality in views of S. A. Kotlyarevsky. The paper investigates the issue of correlation of the concepts of state, law and morality in views of one of the most prominent theorists of Russian constitutionalism in early 20th century S. F. Kotlyarevsky. Particular attention is paid to the categories of 'state', 'law' and 'morality' and to the types of states. The article focuses on the analysis of the theory of the origins of state and law, their essence and significance.

Key concepts: law-based state, law, power, morality, justice, governmental regulation.

Krasnyakov, N. I. Imperative of the National and Ethnic Component of the Statehood in Exercising State Power in Russia in the Second Half of the 17th – Early 20th Century. The article argues that state administration of an empire is based on taking into account traditions of multiculturalism of different ethnic groups. Russia adapted a set number of social hierarchies to nation-wide affairs. Imperial bureaucracy eliminates identity and autonomy of peoples, destroying a single political and legal space.

Key concepts: power, administration, ethnic group, Russia, empire.

Dubrovин, O. V. Some Issues of Municipal Property. The paper analyzes the peculiarities of municipal property objects including the dependence of the list of objects which can be in municipal ownership on the type of municipality.

Key concepts: municipal property, municipal property objects.

Suslova, S. I. On the Issue of Formation and Satisfaction of the Housing Need (Civillist Aspect). The article examines the concept of 'housing need', its peculiarities as an objective and subjective phenomenon are revealed. The author suggests to regard the housing need in broad and narrow meaning, which gives reason to distinguish between the terms 'need' and 'whim'. Analysis of the specificity of reasonable and unreasonable housing needs allowed the author to formulate a number of proposals for improving housing legislation.

Key concepts: housing need, residence need, need and whim, reasonable and unreasonable need.

Сергеев А.Б. Порог легализации денежных средств, приобретенных преступным путем, как критерий уголовной ответственности. В статье анализируются различные варианты действий лиц по «отмыванию» денежных средств, приобретенных преступным путем, в зависимости от изменения установленного законом размера их легализации, превышение которого делает данную деятельность преступной.

Ключевые понятия: легализация, преступный доход, правоохранительная деятельность, методические рекомендации.

Sergeev, A. B. The Threshold of the Legalization of Funds Derived from Criminal Activity as a Criterion for Criminal Responsibility. The article analyzes various options for individuals to 'laundry' funds derived from criminal activity depending on changes in the legal size of their legalization excess of which makes that activity criminal.

Key concepts: legalization, criminal proceeds, law enforcement, methodical guidelines.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Овчаренко Р.К. Особенности управления гражданской службой субъекта Российской Федерации. В статье автор показывает особенности управления региональной государственной гражданской службой на основе проведенного анализа законодательства о гражданской службе субъектов РФ Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Приводятся результаты социологического опроса гражданских служащих Ростовской области по вопросу необходимости создания и эффективности работы Ведомства по управлению государственной гражданской службой Ростовской области.

Ключевые понятия: гражданская служба, управление, гражданские служащие, опрос, эффективность.

Коротина Н.Ю., Ташкинова Т.В. Организационно-экономический механизм управления конкурентоспособностью розничных торговых предприятий. В статье раскрыта роль и значение розничной торговли в развитии единого народно-хозяйственного комплекса в современных условиях, рассмотрены вопросы организационно-экономического механизма управления конкурентоспособностью розничных торговых предприятий.

Ключевые понятия: организационно-экономический механизм, элементы, блоки, этапы, модель механизма государственного регулирования.

Ovcharenko, R. K. Features of the Civil Service Administration by a Region of the Russian Federation. In the article, the author shows characteristics of regional civil service administration based on the analysis of legislation on the civil service of the regions of the Russian Federation of the South and North Caucasus Federal Districts. The results of a survey of civil servants of the Rostov Region on the need for creation and efficiency of work of the authority administering state civil service of the Rostov Region are given.

Key concepts: civil service, administration, civil servants, survey, efficiency.

Korotina, N. Y., Tashkinova, T. V. Issues of Formation and Implementation of an Organizational and Economic Mechanism for the Control of Retail Enterprises Competitiveness. The article reveals the role and importance of retail trade in the development of a unified national economy in the current circumstances. Issues of an organizational and economic mechanism to control the competitiveness of retail enterprises are considered.

Key concepts: organizational and economic mechanism, elements, blocks, stages, model of the mechanism of state regulation.

КУЛЬТУРА

Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О ментальных основаниях общественной солидарности. В социуме необходима мера ментального различия и сходства социальных групп, обеспечивающая, с одной стороны, конструктивную напряжённость и новации в процессе экзистенциального диалога, а с другой стороны, она не должна приводить к конфронтации и насилию.

Ключевые понятия: социальная солидарность, менталитет, духовная элита, политическая элита.

Лукин А.Н. Осмысление творческого начала в человеке русскими религиозными философами начала XX века. В статье проводится анализ различных философских подходов к исследованию творческого начала в человеке, показывается своеобразие понимания природы творчества в русской религиозной философии.

Ключевые понятия: творчество, духовность, русская религиозная философия.

CULTURE

Gubanov, N. I., Gubanov, N. N. On the Mental Basis of Social Solidarity. A society needs a measure of mental differences and similarities of social groups, which provides, on the one hand, a structural tension and innovations in the process of existential dialogue, and, on the other hand, it should not lead to confrontation and violence.

Key concepts: social solidarity, mentality, spiritual elite, political elite.

Lukin, A. N. Understanding the Creative Element in a Human Being by Russian Religious Philosophers of the Early 20th Century. The article analyzes different philosophical approaches to the study of creative element in a human being; originality of understanding the nature of creativity in the Russian religious philosophy is highlighted.

Key concepts: creativity, spirituality, Russian religious philosophy.

ИСТОРИЯ

Карипов Б.Н. Конструктивный потенциал русской консервативной идеологии второй половины XIX — начала XX века. Из статьи видно, что авторы консервативных проектов и предложений предлагали путь мирного, эволюционного, ненасильственного приспособления, а если требовалось, то и тактического реформирования монархической формы правления в условиях меняющейся социально-исторической ситуации. Незыблемым при этом оставался один императив — абсолютное верховенство

HISTORY

Karipov, B. N. Constructive Potential of Russian Conservative Ideology in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. The article makes it clear that authors of conservative projects and proposals offered the way of peaceful, evolutionary, non-violent adaptation, and, when it was necessary, the tactical reform of the monarchical form of government in a changing socio-historical situation. One imperative remained inviolable: the absolute supremacy of the power of the autocrat. The main thing is that evaluating the monarchy as the best form of supreme power,

ИСТОРИЯ

власти самодержца. Главное же в том, что оценивая самодержавие как наилучшую форму верховной власти, консерваторы считали, что в новых условиях единовластие более чем любой иной форме правления требует понимания и поддержка народа. В конечном итоге российские консерваторы, делали ставку на использование неисчерпанного потенциала государственно-властного ресурса.

Ключевые понятия: мирное, эволюционное, ненасильственное приспособление, потенциал государственно-властного ресурса.

Агапов М.Г. Партийно-советское руководство и российские сионисты: в поисках *modus vivendi* (1917–1920–е гг.). В статье исследуется политика партийно-советского руководства по отношению к российским сионистам в период ее формирования, когда был сконструирован образ сионистов и определены границы временного компромисса с ними.

Ключевые понятия: сионизм, еврейская секция РКП (б), евком.

Попов А.А. Становление региональной политики в Словакии и Словении: два пути в зону евро. Статья посвящена истории формирования институтов региональной политики двух наиболее успешных стран постсоциалистического пространства.

Ключевые понятия: история региональной политики, Словакия, Словения, переходная экономика.

Стасюкевич С.М. Власть и дальневосточное крестьянство в условиях хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. В статье раскрываются особенности развития кризиса хлебозаготовок 1927/28 г. на Дальнем Востоке. Показано, что кризис был вызван не объективными причинами, а изменением аграрной политики государства. Выявлены социально-политические последствия кризиса.

Ключевые понятия: власть, крестьянство, хлеб, кризис, Дальний Восток.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Борисов С.В. Эссе о «философском векордизме» (мысли, навеянные статьей М.В. Чекмарёва и А.С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты»). Если векордизм как способ защиты способствует сохранению человеческой личности, то пусть этот векордизм будет философским, тогда и самозащита окажется эффективнее, и личность получит возможность осуществить необходимую заботу о себе для того, чтобы стать в будущем по-настоящему свободной.

Ключевые понятия: безумие, личность, философ, философствование.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Парамонова С.П. Социальные отношения в турбулентные времена. Выборы через партии не отвечают сегодняшней ситуации в России, поскольку средний класс не представлен институционально. Закрытость стратификационных каналов для продвижения в элиту. «Исход» технической интеллигенции. Российский интеллект включен в социально-технический скачок Запада. Объединить исторический субъект. Необходимость Всероссийской конференции по модернизации образования. Показатели неустойчивого развития: национальная рознь, конфликт новых и старых поколений, терроризм.

Ключевые понятия: креативный класс, имитации креативности, маргинализация общества, новая реколонизация деревни, Daunshifting, идентичность.

HISTORY

conservatives believed that, in the new conditions, autocracy requires understanding and support of people more than any other form of government. In the end, Russian conservatives relied on the use of the inexhaustible potential of the state-power resource.

Key concepts: peaceful, evolutionary, non-violent adaptation, potential of the state-power resource.

Agapov, M.G. Soviet Party Leadership and Russian Zionists: in Search for Modus Vivendi (1917–1920's). The article examines policies of the Soviet party leadership towards Russian Zionists during its formation the period, when the image of Zionists was designed and boundaries of temporary compromise with them were defined.

Key concepts: Zionism, Jewish section of the Russian Communist Party (of Bolsheviks), revolutionary committee.

Popov, A.A. Formation of Regional Policy in Slovakia and Slovenia: the Two Paths to the Eurozone. The article is devoted to the history of formation of regional policy institutions of the two most successful states of the post-Soviet space.

Key concepts: history of regional policy, Slovakia, Slovenia, transitional economics.

Stasyukevich, S.M. Power and the Far Eastern Peasantry in the Grain Procurement Crisis of 1927–28. The article describes the features of the grain procurement crisis of 1927–28 in the Far East. It is shown that the crisis was not caused by objective reasons, but by the change in agricultural policy of the state. Social and political implications of the crisis are identified.

Key concepts: power, peasantry, bread, crisis, Far East.

DISCUSSIONS AND DEBATES

Borisov, S.V. Essay on 'Philosophical Vecordism' (thoughts, inspired by the article 'Vecordism or World-View as a Defense Method' by M.V. Chekmarev and A.S. Chuprov). If vecordism as a defense method contributes to preservation of human personality, then let it be philosophical vecordism, then self defense would also be more effective and a personality will be able to carry out the necessary care of itself in order to become truly free in future.

Key concepts: madness, personality, philosopher, philosophizing.

SCIENTIFIC LIFE

Paramonova, S.P. Social Relations in Turbulent Times. Elections via party lists do not meet the current situation in Russia because the middle class is not represented institutionally. Stratification channels for promotion to the elite are closed: the 'Exodus' of the technical intellectuals. Russian intellect is included into the social and technical leap of the West. It's necessary to unite the historical subject and hold an All-Russian Conference on the modernization of education. Indicators of unsustainable development are: national strife, conflict of old and new generations, terrorism.

Key concepts: creative class, creativity imitations, marginalization of society, new village re-colonization, downshifting, identity.

АВТОРЫ НОМЕРА

Агапов Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой истории и международных отношений Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. E-mail: magarov74@gmail.com

Борисов Сергей Валентинович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета, доцент. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Булатова Диана Кутузовна, соискатель кафедры политологии Тюменского государственного университета. E-mail: Sedna@yandex.ru

Грунт Елена Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Губанов Николай Иванович, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и политологии Тюменской государственной медицинской академии, профессор. E-mail: gubavov48@mail.ru

Губанов Николай Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: gubanovnn@mail.ru

Гурарий Евгений Михайлович, аспирант кафедры философии и политологии Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: gurariy777@mail.ru

Дубровин Олег Владимирович, соискатель кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета, помощник члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Р. У. Гаттарова по работе в Челябинской области, г. Челябинск. E-mail: dov1974@mail.ru

Зайцев Александр Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Зырянов Сергей Григорьевич, заведующий кафедрой политологии и политического управления Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор. E-mail: director@rane74.ru

Карипов Балташ Нурмухамбетович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Кокшетауского государственного университета имени Ш. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан. E-mail: bkaripov@yandex.ru

Кирдяшкин Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kirdjshkin@mail.ru

Киселев Сергей Васильевич, кандидат социологических наук, главный специалист отдела социально-политического мониторинга и анализа Министерства внутренней и информационной политики Ростовской области, г. Ростов-на-Дону. E-mail: naukaRGU@yandex.ru

Климов Валерий Николаевич, аспирант кафедры социологии и управления общественными отношениями Уральского государственного экономического университета. E-mail: profin@usue.ru

Коротина Наталья Юрьевна, заведующая кафедрой экономики и финансов Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат экономических наук. E-mail: korotina@rane74.ru

Красняков Николай Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск. E-mail: kofe51@yandex.ru

Лапаева Ангелина Вячеславовна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры частного права Второго Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: anlapaeva83@mail.ru

Липская Лариса Алексеевна, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, доктор педагогических наук, доцент, г. Челябинск. E-mail: lipskaya@mail.ru

Лобжанидзе Авелина Авелевна, кандидат политических наук, доцент кафедры философии Московского автомобильно-дорожного института Государственного технического университета. E-mail: averpoezia@yandex.ru

Лукин Анатолий Николаевич, кандидат культурологии, профессор кафедры политологии и политического управления Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: anlukin@mail.ru

Мухаметов Руслан Салихович, кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского федерального университета им. первого Президента Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Овчаренко Роман Константинович, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Ростовского социально-экономического института, государственный советник Ростовской области 2 класса. E-mail: alfa999@inbox.ru

Панарин Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Тюменского государственного университета. E-mail: panarin914@rambler.ru

Парамонова Светлана Павловна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета. E-mail: socio@pstu.ac.ru

Попов Алексей Алексеевич, аспирант кафедры всеобщей истории Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: hammstergoshop@mail.ru

Попов Валерий Германович, советник ректората Уральского федерального университета, заведующий кафедрой социологии и управления общественными отношениями Уральского государственного экономического университета, профессор, доктор социологических наук. E-mail: valery54-popov@yandex.ru

Сергеев Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории прав и уголовно-правовых дисциплин Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Стаскокевич Светлана Михайловна, директор Института гуманитарного образования, кандидат исторических наук Дальневосточного государственного аграрного университета, профессор, г. Благовещенск. E-mail: svetasms@freemall.ru

Суслова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск. E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Ташкинова Татьяна Викторовна, старший преподаватель кафедры коммерции и маркетинга Челябинского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета. E-mail: eq-t@mail.ru

Филипповская Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург. E-mail: ftatyana@mail.ru

Хрыкин Андрей Андреевич, аспирант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: anryda@yandex.ru

Юрьева Алена Викторовна, соискатель кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента Б.Н. Ельцина, ассистент кафедры гуманитарных наук Московского филиала Гуманитарного университета. E-mail: yr.aleona@yandex.ru

AUTHORS OF THIS ISSUE

- Agapov, Mikhail Gennadievich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of New History and International Relations of the Institute for the Humanities of the Tyumen State University. E-mail: magapov74@gmail.com
- Borisov, Sergey Valentinovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Philosophy of the Chelyabinsk State Pedagogical University, Docent. E-mail: borisovsv69@mail.ru
- Bulatova, Diana Kutuzovna**, Competitor of the Chair of Political Science of the Tyumen State University. E-mail: Sedna@yandex.ru
- Grunt, Elena Viktorovna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Applied Sociology of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru
- Gubanov, Nikolay Ivanovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Chair of Philosophy and Political Science of the Tyumen State Medical Academy, Professor. E-mail: gubavov48@mail.ru
- Gubanov, Nikolay Nikolaevich**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy of the N. E. Bauman Moscow State Technical University. E-mail: gubanovnn@mail.ru
- Gugariy, Evgeniy Mikhailovich**, Postgraduate Student of the Chair of Philosophy and Political Science of the Ural Institute – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: gurariy777@mail.ru
- Dubrov, Oleg Vladimirovich**, Competitor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the South Ural State University, Aide to the Member of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation R. U. Gattarov on Work in the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk. E-mail: dov1974@mail.ru
- Zaitsev, Alexander Vladimirovich**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Political Science of the N. A. Nekrasov Kostroma State University. E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru
- Zyryanov, Sergey Grigorievich**, Head of the Chair of Political Science and Political Administration of the Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor. E-mail: director@rane74.ru
- Karipov, Baltash Nurmukhambetovich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy of the Sh. Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Republic of Kazakhstan. E-mail: bkaripov@yandex.ru
- Kirdyashkin, Ivan Vladimirovich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the National Research Tomsk State University. E-mail: kirdjhkin@mail.ru
- Kiselev, Sergey Vasilievich**, Candidate of Sociological Sciences, Main Specialist of the Department of Social and Political Monitoring and Analysis of the Ministry of Internal and Informational Policy of the Rostov Region, Rostov-on-Don. E-mail: naukaRGU@yandex.ru
- Klimov, Valery Nikolaevich**, Postgraduate Student of the Chair of Sociology and Public Relations Administration of the Ural State Economic University. E-mail: profin@usue.ru
- Korotina, Natalia Yurievna**, Head of the Chair of Economics and Finances of the Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences. E-mail: korotina@rane74.ru
- Krasnyakov, Nikolay Ivanovich**, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Theory and History of State and Law of the Siberian Institute – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk. E-mail: kofe51@yandex.ru
- Lapaeva, Angelina Vyacheslavovna**, Candidate of Juridical Sciences, Lecturer of the Chair of Private Law of the Second Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: anlapaeva83@mail.ru
- Lipskaya, Larisa Alekseyevna**, Head of the Chair of Social Sciences and the Humanities of the Ural State University for Physical Culture, Doctor of Pedagogic Sciences, Docent, Chelyabinsk. E-mail: lipskayala@mail.ru
- Lobzhanidze, Avelina Avelovna**, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy of the Moscow Automobile and Road Institute of the State Technical University. E-mail: avepoezia@yandex.ru
- Lukin, Anatoliy Nikolaevich**, Candidate of Culturology, Professor of the Chair of Political Science and Political Administration of the Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: anlukin@mail.ru
- Mukhametov, Ruslan Salikhovich**, Candidate of Political Sciences, Junior Lecturer of the Chair of Theory and History of the Political Science of the Political Science and Sociology Faculty of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg. E-mail: muhametov.ru@mail.ru
- Ovcharenko, Roman Konstantinovich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Management of the Rostov Social and Economic Institute, 2nd Category Counselor of State of the Rostov Region. E-mail: alfa999@inbox.ru
- Panarin, Sergey Mikhailovich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of Political Science of the Tyumen State University. E-mail: panarin914@rambler.ru
- Paramonova, Svetlana Pavlovna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Sociology and Political Science of the Perm State Polytechnic University. E-mail: socio@pstu.ac.ru
- Popov, Aleksey Alekseyevich**, Postgraduate Student of the Chair of the Universal History of the Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: hammstergoshop@mail.ru
- Popov, Valery Germanovich**, Counsellor to the Administration of the Ural Federal University, Head of the Chair of Sociology and Public Relations Administration of the Ural State Economic University, Professor, Doctor of Sociological Sciences. E-mail: valery54-popov@yandex.ru
- Sergeev, Andrey Borisovich**, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Chair of Theory of Laws and Criminal and Legal Disciplines of the Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: sergeev_ab@bk.ru
- Stasyukevich, Svetlana Mikhailovna**, Director of the Institute for Liberal Education, Candidate of Historical Sciences of the Far East State Agricultural University, Professor, Blagoveschensk. E-mail: svetasm@freemail.ru
- Suslova, Svetlana Igorevna**, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Civil Law and Trial of the Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk. E-mail: svetsuslova@yandex.ru
- Tashkinova, Tatiana Viktorovna**, Senior Lecturer of the Chair of Commerce and Marketing of the Chelyabinsk Institute (Branch) of the Russian State University of Trade and Economics. E-mail: eq-t@mail.ru
- Filippovskaya, Tatiana Vladimirovna**, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Ural State University of Economics, Yekaterinburg. E-mail: ftatyana@mail.ru
- Khyrkin, Andrey Andreyevich**, Postgraduate Student of the Institute for Philosophy and Law of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: anryda@yandex.ru
- Yurieva, Alena Viktorovna**, Competitor of the Chair of Applied Sociology of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Junior Lecturer of the Chair of the Humanities of the Moscow Branch of the Liberal Arts University. E-mail: yr.aleona@yandex.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая список литературы*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i. e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5–2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules.»

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the "SOCIUM AND POWER" journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

* A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.